

Государственное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Челябинский государственный университет»

На правах рукописи

Рыбалко Андрей Александрович

**ТРАДИЦИОННАЯ АРХИТЕКТУРА ОРЕНБУРГСКИХ КАЗАКОВ
(вторая половина XIX – начало XX века)**

07.00.07 – этнография, этнология и антропология

диссертация на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, профессор
Алеврас Наталья Николаевна

Челябинск – 2007

Содержание

Введение	3
Глава I. Формирование этнографической группы оренбургских казаков	13
§ 1. Геополитическая ситуация на юго-восточных рубежах России в XVIII в.....	13
§ 2. Освоение Новолинейного района	17
Глава II. Населённые пункты оренбургских казаков	28
§ 1. Ландшафтное районирование и природно-климатические условия.	28
§ 2. Типы населённых пунктов	32
§ 3. Топонимия населённых пунктов	34
§ 4. Планировка населённых пунктов	42
Глава III. Жилище и усадьба оренбургских казаков	53
§ 1. Развитие жилища	53
§ 2. Интерьер	69
§ 3. Декоративные украшения	76
§ 4. Типы дворов и застройка усадеб	78
§ 5. Хозяйственные постройки и временное жильё.....	82
§ 6. Строительные материалы.....	98
§ 7. Система водоснабжения.....	106
§ 8. Традиционная архитектура иноэтничных групп оренбургских казаков на примере нагайбаков	111
Заключение	117
Список использованных источников и литературы	120
Список сокращений	129
Приложение	131

Введение

Актуальность исследования. Оренбургское казачье войско (ОКВ) – одно из первых казачьих формирований России, созданных государством для решения геополитических задач, стоявших перед империей на Востоке в XVIII–XIX вв. Включение в состав войска в течение двух веков различных групп казаков (волжских, исетских, в небольшом количестве яицких, украинских и донских), государственных крестьян, солдат линейных батальонов, а также отдельных групп финно-угорских, монгольских, тюркских (в том числе не христианского вероисповедания) народов привело к формированию этнографической группы русских с выраженным субэтническим самосознанием – оренбургских казаков со свойственным ей комплексом локальных особенностей культуры. Сложный состав этнографической группы, проживание на огромной территории – от среднего течения реки Урал до среднего течения реки Тобол – в различных природно-географических условиях не могли не сказаться на особенностях материальной культуры.

Выявление общерусских черт культуры и закономерностей её развития возможно только на основе изучения локальных вариантов традиционной культуры. Локальным вариантом традиционной архитектуры русских, формировавшимся под воздействием разнообразных социально-экономических, экологических, этнических, психологических и других факторов является и традиционная архитектура оренбургских казаков.

Материальная культура оренбургских казаков до настоящего времени изучена недостаточно. Это в полной мере относится и к такому яркому ее элементу, как традиционное жилище, которое, в отличие от других элементов материальной культуры, в значительной мере сохранилось до нашего времени. Однако сегодня повсеместно архитектурный облик сел меняется до неузнаваемости. Ветхость многих домов, изменившиеся под влиянием города вкусы владельцев, а также широкое гражданское и промышленное

строительство в сельских населенных пунктах приводят к сокращению числа традиционных построек, и через несколько лет они могут исчезнуть практически полностью. Всё это вызывает насущную необходимость сбора и анализа материалов по традиционной архитектуре оренбургских казаков.

Состояние изученности. Традиционное жилище оренбургских казаков до настоящего времени не являлось предметом специального исследования.

Можно сказать, что работ, в которых традиционная архитектура оренбургских казаков в целом или какие-либо её элементы находились бы в центре внимания автора, просто не существует. Однако некоторые сведения об особенностях архитектурных традиций оренбургских казаков содержатся как в дореволюционной литературе, так и в работах, опубликованных в советский период. Начало этнографическому изучению оренбургских казаков было положено в конце XIX – начале XX в. В первые десятилетия XX в. вышли в свет ряд трудов, в которых наряду с вопросами истории, организационного устройства и современного авторам состояния войска определённое внимание уделялось и традиционной архитектуре. Среди них можно назвать работу Ф.М. Старикова «Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска. С приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков, рисунков со знамён и карты», изданной в Оренбурге в 1891 г. (Стариков Ф.М. 1891), в которой содержится краткое общее описание традиционного жилища оренбургских казаков. Сведения по этой теме содержатся в работах А.И. Кривощёкова (Кривощёков А.И. 1915). В них автор затрагивает вопросы, связанные с традиционным жилищем, лишь косвенно, поскольку в центре его внимания находятся фольклор, обряды и обычаи оренбургских казаков. Достаточно подробно описана архитектура поселка Благословенного Оренбургского станичного юрта I военного отдела в работе Д.К. Зеленина «У оренбургских казаков», опубликованной в 1905 г. в Этнографическом обозрении (Зеленин Д.К. 1905). Выдающийся русский этнограф, впоследствии автор обобщающего труда «Восточнославянская этнография», не утратившего своего значения до настоящего времени, в

1904 г. провёл несколько месяцев в указанном посёлке, изучая быт местных казаков. В его работе содержатся описания посёлка, уделено достаточно большое внимание планировке дворов, названиям, типам и конструкциям хозяйственных построек, внутренней планировке жилищ, а также содержится анализ причин появления ряда особенностей в планировке и эксплуатации жилищ у оренбургских казаков. В данной работе приведены также планы типичной планировки жилых построек казаков Благословенного поселка, зафиксированных автором в середине 20-х гг. XX в.

Значение этих работ трудно переоценить, так как они написаны на основе непосредственного наблюдения за материальной культурой оренбургских казаков в тот период, когда она в значительной степени оставалась традиционной, и подвергалась минимальным изменениям под влиянием европейской моды. Однако обе эти работы написаны на материалах лишь одного населённого пункта и не позволяют сформировать целостного представления о традиционной архитектуре оренбургских казаков.

В советский период, в 1930 г., опубликована работа М.Д. Голубых «Казачья деревня» (Голубых М.Д. 1930). Книга содержит детальное описание архитектурно-планировочных и конструктивных особенностей жилых и хозяйственных построек посёлка Тимофеевский Еткульской станицы III отдела ОКВ. Это практически единственное, опубликованное в советский период, историко-бытовое исследование, посвящённое оренбургским казакам. В вышедшем в 1956 г. фундаментальном обобщающем труде Е.Э. Бломквист «Крестьянские постройки русских, украинцев, белорусов» (Бломквист Е.Э. 1956. С. 105) архитектура оренбургских казаков упоминается только раз, причем эта цитата из книги М.Д. Голубых.

Экспедиционному этнографическому изучению традиционной культуры оренбургских казаков в этот период также не уделялось должного внимания. Масштабных и достаточно регулярных экспедиций с научно-исследовательскими задачами в казачьи районы Южного Урала не

предпринималось вплоть до конца 1980-х г. По крайней мере, отсутствуют отчёты и публикации, которые подтверждали бы наличие подобных экспедиций. Исключение составляют две экспедиции Оренбургского областного краеведческого музея в 1978 и 1979 гг. в Кваркенский и Саракташский районы Оренбургской области, отчёты о которых хранятся в архиве музея.

В 1970-е г. экспедиционные исследования традиционной архитектуры Южного Урала были предприняты челябинским архитектором М.П. Мочаловой. Результатом стал выход книги «На полуденную сторону», посвященной архитектуре Южного Урала в целом, где автор затронула лишь один аспект интересующей нас темы – планировку казачьих населённых пунктов Челябинской области, разработав собственную классификацию.

В конце 80-х – начале 90-х гг. состоялось несколько экспедиций казанских этнографов в Нагайбакский, Чебаркульский и Варненский районы Челябинской области с целью изучения традиционной культуры нагайбаков и сбора сравнительных материалов по разным группам татар Челябинской области. Коллективная монография «Нагайбаки» содержит статью Ю.Г. Мухаметшина, в которой подробно рассмотрена архитектура населённых пунктов казаков-нагайбаков и приведены некоторые сведения по жилищам татар-мусульман, находившихся в составе ОКВ (Мухаметшин Ю.Г. 1994. С. 40–49). В 1988–2006 гг. систематический сбор материалов по традиционной культуре и, в том числе традиционной архитектуре, оренбургских казаков проводился этнографической экспедицией Челябинского государственного университета и музея-заповедника «Аркаим». За этот период было обследовано более 60 населённых пунктов в Брединском, Кизильском, Варненском, Карталинском, Троицком, Нагайбакском, Верхнеуральском, Уйском, Еткульском, Чебаркульском, Чесменском, Увельском районах Челябинской области, Кваркенском, Адамовском, Илекском районах Оренбургской области, Учалинском районе Башкортостана, а также в Комсомольском районе Кустанайской области

Казахстана. На основе собранных материалов автором опубликован ряд статей – «Традиционная архитектура оренбургских казаков» в сборнике «Материалы по археологии и этнографии Южного Урала», «Традиционная архитектура оренбургских казаков на территории Челябинской области» в сборнике «Оренбургское казачье войско. Культура. Быт. Обычаи», «История и быт казаков новолинейного района» в сборнике «Аркаим. Исследования. Поиски. Открытия» и другие.

В конце 1990-х – 2000 гг. ряд экспедиций в Нагайбакский район Челябинской области предпринят этнографической экспедицией Магнитогорского государственного педагогического института. Среди прочих тем исследования внимание уделялось и традиционной архитектуре. По результатам исследований И.Р. Атнагуловым был опубликован ряд статей в их числе «Поселения и жилища верхнеуральских нагайбаков (сер. XIX – первая треть XX в.)», (Атнагулов И.Р. 1998); «Поселения и жилища верхнеуральских казаков-нагайбаков» (Атнагулов И.Р. 2004).

Данным перечнем исчерпывается круг литературы, затрагивающей вопросы традиционной архитектуры оренбургских казаков.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования являются, оренбургские казаки. Предметом является традиционная архитектура оренбургских казаков второй половины XIX – начала XX в.

Цель и задачи исследования. Целью данной работы является исследование архитектурно-планировочных особенностей населённых пунктов оренбургских казаков, особенностей традиционных жилищ и усадеб и факторов их формирования, выявление их общегрупповых черт и внутренней вариативности, динамики развития. Поставленная цель требует решения следующих задач:

1. Обозначить основные геополитические факторы, повлиявшие на формирование этнографической группы оренбургских казаков и этапы освоения ими войсковой территории.

2. Определить типы традиционных поселений, жилищ и усадебных комплексов оренбургских казаков.

3. Представить характеристику традиционных построек всех типов по всему спектру основных признаков: строительные материалы и технология сооружения, внутренняя планировка и конструктивные особенности.

4. Выявить сословную специфику казачьей архитектуры, влияние традиций районов выхода переселенцев на местные архитектурные традиции, показать адаптивные аспекты традиционной архитектуры, факторы, повлиявшие на формирование специфических черт архитектуры, определить место архитектуры оренбургских казаков в системе восточнославянских архитектурных традиций.

Хронологические рамки исследования. Хронологические рамки ограничиваются периодом с середины XIX в. до начала XX в. (в пределах первой его четверти). Середина XIX в. является важнейшим рубежом в социальной и экономической истории России и значимым в истории ОКВ, когда заканчивается в основном формирование войсковой территории, первичное аграрное освоение края и сопутствующее этому формирование этнографической группы оренбургских казаков. Во второй половине XIX в. Россия вступает в буржуазную фазу развития. Оживление торговли, появление новых технологий, орудий труда, развитие инфраструктуры ведут к постепенному накоплению преобразований в традиционной культуре, включая и архитектуру. Верхний временной предел обусловлен коренным изменением политической ситуации в стране, ломкой социально-экономического уклада, ликвидации сословия казаков, существенными административно-территориальными изменениями в регионе, что в совокупности привело в начале 30-х г. XX в. к практически к полному прекращению на длительный срок традиционного домостроения и началу процесса его деградации в большинстве населенных пунктов оренбургских казаков.

Территориальные рамки исследования определены историческими границами земель ОКВ, которые охватывают большую часть современных Оренбургской, Челябинской, и части Курганской областей, а так же часть Учалинского района Башкортостана и Кустанайской области Казахстана.

Источники. Автор привлекает разнообразные источники: этнографические и письменные. Этнографические источники по способу получения информации делятся на две группы: объекты непосредственного наблюдения и сообщения информаторов, собранные автором в ходе этнографических экспедиций Челябинского государственного университета и природно-ландшафтного и историко-культурного музея-заповедника Аркаим в 1988–2002 годах более чем в 60 населённых пунктах в Брединском, Кизильском, Варненском, Карталинском, Троицком, Нагайбакском, Верхнеуральском, Увельском, Уйском, Еткульском, Чебаркульском и Чесменском районах Челябинской области, Кваркенском, Адамовском и Илекском районах Оренбургской области, Учалинском районе Башкортостана, а также Комсомольском районе Кустанайской области Казахстана. Нужно отметить, что архитектура, как никакая другая часть традиционной культуры, в значительной степени сохранилась до наших дней. 10–15 лет назад, в период начала экспедиционной работы автора, значительная часть населённых пунктов в сельской местности на 50–70 % сохраняла историческую застройку, сформировавшуюся в последней четверти XIX – первой четверти XX в., а отдельные здания датировались серединой XIX в.

Анализ объектов непосредственного наблюдения дополняется опросом информаторов. Однако даже самые старые из них родились не ранее 1900 г., поэтому их сведения распространяются только на процессы, происходившие в XX в.

Кроме этнографических, полученных в ходе полевых исследований, использовались письменные источники как опубликованные так и не опубликованные. Их основу составили материалы архивов (Государственный архив Оренбургской области, Центральный Государственный Исторический Архив Республики Башкортостан), позволяющие получить информацию о

времени и обстоятельствах появления населённых пунктов, районах выхода, этническом и сословном составе переселенцев, внутренних миграциях. Отдельную относительно немногочисленную группу письменных источников составляют опубликованные материалы. В их числе – статистические источники (Списки населённых мест Российской империи. 1871; Первая всеобщая перепись населения Российской империи в 1897 г. 1904; Правила о переселении на земли Оренбургского казачьего войска казаков упраздненного Ставропольского калмыцкого войска, белопахотных солдат и солдатских малолетков. 1843; Списки населённых мест Оренбургской губернии, 1901), содержащие сведения о количестве и вероисповедании жителей посёлков, количестве дворов и наличии в посёлках культовых и хозяйственных построек общественного назначения. В качестве источника использовались также мемуарная литература – воспоминания врача Д.И. Татаринова (Татаринов Д.И. 1993.), неопубликованные «Записки» учителя казачьей школы А.И. Утешева, публицистическая литература XIX – начала XX в. (В.И. Даль. 2001), в которой содержатся описания внешнего облика населённых пунктов или интерьера жилищ оренбургских казаков.

Методология исследования. Продуктивным для всестороннего и целостного изучения проблемы является системный подход, позволяющий рассмотреть архитектурные традиции во взаимосвязи среды обитания и специфики формирования группы оренбургских казаков. Одним из важнейших методологических принципов в исследовании является принцип историзма, который предполагает изучение любого общественного явления в конкретно-исторической обстановке, в процессе его возникновения, развития и изменения. В работе использованы научные методы, традиционно применяемые в исторических и этнографических исследованиях. В качестве основного используются сравнительно-исторический метод, позволяющий проследить эволюционные тенденции в традиционной архитектуре, выявить общее и особенное в развитии архитектурных традиций в различных регионах и у различных этнических групп. Историко-типологический метод использовался для построения классификационных схем (типы жилищ, дворов, поселений). Принцип историзма и системный анализ в сочетании с

такими методами познания как сравнительно-исторический, историко-типологический, структурный дают возможность рассматривать исследуемое явление в различных плоскостях и на разных этапах его развития. Теоретическую базу исследования составили труды Е.Э. Бломквист (Бломквист Е.Э. 1956), интерпретирующие традиционную архитектуру различных групп восточных славян как цепь последовательных звеньев. Типологизации и классификации автора базируются на разработанных Е.Э. Бломквист и М.В Витовым (Бломквист Е.Э. 1956; Витов М.В. 1958) принципах.

Сбор полевого этнографического материала производился, используя методы полевой этнографии; применялись метод непосредственного наблюдения материальных остатков культуры в виде сохранившихся до настоящих дней комплексов и отдельных элементов исторической застройки, населённых пунктов на территории, входившей в состав земель ОКВ (с графической, фото и видеофиксацией), и метод глубинного интервью с информаторами (обычно представителями старшей возрастной группы, наиболее полно знающими традиционную культуру своего региона).

Научная новизна работы заключается в том, что традиционная архитектура оренбургских казаков, впервые рассматривается комплексно, всесторонне, на материале большого количества населённых пунктов, всех этнических и конфессиональных групп оренбургских казаков. Автором собран и введён в научный оборот обширный круг новых этнографических источников.

В работе впервые для данного региона определена эволюция типов традиционной планировки жилищ, районирование и картографирование типов жилых и хозяйственных построек, планировок дворов, выявлены факторы, вызвавшие формирование общей специфики традиционной архитектуры региона, а также её внутренней вариативности.

Практическая значимость. Работа восполняет существующий пробел в изученности традиционной архитектуры оренбургских казаков. Материалы диссертации могут привлекаться при составлении учебных программ, пособий, разработке курсов лекций по истории и традиционной культуре

народов Южного Урала, а так же для популяризации знаний о традиционной культуре оренбургских казаков и оказать существенную помощь при составлении экскурсионных маршрутов и текстов экскурсий по историческим населённым пунктам Южного Урала, музейных экспозиций, предполагающих реконструкции традиционных интерьеров, создании музеев традиционной архитектуры под открытым небом.

Апробация работы. Основные результаты проведенного исследования докладывались автором на международных, всероссийских и региональных научных конференциях «Россия и Восток: проблемы взаимодействия» (1995); «Этнические взаимодействия на Южном Урале» (2006) в Челябинске, «Проблемы культурогенеза народов Волго-Уральского региона» (2001) в Уфе, «Сибирское казачество: прошлое настоящее будущее» (2002) в Омске, «Российское казачество: Проблемы истории и современность» (2006) в Тимашевске (Краснодарский край) на II международном конгрессе этнографов и антропологов (1997) в Уфе. Результаты научной работы отражены в 10 статьях и тезисах. В 2005 г. на территории Специализированного природно-ландшафтного и историко-археологического музея-заповедника Аркаим была открыта экспозиция «Казачья усадьба». В подготовке материалов, выборе объектов экспонирования, а также монтаже экспозиции совместно с сотрудниками СПЛиИАЦ «Аркаим» и ЧелГУ в составе авторского коллектива принимал участие автор диссертационного исследования.

Структура исследования. Работа состоит из введения, трёх глав, заключения, списка литературы и источников. Приложение содержит карты, схемы, чертежи планировок усадеб, жилых и хозяйственных построек, фото и графические изображения объектов традиционной архитектуры.

Глава I. Формирование этнографической группы оренбургских казаков

§ 1. Геополитическая ситуация на юго-восточных рубежах России в XVIII в.

Территория Оренбургского казачьего войска на рубеже XIX–XX вв. охватывала значительную часть степного и лесостепного Приуралья и Зауралья. Массовая русская колонизация данного региона началась только во второй четверти XVIII в. В степном Приуралье в конце XVII – начале XVIII вв. на территориях, занятых кочевыми тюркскими этносами (башкирами и казаками), были основаны лишь единичные русские населённые пункты – Бердская слобода в среднем течении реки Урал (Яик) (современная территория города Оренбурга), а в Зауралье самыми западными русскими поселениями являлись Калмацкий брод, Белоярско-Теченская и Багарякская слободы (ныне сёла Бродокалмак и Русская Теча Красноармейского, село Багаряк Каслинского районов Челябинской области). Местами выхода первых поселенцев были уже освоенные русскими территории в Зауралье по реке Исеть – Далматовский монастырь и Шадринская слобода (Дегтярев И.В., 1966. С. 73–80).

Во второй четверти XVIII в. свободная крестьянская колонизация сменяется организованной целенаправленной государственной колонизацией, связанной с деятельностью Оренбургской экспедиции.

Этот процесс был вызван резким изменением геополитической ситуации в «киргизской степи». В 1731 г. хан Младшей казахской орды Абулхаир обратился с прошением «о принятии его со всею тою Меньшею ордою в российское подданство» и о застройке в устье реки Орь города (Рычков П.И., 2001. С. 6). В 1734 г. в устье реки Орь недалеко от ханской ставки была основана крепость Оренбург (современный город Орск), а для снабжения его «провиантом и железом» в истоках реки Яик (Урал) – Верхнеяицкая пристань (ныне город Верхнеуральск) (Рычков П.И., 1999. С. 239). Основание в верхнем течении реки Миасс с апреля по сентябрь

1736 г. сети крепостей –Чебаркульской., Миясской (ныне село Миасское Красноармейского района Челябинской области), Челябинской и в1737 г. Эткульской (ныне село Еткуль, районный центр в Челябинской области) было также связано с необходимостью снабжать зауральским хлебом новый административный центр Оренбург. Первыми поселенцами этих крепостей были русские «дворцовые» крестьяне и лица различных сословий из «ближайших теченских слобод Исетской и Тобольской провинций», зачисленные в созданные полковником А.И. Тевкелевым исетские казаки (Дегтярев И.В., 1996. С. 56–57). Помимо Далматова монастыря, Шадринской слободы и окрестных сёл, местами рождения первых жителей крепостей были северные и северо-западные губернии европейской России: Архангельская, Вологодская, Новгородская, северные приуральские уезды Казанской губернии (Вятский и Кунгурский), Сибирская губерния (Екатеринбургское ведомство, Тобольский и Ялуторовский уезды). Таким образом, население региона в 30-е гг. XVIII в. формировалось в основном из северных великороссов (Дегтярев И.В., 1966. С. 86–87).

Процессы военного строительства и хозяйственного освоения края были приостановлены «башкирскими бунтами» 30-х гг., которые, однако, после подавления спровоцировали интенсификацию колониционных процессов. С этого времени колонизация степного и лесостепного Приуралья и Зауралья окончательно приобретает черты, характерные для российской государственной колониционной политики, основы которой были заложены ещё при Иване Грозном.

Колонизация Южного Урала являлась частью общей политики расширения империи на восток. Это был, пожалуй, один из первых опытов жёстко контролируемой государственной колонизации восточных окраин, которая, помимо чисто военно-политических акций, как один из важнейших элементов включала в себя «политику населения» (Холквист П., 1998. С. 30–42). Под «политикой населения» следует понимать активное вмешательство государства в этнодемографические процессы,

регулирование миграционных потоков, манипулирование этноконфессиональным составом населения, выраженное, прежде всего, в насаждении русско-православного элемента, призванного стать демографической опорой государственной целостности (Ремнёв А.В., 2002. С. 16).

Коренное отличие русской колонизационной модели от европейской в том, что «строительство империи считалось тождественным процессу поглощения Россией восточных окраин», Россия как бы росла за счет новых земель, превращая их в свои неотъемлемые части (Ремнёв А.В., 2002. С. 19). Это было закреплено в получившем широкое распространение в конце 19 века и используемом до настоящего времени термине «Азиатская Россия».

40-е гг. XVIII в. являются временем создания Оренбургской пограничной линии. Укрепленная линия прикрывала юго-восточные рубежи Российского государства от нападений киргиз-кайсаков (казахов) и джунгарских калмыков. Создание сети опорных пунктов от Каспийского моря вверх по рекам Урал (Яик) и Уй явилось частью правительственного плана перенесения государственной границы на юго-восток от Башкирии и окончательного включения ее в состав России.

В результате сооружения Оренбургской пограничной линии Башкирия и Киргиз-кайсакская орда оказались разделенными укрепленной границей, которая стала весьма важным стабилизирующим фактором в отношениях между двумя кочевыми народами. К тому же для киргиз-кайсаков (казахов) появилось убежище от возможного нападения джунгар.

Частью Оренбургской пограничной линии являлась Верхнеицкая дистанция, а укрепления, крепости и редуты, составлявшие ее, позднее превратились в поселки, станицы и города, большая часть которых сегодня находится на территории современных Оренбургской и Челябинской областей. Располагаются они преимущественно на правом берегу реки Урал (Яик): город Верхнеуральск, поселки Спасский, Верхнекизильский,

Янгельский, Сыртинский, Увальский, Грязнушенский, станицы Магнитная, Кизильская и другие.

От Верхнеуральской (Верхнеяицкой) крепости граница поворачивала на восток, вниз по реке Уй до впадения ее в Тобол. На Уйской линии ключевой была Троицкая крепость, линия охватывала степное Зауралье с севера. Укрепления были сооружены на левом, северном берегу реки. Исключение составила Степная крепость (впоследствии станица), основанная на правом, степном берегу. Промежуток границы между Верхнеуральской и Степной крепостями был практически сухопутным.

Первыми «жителями» новопостроенных крепостей были наряжаемые на службу солдаты и офицеры линейных, регулярных полков; яицкие, волжские, малороссийские и исетские казаки; служилые татары, мешчеряки (мишари), тептяри, калмыки, то есть лица с разной сословной, конфессиональной и этнической принадлежностью. Солдаты регулярных полков в подавляющем большинстве были великороссами, рекрутируемыми на службу из центральных губерний Российской империи. Среди офицеров, в основном тоже русских, встречались немцы и поляки (Рычков П.И., 1999. С. 225–226). Во второй четверти XVIII в. русской администрацией было образовано особое Оренбургское казачье войско. Началом его образования стало создание оренбургским генерал-губернатором И.И. Неплюевым оренбургского нерегулярного корпуса из казаков различных районов Заволжья. Впоследствии в состав Оренбургского казачьего войска были включены исетские и часть яицких казаков.

В 1758 г. Оренбургское казачье войско управлялось войсковым атаманом, подчиненным оренбургскому генерал-губернатору. Численность войска систематически пополнялась за счет переселяемых сюда волжских, донских и украинских казаков.

§ 2. Освоение Новолинейного района

В XVIII в. Россия вплотную приблизилась к границам степного края. Однако продвижение в степь и ее колонизация начались только через сто с лишним лет, во второй четверти XIX в. Оренбургская пограничная линия разделила два враждующих народа – башкир и казахов. Тем не менее, «неприязненные» отношения между ними не прекратились окончательно. Взаимные набеги продолжались, кочевники прорывались через границу, разоряли селения, угоняли скот и пленных. Очень часто объектами нападения становились не только башкирские деревни, но и русские поселения на Оренбургской пограничной линии. Подобное положение, естественно, не благоприятствовало хозяйственной деятельности прилинейного населения, как русского, так и татарского и башкирского.

Для того чтобы прекратить разбой на приграничной линии, русской администрацией решено было перенести границу вглубь киргизской степи на 100–150 верст, и тем самым разъединить башкир и казахов окончательно. Идея переноса границы и создания широкой буферной зоны между башкирами и казахами принадлежала герою войны 1812 г. графу П.П. Сухтелену, оренбургскому военному губернатору. Перенесение границы сократило бы ее протяженность, что, в свою очередь, уменьшило бы расходы на ее содержание. Эта идея была развита и воплощена преемником П.П. Сухтелена генерал-адъютантом В.А. Перовским, другом А.С. Пушкина. Проект Сухтелена-Перовского был одобрен в Петербурге императором Николаем I. Там же было решено, что защищать линию будут ее обитатели, поэтому она должна быть заселена только лицами казачьего сословия. Сооружение линии планировалось осуществить за счет местных средств. Военным губернатором был учрежден особый «местный комитет», в задачи которого входило изыскание средств на строительство и решение практических вопросов, связанных с воплощением проекта в жизнь. Возглавил комитет сам В.А. Перовский. В состав комитета вошли: председатель пограничной комиссии генерал-майор Г.Ф. фон Генс,

командир неперменного полка И.В. Падуров в дальнейшем наказной атаман ОКВ, старший член Войскового правления чиновник по особым поручениям при военном губернаторе, коллежский асессор В.И. Даль, в последствии выдающийся русский филолог служивший тогда на Оренбургской линии, и другие старшие офицеры и чиновники (Абрамовский А.П. Кобзов., В.С.1999.С. 90). Комитет постановил, что строительство линии и заселение новой территории «должно пройти быстро, без проволочек, чтобы киргизы видели в этом решительное и неизменное действие». Отторжение и выселение «киргиз» (казахов) из Новолинейного района – так стала называться колонизируемая территория – В.А. Перовский считал справедливым возмездием за разбой, чинимый ими в приграничной полосе, и за непокорность русской администрации: «пахотная земля для киргиз бесполезна, лес киргизы употребляют только зимой для согревания своих кибиток, а летом наносят ему вред пожаром». Эти доводы, приводимые В.А. Перовским, примечательны ещё и тем, что они подчёркивают такую типичную черту русской государственной колонизационной политики как существование своего рода «народной санкции имперской экспансии, которая оправдывалась приращением пахотной земли с последующим заселением её русскими» (Яковенко И.Г., 1999. С. 103).

Исход казахов освобождал эти земли, пригодные для земледелия, для русского населения, приток которого ожидался российской администрацией. Казахское земледелие, даже в его слабой форме в то время не поощрялось русскими властями. Последние считали, что это может причинить экономический ущерб приграничным городам, жившим меновой торговлей со степью. Крупными центрами меновой торговли являлись города Оренбург, Троицк и Орская крепость. Ярмарка, проводившаяся со второй половины XVIII в. в Троицке, который стал вторым по численности населения городом в губернии, к концу XIX в. вышла на третье место в России по товарообороту.

Опасаясь недовольства и сопротивления со стороны казахского населения, российская администрация решила временно не сообщать кочевникам о выселении их из Новолинейного района.

Застройка линии началась одновременно с севера и с юга. Новая пограничная линия должна была пройти от Орска на северо-восток и совсем не по прямой, как пишут в некоторых изданиях, а восточнее рек Суундук, Бирсуат, Камысты-Аят. Пересекая Большой Аят, граница поворачивала на север, северо-запад, шла посуху через степь до озера Бурли, затем направление ее менялось на северо-восток и вдоль реки Тогузак, по ее правому берегу, продолжалась до Березовского укрепления на Уйской линии, напротив впадения реки Тогузак в Уй, примерно в 100 км восточнее Троицка.

Строительство линии продолжалось с 1835 по 1837 гг. Новая пограничная линия состояла из пяти дистанций. Центрами дистанций были укрепления нового типа, которые иногда называли крепостями. На территории современной Челябинской области два таких центра – бывшие станции Николаевская и Наследницкая. Между поселениями располагалась кордонная стража на специально установленных редутах и пикетах с промежутком в 5–10 верст. Для наблюдения за степью пикеты оборудовались смотровыми вышками, система оповещения осуществлялась с помощью шестов, обвитых просмоленной соломой, которые в случае тревоги поджигались (ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 4570, л. 3).

Между поселениями было три редута. Каждое укрепление окапывалось рвом и обносилось валом, точнее земляным бруствером с воротами (ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 4570, л. 1).

Устроитель Новой линии военный губернатор Оренбургского края В.А. Перовский намеревался насыпать вал вдоль всей линии границы. Непрерывный вал со рвом должен был служить препятствием, защищающим занятую территорию от набегов и «палов» – степных пожаров, устраиваемых кочевниками, (ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 4570, л. 1–9).

Его сооружение было начато в 1837 г. За два года было насыпано 43 версты. Но, ввиду абсолютной бесполезности и дороговизны, строительство вала было прекращено новым военным губернатором В.А. Обручевым. Вместо вала между крепостями и редутами сооружался в некоторых местах «сим» – непрерывная контрольно-следовая полоса из ивовых прутьев, воткнутых обоими концами в землю. Объезжая «сим», казаки определяли по нарушенным участкам, в каком месте кочевники перешли границу.

Кстати сказать, сооружение Новой пограничной линии не предусматривало демонтажа старой. Между двумя линиями, включая укрепления и редуты на самой границе, было построено в течение десяти лет около 50 населенных пунктов. Первоначально названия имели только поселения на самой границе или рядом с ней: Надежденский, укрепление Михайловское, Алексеевский, укрепление Николаевское, Константиновский, Владимирский, Георгиевский, укрепление Наследническое, Мариинский, Андреевский, Атаманский, Павловский, Екатеринбургское, Елизаветинское и многие другие.

В 1840 г. Новолинейный район, площадь которого равнялась 4300 тыс. кв. десятин, был включен в состав Оренбургской губернии. Искключительные права на территорию были закреплены положением об Оренбургском казачьем войске, изданным в том же году (Горбунова С.В., 1997. С. 63). Первыми для несения кордонной службы на Новую пограничную линию были отправлены 550 оренбургских казаков, сотня уральских и тысяча башкир. Солдаты упраздненных линейных батальонов из крепостных гарнизонов переводились в казачье сословие, получали подъемные деньги, и с семьями переселялись на Новую линию. Перовским упраздняются казачьи станицы внутренних кантонов, находящиеся в Уфимском, Бузулукском и Белебеевском уездах, а населению их предписывается переселиться в «новолинейный район». Всего по плану войскового начальства переселению подлежало 3752 казака мужского пола из станиц Бакалинской, Бузулукской, Нагайбакской, Ольшанской,

Самарской, Сорочинской, Табынской, Тоцкой, Уфимской и Алексеевской. Больше всего переселенцев было из Бакалинской станицы – 1753 души мужского пола, меньше всего из Алексеевской – только один казак (ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5273, л. 68–103).

Среди местного населения юга Челябинской области в больших казачьих поселках сохранилось предание о переселении на новые земли: будто бы казаков переселили столь стремительно, что некоторые семьи «не успели вынуть хлеб их печи». Скорее всего, это еще одна легенда. Казаков не могли «выпроводить» на линию почти два года (ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5273, л. 418).

Государственные крестьяне, проживавшие на землях Оренбургского казачьего войска, в некоторых волостях Оренбургского, Верхнеуральского и Троицкого уездов переводились в казачье сословие и переселялись на Новую линию. Указ об их переселении крестьяне встретили прямым неповиновением властям. Волнения в Оренбургской губернии приняли столь серьезный характер, что пришлось подавлять их силой. Формальной причиной неповиновения был, якобы, обман со стороны властей – указ о перечислении в казаки и переселении был зачитан «без барабанного бою». Действительной же причиной недовольства и бунтов было нежелание менять обжитые, спокойные внутренние районы губернии на беспокойную, неосвоенную приграничную полосу. К слову сказать, государственные крестьяне Оренбургской губернии составляли самое зажиточное население края и недостатка в земле не испытывали.

Чтобы не провоцировать новые беспорядки, В.А. Перовский, с согласия Департамента военных поселений, государственных крестьян, не пожелавших поменять свое сословие на хлопотное казачье, переселил с семьями в Бузулукский уезд, за пределы войска, на освободившиеся в результате ухода казаков на Новую пограничную линию места. Крестьян, перечислившихся в казаки, но не пожелавших изменить место жительства, было решено оставить на своих местах. И все же некоторое количество их

было переселено на Новую пограничную линию. В 1844 г. заселение Новолинейного района было в основном закончено (Рязанов А.Ф., 1928. С. 34).

Несмотря на численное преобладание русских среди переселенцев, национальный состав населения в Новолинейном районе оказался весьма пестрым. Кроме русских, среди оренбургских казаков было немало потомков казаков украинских, проживающих компактно в станицах на «старой» линии и сохранивших свой язык. Часть их оказалась на Новой линии. Возможно, некоторое количество украинцев попало сюда непосредственно с Украины и Кубани (Кривошеков А.И., 1915. С. 48).

Полностью «украинскими» были поселки Тарутинский и Лейпцигский Михайловской станицы, в поселке Аландском Кваркенской станицы украинцы, переселенные туда из станиц Краснохолмской первого военного отдела, составляли половину населения. Много казаков-украинцев было в поселке Амурском, соседи-казаки из Полоцкого поселка называли их не иначе как «хохлами». Небольшое количество украиноязычных казаков проживало в станице Кваркенской и поселке Неплюевском.

Вместе с русскими крестьянами из Приуралья были переселены казаки-нагайбаки (крящены) и перечисленные в казачье сословие мордовские крестьяне.

В Новолинейном районе мордва, совместно с русскими и калмыками, проживали в поселках: Кулевичи Николаевской станицы, Берлин, Кособродская, Андрианополь и Бриент Кваркенской станицы, а также поселках Анненском и Мариинском Наследницкой станицы. В двух последних мордвы было немного: в первом – 6 душ, во втором – 12. Нагайбаки (крящены) были переселены из станиц Нагайбацкой и Бакалинской в количестве 2877 душ мужского пола и расселены в поселках Требия (Требиятском), Кассельском, Остроленском, Фершампенуазском, Парижском. В поселке Парижском они проживали совместно с калмыками и русскими: 744 души – нагайбаки, 74 души – калмыки и 141 душа –

русские (Рязанов А.Ф., 1928. С. 28). Одновременно с упразднением станиц внутренних кантонов было упразднено Ставропольское калмыцкое войско на Средней Волге, а калмыки переселены на Новую линию (Правила о переселении...1843. – § 1). Первая партия калмыков-казаков проследовала через Оренбург 24 апреля 1843 г. Здесь ее «осмотрел» сам военный губернатор Обручев, после чего калмыки были отправлены через Орск на Новую линию, а через месяц последовала вторая партия (Рязанов А.Ф., 1928. С. 29). Чисто калмыцких поселков в Новолинейном районе не было, калмыки были вкраплены среди русского, мордовского и нагайбакского населения. В поселках калмыки проживали отдельно от русских, образуя калмыцкие концы и улицы. Крещенные по православному обряду, калмыки фактически остались буддистами-ламаистами, продолжали придерживаться своего культа, сохранили свою обрядность и праздники. Жительница поселка Аландский бывшей Кваркенской станицы Арина Сергеевна Чаплыгина 1907 г.р. рассказала историю, характеризующую характер верований калмыков. По словам информатора, «...по существующей традиции священник на Рождество обходил все дома в поселке и в каждом читал молитву, обязательно заходил и к калмыкам. Тобошоновы смотрят, а поп уже на их улице. Хозяин Тобошонов говорит: Где икона? – Под сараем. Кинулись искать, а калмычонок забрал и на ней с горки катается. Побежали, нашли икону, поставили на место. Священник заходит, а икона вверх ногами стоит. Священник хозяину пенять. А калмык отвечает: Он же Бог – как захотел, так и встал». Полулегальное бытование собственного культа (ламаизма) у местных калмыков нашло отражение в топонимии края. В районе поселка Измайловского (современная Измайловка Кизильского района) существует место с названием «Калмыцкая молельня». На этом месте калмыки, проживающие в Измайловском поселке, собирались на культовые, может быть даже добуддийские праздники.

В Брединском районе на землях бывшей Наследницкой станицы есть еще один похожий топоним «Калмыцкие ворота». Скорее всего, подобные

топонимы существуют и в других частях Новолинейного района. Как уже было сказано ранее, калмыки были расселены совместно с русскими, мордвой и нагайбаками. Однако, несмотря на недостаток калмыцких женщин, смешанных браков было мало. По свидетельству жителей Кваркенской станицы, замуж за калмыков выходили только вдовы русские женщины, которым трудно было без мужа поддерживать в порядке хозяйство. С момента поселения на Новой линии численность калмыков не увеличивалась, а сокращалась. В 1843 г. насчитывалось 2358 душ обоего пола, а в 1883 г., то есть через 40 лет, число их сократилось наполовину и составило 1204 души обоего пола (Рязанов А.Ф., 1928. С. 29). В 1915 г. часть Оренбургских калмыков (152 семейства, 284 души мужского пола и 227 душ женского, всего 511 человек), проживавших в бывших новолинейных поселках II и III военных отделов (Березинского, Толстинского, Натальинского, Кулевчинского, Ершовского, Кацбахского, Измаильского, Лейпцигского, Тарутинского, Берлинского, Веренского), отошла от православия и стала, открыто исповедовать буддизм. Летом 1917 г. они обратились в войсковое правительство с прошением о переселении их на новое место, в пределах Михайловского станичного юрта, III военного отдела. Предполагалось основать новый калмыцкий поселок с буддийским храмом – «со штатным духовенством, для просвещения подрастающего поколения, женитьбы сыновей и дочерей». Их прошение было удовлетворено, но начавшаяся гражданская война воспрепятствовала реализации этих планов (ГАОО, ф. 37, оп. 4, д. 22, л. 1–2). По словам информаторов, уже в советское время (1924–1925 годы) большая часть проживавших на территории Челябинской и Оренбургской областей калмыков, сохранивших свой язык и, в значительной степени, традиции, была переселена в образованную на Нижней Волге Калмыцкую АССР.

Кроме нагайбаков-христиан, говоривших на тептярском наречии татарского языка, на новых землях оренбургских казаков, в поселок

Алексеевский из Мочинской станицы (бывшая Мочинская слобода в районе города Самары) были переселены татары-магометане казачьего сословия. Впоследствии еще раз переселенные в поселок Варненский, который был первоначально единственным местом в Новолинейном районе, где компактно проживали казаки, исповедующие ислам. В начале XX в. в поселке было три мечети. Мусульманская религия жителей поселка способствовала сохранению до наших дней мавзолея Кесене – памятника средневековой исламской архитектуры, к которому население Варны относилось как к святыне. В 1855 г. по высочайше утвержденному положению Военного совета население башкирских, мещеряжских (мишарских) и тептярских поселков, расположенных на землях оренбургских казаков, не пожелавшее в течение двух лет переселиться за войсковую территорию, зачислялось в состав Оренбургского казачьего войска (ЦГИА РБ, ф. 2, оп. 1, д. 5137, л. 121).

В 60-е гг. XIX в. в станицу Варшавскую к уже проживавшим там с 1842 года русским и калмыкам были подселены поляки, которых «нижних чинов» по высочайшему соизволению и приказу военного губернатора В.А. Перовского с 1837 г. по желанию зачисляли в казаки, – «...по причислении их в войско они с потомством своим на всегда должны оставаться в казаках и ни по каким уважениям исключены из этого сословия быть не могут... Перовский» (ЦГИА РБ, ф. 6, оп. 1, д. 184, л. 256). К рубежу XIX–XX в. потомки проживавших в Варшавской станице поляков исповедовали православие и по-польски не говорили. Сохранялась лишь память о поселении предков и польские фамилии, часто произносимые на русский лад – «Бразгулевские – Бразгулевсковы» (Отчет этнографической группы археологической экспедиции ЧелГУ 1994–1995 гг. С. 17).

Скорее всего, на территории описываемого района оказались и представители других народов России. Однако заметного следа в его истории они не оставили. Следует добавить, что в Новолинейном районе по прежнему продолжали проживать киргиз-кайсаки (казахи) родовых

подразделений кипчак и жагалбайлы. Далеко не все они были выселены за пределы колонизируемой территории. По выражению председателя пограничной комиссии генерал-майора Г.Ф. фон Генса «Жагалбайлинцев от линии пушками не отгонишь» (Горбунова С.В., 1997. С. 62). Многие давно еще с середины XVIII в. были вовлечены в меновую торговлю с русскими в прилинейных городах. В 1842 г. Николай I позволил казахам пользоваться зимними кочевьями в местах прежнего проживания. Однако на лето с 1 мая по 1 октября они должны были откочевывать в степь за Новую пограничную линию. Наделение казахов зимовками первоначально было возложено на казаков, впоследствии по настоянию чиновников Оренбургской пограничной комиссии эта операция была поручена офицерам Генерального штаба при участии представителей казахских родов. Были изменены на более удобные сроки «выкочевки» – с 1 июня по 1 сентября. Для пересечения линии казахам выдавались специальные билеты. В 1862 г. казахам было разрешено в летний период оставаться в пределах Новолинейного района с закреплением за ними 10 миллионов кв. десятин (Горбунова С.В., 1997. С. 64). Территории, выделенные казахам, находились на востоке и юго-востоке Новолинейного района и впоследствии были переданы в состав Тургайской области Степного края (Карта Оренбургской губернии составлена в 1913 г). Однако некоторое число казахов осталось на месте прежнего проживания и в западной части Новолинейного района. По сведениям местных жителей, принудительное выселение казахов «за Тобол», т.е. в Тургайскую область, продолжалось вплоть до конца XIX в. и даже в начале XX в., однако в районе Александровского поселка еще в начале века существовал казахский аул, были казахские аулы и на землях других станичных юртов.

С 1865 г. правительством было разрешено представителям других сословий селиться на казачьих землях без перехода в казаки.

На рубеже XIX – XX вв. понятие Новолинейный район стало чисто историко-географическим, административно бо́льшая его часть находилась

в Верхнеуральском уезде, остальная – в Орском и Троицком (рис.2). В военно-административном отношении 11 станичных юртов района подчинялись II военному отделу с центром в Верхнеуральске, а Михайловский станичный юрт и посёлок Берлинский Кособродского юрта – к III с центром в Троицке. Несколько поселков в результате передачи в Тургайскую область выделенных казахам земель оказались анклавами.

Глава II. Населённые пункты оренбургских казаков

§ 1. Ландшафтное районирование и природно-климатические условия

Природа и климат. Территория земель Оренбургского казачьего войска располагалась между 50° 54' и 55° 30' северной широты и 23° 4' и 34° 55' восточной долготы. Т. е. территория бывшей Оренбургской губернии (в том числе и войсковые земли) находится на двух континентах – в Европе и Азии границей между которыми являются река Урал и главный Уральский хребет (рис.1). Современное географическое районирование относит эти территории к Южному Уралу, Зауралью и Приуралью.

Однако ещё в середине XIX в. В.И. Даль в своём произведении «Европа или Азия», пытаясь охарактеризовать географическое положение Оренбуржья, анализирует существовавшие у его современников противоположные точки зрения на европейское или азиатское положение этих территорий. Эта дискуссия фиксирует тот факт, что в это время никто не мог дать однозначного ответа на вопрос: «Где начинается Азия, то есть где собственно, оканчивается Европа» (Даль В.И., 2001. С. 17).

Говоря же о Зауралье, В.И. Даль указывает на то, что «...челябинцы, екатеринбуржцы, даже жители Троицка называют и сами себя сибиряками, дали русским, то есть европейским бабам, прозвание «чернолапотниц» и русского человека признают только полуземляком, если он не сибиряк...» (Даль В.И., 2002. С. 17).

Безусловно, вопросы географического районирования были в центре внимания разных слоёв населения в связи с тем, что помимо чисто географического имели ещё и геополитический смысл. Вопрос о границе Европы и Азии в начале XIX в. фактически являлся вопросом о границах России. Даль отождествляет понятия «русского» и «европейского». В географических представлениях русских Сибирь, бесспорно, являлась азиатской. Поэтому вопрос о границе Европы и Азии связан с вопросом о

том, где начинается Сибирь. Ещё в 1901 г. в Списке населённых мест Верхнеуральский, Троицкий и Челябинский уезды названы «сибирскими», тогда как остальная территория губернии соответственно считалась европейской.

Земли первого военного отдела тянутся полосой вдоль реки Урал по Южному Предуралью, отрогам Южного Урала и крайнему югу Зауралья в пределах бывшего Орского и Оренбургского уездов. Здесь преобладает равнинный рельеф, местами значительно расчлененный. Станичные юрты на западе войсковой территории расположены в Оренбургской степи и увалах Общего сырта – южных отрогов Уральских гор (земли Рассыпного, Илецкого, Кардоиловского, Нижнеозерного, Донецкого, Татищевского, Павловского, Сакмарского, Никитенского, Каменноозерного, Оренбургского, Городищенского, Краснохолмского, Буранного, Богуславского станичных юртов). Восточнее проходит меридиональная полоса горных гряд (Губерлинские горы). Далее на востоке расположены Зауральская равнина и западная окраина Тургайского плато (земли Орского и Ильинского станичного юртов).

Бывший I военный отдел находился в зоне степи и, частично, лесостепи. Климат резко континентальный, засушливый – в особенности на востоке и юго-востоке. Зима холодная, малоснежная, обычно с ясной и тихой погодой, нарушаемая снежными буранами. Лето жаркое, с частыми суховеями. Средняя температура января колеблется от -14°C на западе до -18°C на востоке; июля – от $+19^{\circ}\text{C}$ на севере до $+22^{\circ}\text{C}$ на юге (Оренбургская область, 1974. С. 503).

Главные реки – Урал с крупными притоками: Сакмарой (правый приток), Орью, Большим Кумаком и Илеком (левые притоки). В почвенном покрове преобладают черноземы, на юге имеются солонцы. Облесенность – менее 4 % (Оренбургская область, 1974. С. 503). В долинах крупных рек произрастают пойменные леса, образованные дубом, вязом, липой, различными видами ив и тополей. Северо-западнее войсковой территории

на песчаных почвах расположен Бузулукский бор, где основной лесообразующей породой является сосна.

Территория бывших II и III военных отделов расположена в Зауралье, большей частью – в пределах бывшего Верхнеуральского, Троицкого, Челябинского и, отчасти, Орского уездов Оренбургской губернии. Центральную часть этой территории занимает Зауральский пенеппен, северо-западную – отроги Уральских гор, восточную – Зауральская равнина и Западно-Сибирская низменность. Зима продолжительная, холодная. Абсолютный минимум температуры воздуха -46°C . Летом раз в три-четыре года бывают засухи. Абсолютный максимум температуры воздуха летом $+40^{\circ}\text{C}$ (Исаченко А.Г. Шменников А.А., 1989. С. 136). Главные реки – транзитные. Река Урал – Каспийского бассейна, реки Уй и Миасс – Обского (Ледовитого океана).

Степная зона в Зауралье охватывает территории, расположенные южнее реки Уй (земли Степного, Березинского, Михайловского, Магнитного, Великопетровского, Николаевского, Варшавского, Кизильского, Наследницкого, Кваркенского, Таналыцкого, часть Карагайского, большая часть Верхнеуральского станичных юртов). Залесенность степи не превышает 2–6 %. Ландшафты местами напоминают лесостепь, однако состав травяной растительности и подлеска соответствуют степным (Левит А.И., 2000. С. 89). Леса степной зоны представлены березовыми и осиново-березовыми колками с подлеском из степной вишни. На Урало-Тобольском водоразделе в меридиональном направлении располагаются довольно мощные реликтовые боры: Черноборский, Чесменский, Джабык-Карагайский, Каратубайский, Кваркенский. Эти хвойные леса приурочены к гранитам, выступающим в пределах Зауральского пенеппена. Основные лесообразующие породы – сосна и, в меньшей степени, лиственница. Рельеф степи различный. На западе степь увалистая (разрушенные и выровненные горы – пенеппен), на востоке совершенно ровная. Травянистая растительность степи образована

несколькими видами ковыля, типчака, полыни. Из кустарников преобладают чилига (карагана или степная акация), степная вишня, бобовник. Почвы черноземные, нередко встречаются и солонцеватые (Левит А.И., 2000. С. 92). Много мелких рек, часто пересыхающих в летнее время.

Уйский, Санарский, Верхнеуvelьский, Нижнеуvelьский, Челябинский, Миасский, Еткульский, Ключёвский, Усть-Уйский, Звериноголовский, большая часть Травниковского и Кундровинского станичных юртов находятся в зауральской лесостепи. Зауральские лесостепные ландшафты в пределах бывшей войсковой территории заметно меняются в направлении с севера и северо-запада к югу и юго-востоку. Леса в лесостепной зоне перемежаются с луговыми степями. На востоке (на землях Еткульского, Миасского и Нижнеуvelьского станичных юртов) много болот солёных и пресных озёр. Зауральская равнина здесь переходит в Западно-Сибирскую низменность. Леса и здесь не занимают доминирующего положения. Преобладает берёза, местами сосна и осина. Сосновые боры, как и в степной зоне, приурочены, как правило, к выходам на поверхность пород гранитного состава (Челябинский, Варламовский, Санарский). По направлению к югу и юго-востоку, на землях Степной, Уйской и Санарской станиц, леса становятся менее обширными.

На северо-западе войсковая территория в пределах бывших Кундровинского и Травниковского станичных юртов вплотную примыкает и отчасти заходит в озёрно-лесную зону, расположенную к востоку от Ильменского хребта гор Южного Урала. Эта зона характеризуется обилием хвойных лесов, образованных преимущественно сосной.

Природно-климатические условия во многом предопределили особенности хозяйственной деятельности и материальной культуры разных групп казаков. Переселенцы, оказавшиеся в разных, часто отличных от районов выхода, природно-климатических условиях, выработали специфические модели адаптации в соответствии с локальными

ландшафтно-климатическими особенностями. В том числе природные факторы оказывали определяющее влияние на формирование региональных особенностей традиционной архитектуры в пределах войсковой территории – диктовали выбор строительных материалов и конструктивных приёмов. Да и отнесение части территории к Сибири не только фиксирует факт самосознания местного населения, но и отражает реально существующие особенности материальной культуры (в том числе и традиционной архитектуры) северо-восточных районов Южного Зауралья (III военного отдела), о которых будет сказано в следующей главе работы. Это определяется, с одной стороны, аналогичными с Западной Сибирью природно-климатическими условиями (расположен в Зауральской равнине, переходящей в Западносибирскую низменность), с другой, – районами выхода переселенцев. Население станичных юртов III военного отдела на ранних этапах формирования в значительной степени состояло из выходцев с западносибирских территорий. Именно они сформировали специфику хозяйственно-бытового уклада и материальной культуры данного района, объединяющую их с сибирскими группами населения (крестьянами и казаками). А поздние переселенцы из других районов выхода, попадавшие в их среду, перенимали их бытовой уклад. Его устойчивость в данном районе объясняется именно тем, что он соответствовал местным природно-климатическим условиям. К аналогичным выводам пришли В.М. Кузнецов, который, анализируя свадебную обрядность уральского населения, обнаружил наибольшее сходство северо-западного Зауралья с западносибирскими традициями, и О.В. Новикова на материалах традиционной одежды.

§ 2. Типы населённых пунктов

Самыми распространенными названиями, применяемыми у нас для крупных поселений оренбургских казаков, являются «станция» и «поселок». Мелкие имеют названия – хутор, заимок (заимка), выселок. Станция – это

сравнительно крупный населенный пункт, военно-административный центр, в котором располагалось станичное правление. Совокупность населенных пунктов и земель, объединенных таким центром, называется «станичным юртом».

Нередко слово «станция» употребляется в значении «станичный юрт», например: поселок Амурский Варшавской станицы (то есть Варшавского станичного юрта). Поселок – это, как правило, но не всегда, более мелкий населенный пункт, подчиненный станичному центру, но имеющий собственное поселковое правление. Выселки правлений не имели. Часто поселком называли и сам станичный центр. Каждый поселок имел по несколько мелких населенных пунктов – хуторов, заимок (заимков), кордонов и выселков, в которых проживало от одной до нескольких семей.

В 1901 г. в трех военных отделах насчитывалось 48 станичных юртов, и несколько тысяч различных поселений. Даже на территории Новолинейного района, занятого и освоенного казаками сравнительно поздно, на рубеже XIX – XX вв. существовало более ста населенных пунктов: поселков, хуторов, приисков и т. д. В начале XX в. самым крупным из них был поселок Варненский Великопетровской станицы, в котором проживало 2785 жителей. Крупными были станицы Наследницкая – 2259 чел., Аландская – 2103 чел., Поселок Краснинский Карагайского юрта – 2300 чел., Катенинский Николаевского юрта – 2280 чел., Арсинский Верхнеуральского юрта – 2280 чел., Кацбахский – 1834 чел.

Большинство поселков располагалось на северных берегах степных рек, исключение составляет поселок Брединский Наследницкой станицы. Некоторые поселки были перенесены с мест первоначального основания на новые, более удобные. Так, поселок Анненский в 60-е гг. XIX в. был перенесен с реки Берсуат на реку Караталы-Аят, то есть на расстояние более ста километров и из Наследницкого юрта попал в Великопетровский.

§ 3. Топонимия населённых пунктов

Топонимия населенных пунктов исследуемого региона, в общем, и целом отражает этноисторические процессы, протекавшие на территории Южного Урала на протяжении, по крайней мере, двух последних тысячелетий.

Русские крестьяне и казаки в XVII – XIX вв. заняли территорию с уже сформировавшейся топонимией, в основном ее сохранив. На территории ОКВ значительный пласт составляют топонимы тюркского происхождения, существующие повсеместно: башкирские, казахские и, в меньшей степени, татарские. Возможно существование и более древних, дотюркских топонимических слоев: уральского (финно-угорского) и индоевропейского (иранского), адаптированных впоследствии тюркскими языками. В свою очередь, тюркские топонимы на занятых русскими территориях подверглись влиянию со стороны русского языка. На территориях, вошедших в состав ста земель Оренбургского казачьего войска, до прихода в конце XVII в. русских, у коренного населения стационарных поселений не было. Летовки и зимовки кочевников носили названия урочищ, рек и озёр или имен родоплеменной старшины.

Аналогичным образом присваивались имена многим российским поселениям, возникшим в XVIII в. в колонизируемом районе. Так как гидронимия и оронимия сохранилась в основном прежняя – тюркская, то и значительная часть новых крепостей, слобод, редутов с русским населением в своих названиях имела тюркские основы. Так, крепость Челябинская названа по урочищу «Челяби-карагай, Селяби-карагай», крепости Чебаркульская, Еткульская, Кизильская, Коельская, Миасская, Сакмарская, Таналыкская, Еманжелинская, Санарская, редуты Каракульский, Аткульский и т. д. – по названиям одноимённых рек и озёр. Название поселка Каратабанского Еткульской станицы связано с одноименным озером, которое находилось на землях родоплеменной группы башкир

«кара-табын». Топонимы этого типа широко распространены на всей территории, входившей в состав Оренбургской губернии.

Большинство названий с тюркской основой имеют русские суффиксы и окончания, которые в просторечии часто опускаются: Кизил, Еткуль, Таналык и т. д. С изменением административного статуса населенных пунктов менялись и приставки с суффиксами: крепость Челябинская (Челяба) – город Челябинск; крепость Кизильская – станица Кизильская – село Кизильское; крепость Чебаркульская – станица Чебаркульская – поселок Чебаркульский – город Чебаркуль и т. п. Чаще всего тюркские основы претерпевают некоторую фонетическую трансформацию, нередко значительную, что вполне объяснимо. Поселок Еманжелинский от башкирского «яман зильге» (плохая речка), поселки Верхние и Нижние Караси от «кара су» (черная вода). Часть поселков и станиц с тюркскими основами имеют русские приставки, указывающие на топографию населенного пункта: станицы Усть-Уйская, Верхне- и Нижне-Увельская и т. д.

Тюркские основы присутствуют, как правило, в названиях населенных пунктов, основанных в XVIII в. Позднее тюркские основы использовались гораздо реже.

Другой, не уступающей по численности описанной выше, является группа топонимов с русскими основами, указывающими, чаще всего, на топографические особенности местности. Станицы Каменноозерная, Краснохолмская, Россыпная (I военный отдел); станицы Магнитная, Степная, поселки Грязнушенский, Увальский (II военный отдел); станицы Ключевская, Кособродская, Березовская, поселки Бобровский (по речке Бобровке – левому притоку реки Уй), Крутоярский (III военный отдел).

В III-ем военном отделе на территории Троицкого и Челябинского уездов довольно большая часть поселков сформировалась путем разрастания заимок и выселков, располагавшихся вокруг крепостей и слобод XVIII в. Они практически все носят имена своих основателей:

поселки Синеглазовский, Фатеевский, Кайгородовский, Першинский, Коркинский (сейчас город Коркино), Белоусовский, Ханжинский и другие.

Аналогичным образом получили свои имена поселки с башкирским или татарским (тептярским или мишарским) населением, служившим в Оренбургском казачьем войске. В основе их названий – личные мусульманские (арабо-персидские) имена: поселки Аминевский, Магадеевский, Шукуровский и т. д. Название поселка Ахуновского (Карагайский станичный юрт, II военный отдел) происходит от духовного сана ахун (исламский богослов), который имел основатель поселка Абдулла Дадаев.

Небольшое количество поселений XVIII в. получили свои имена в честь православных праздников, выпавших на день их основания: крепость Троицкая (г. Троицк, центр III военного отдела Оренбургского казачьего войска), станицы Воздвиженская и Пречистенская в I военном отделе, поселок Спасский во II военном отделе.

Во второй четверти XIX в., после сооружения Новой линии, укрепления и станицы, основанные с 1835 по 1837 гг., в основном получили имена царственных особ и лиц императорской фамилии: укрепление Императорское, станица Елизаветинская, укрепление Наследника (Скуба), станица Мариинская, станица Павловская, станица Андреевская, укрепление Константиновское, станицы Анненская, Георгиевская, Княженская, укрепление Николаевское, станицы Еленинская, Владимирская, Александровская, укрепление Михайловское, станицы Натальинская, Алексеевская, Надеждинская, Веринская, Варваринская.

Новые поселения, образованные между старой и новой пограничными линиями в начале 40-х гг. XIX в., в качестве названий некоторое время имели порядковые номера. Память о номерном периоде в истории межлинейных поселков сохраняется у местных жителей старшего возраста до сих пор. В 1844 г. при военном губернаторе В.А. Обручеве «номерные новолинейные» поселения получили имена мест, где российское оружие

одерживало победы в XVIII – первой четверти XIX вв.: станицы Березинская (р. Березина), Варшавская (Варшава), Кваркенская (пролив Кваркен в Балтийском море между Аландскими островами и Скандинавским полуостровом); поселки: Адрианопольский (Адрианополь, ныне г. Эдирне), Аландский (Аландские о-ва в Балтийском море), Берлинский (г. Берлин), Бородиновский (д. Бородино), Браиловский (Браилов, сейчас г. Брылэу), Бриенский (Бриен, пролив в Балтийском море), Елизаветпольский (г. Елизаветполь, сейчас г. Гянджа), Варненский (г. Варна), Арсинский (г. Арси-Сюр-Об), Кассельский (г. Кассель), Кацбахский (река Кацбах в бывш. Силезии), Лейпцигский (г. Лейпциг), Наваринский (Наварин – Наваринская бухта на юго-западе полуострова Пелопоннес), Новинский (г. Нови), Остроленский (г. Остролёнка), Рымникский (река Рымник), Измаильский (г. Измаил), Красненский (с. Красное), Кульмский (Кульм, сейчас г. Хелмно), Полоцкий (г. Полоцк), Парижский (г. Париж), Тарутинский (с. Тарутино), Требиятский (река Требия), Фершампенуазский (м. Фершанпенуаз), Чесменский (бухта Чесма) и т. д.

Как правило, все перечисленные поселки – новолинейные. Однако и за пределами Новолинейного района, севернее города Троицк двум новым поселкам, основанным в то же время, были присвоены имена из «героического» списка: поселки Клястицкий (с. Клясты) и Карский (г. Карс).

Часто приходится слышать, иногда даже от людей эрудированных, что называли новые поселки «героическими» именами по инициативе первопоселенцев («Пришли с войны и назвали...»). Это миф. Присвоение названий поселениям было акцией административной, волюнтаристской, поддержанной на высочайшем уровне в Петербурге. К тому же, наша Новая линия в этом смысле не являлась уникальной. Аналогичным образом назывались поселки в южной части Бессарабской губернии (Бородиновский, Березинский, Краснинский, Парижский, Лейпцигский и т.д.)

(Географический атлас 1903 г. л. 60) и на Кавказской линии, курировавшиеся Департаментом военных поселений.

«Героическая» топонимия была непонятна местным жителям, неискушенным в военной истории даже сравнительно недавнего времени. Поэтому особо экзотические наименования, неудобопроизносимые, искажались или модернизировались. Часто использовались параллельные имена. Жители поселка Кацбахский (Кацбах – от немецкого Käzen Bach – «кошачий ручей») называют свой поселок «Казбой», считая, что происхождение этого названия «киргизское», т. е. казахское. Поселок Рымникский в просторечьи произносится как «Рыминка», а поселок Измаильский – «Измайловка» (последнее в советский период было закреплено официально). Сейчас названия большинства поселков с «европейскими» именами произносятся без суффикса «-ский» (Берлин, Лейпциг, Париж, Фершампенуаз, Кассель), при этом часть – на русский манер (Варшавка, Браиловка, Карсы и т. д.).

Казачьи поселки в Новолинейном районе, основанные во второй половине XIX века, как правило, получили имена в честь лиц, принимавших активное участие в освоении и управлении Оренбургским краем и Оренбургским казачьим войском (ОКВ): генерал-губернаторов, военных губернаторов, атаманов ОКВ. Это поселки Неплюевский, Могутовский, Углицкий, Обручевский, Катенинский, Астафьевский, Ершовский, Маслоковецкий, Толстовский и др.

Поселок Амурский, основанный в 50-х гг. XIX в. в эту схему не вписывается. Происхождение названия местные жители объясняют следующим образом: А.Г. Костомаров, 1903 г. р., местный уроженец, из казаков, рассказывал что, якобы поселок основан переселенцами с Амура. Информатор затруднялся пояснить, имел ли он в виду реку Амур на Дальнем Востоке, либо что-нибудь другое. Невероятность этой версии очевидна, так как Приамурье только в 50-е гг. XIX в. было включено в состав Российской империи и русского населения в то время не имело. Из

рассказа другого местного уроженца, Осипова Л.М., 1915 г.р., из казаков, слышанного им от старожилов, поселок назван казаками, переселяемыми на реку Амур, но оставленными в Оренбургском крае.

В первом десятилетии XX в. во II военном отделе, отчасти – в III отделе, было образовано несколько десятков населенных пунктов, возникших в результате переселения казаков из старых поселков, преимущественно I военного отдела, на свободные войсковые земли. Названия новых поселков повторяли названия старых (мест выхода) с приставкой «Ново»: поселки Ново-Кардаиловский, Ново-Рассыпнинский, Ново-Буранный, Ново-Аблязовский, Ново-Черноотрожский, Ново-Татищевский, Ново-Кондуровский, Ново-Александровский, Ново-Черкасский. В советский период у большинства поселков приставка «Ново» исчезла. После революции и гражданской войны, в 20-е гг. на этой же территории подобным образом появилось несколько выселков из местных поселков: поселки Новоамурский, Новогеоргиевский, Новопетропавловский и др.

Кроме названий официальных, большинство казачьих поселений имели имена неофициальные, параллельные, или специфические прозвища. У некоторых поселков могло быть два и больше имени. Появление неофициальных названий обуславливалось несколькими причинами. Одна из них упоминалась выше – это волюнтаризм властей, проявившийся в присваивании новым поселениям непонятных и неудобопроизносимых с точки зрения поселенцев названий.

Во многих случаях второе, неофициальное название возникало в память о первоначальном месте проживания переселенцев. Например, у нагайбаков: Остроленка – Сарашлы, Кассель – Килей (соответствуют названиям деревень в Белебеевском уезде, откуда нагайбаки были переселены в новолинейный район), у русских: Рымник – Самара, Кацбах – Сороки (г. Сорочинск современной Оренбургской области), Великопетровка – Табынцы (с. Табынское в Башкирии).

Основой для неофициального названия могла также являться фамилия первопоселенца: станица Верхнеуевельская – Варламово (в советское время закреплено как официальное).

Неофициальное название могло отражать этническую принадлежность жителей, например поселки Новочеркасский в I военном отделе Воздвиженского станичного юрта и Новочеркасский Варшавского станичного юрта во II военном отделе неофициально назывались «Хохлы», причем в первом случае это наименование использовалось и в официальных документах и картах, помещалось в скобках после основного.

Причиной появления неофициального названия могли стать также прозвища жителей посёлка, основанные на каких-либо особенностях, приписываемых жителям. Например, проселок Браиловский – «Труболеты» (считалось, что в этом посёлке особенно много ведьм и колдунов), Новоалександровский (Александровка) – «Хомуты», Тарутинский – «Саблисты», Стрелецкий – «Горожаны» (за светлый оттенок кожи).

Наследницкая станица является, в известной мере, рекордсменом по количеству отдельных имен и прозвищ. Первоначально она официально именовалась «укрепление Наследника», затем – «станция (или поселок) Наследницкая (Наследницкий)», иногда с указанием в скобках параллельного названия – «Скуба». Данное название дано по реке, протекающей через посёлок, название которой происходит от казахского «Сасык-Тюбе» – «Вонючий холм». Связано это с тем, что по рассказам, передающимся из поколения в поколение среди жителей посёлка, в момент строительства укрепления был срыт курган, который был насыпан задолго до русских. По рассказам местных казахов на этой реке произошло сражение, закончившееся победой их предков, врагов же погибло столько, что на месте их захоронения образовался большой курган, который едва удалось прикрыть землей. Смерд, исходявший от кургана, стал причиной появления этого названия. Место это якобы хорошо известно во всем Казахстане. Еще поселок Наследницкий называли по соседнему казахскому

аулу «Хазрет» или «Хазреты». Вдобавок ко всему прочему жители поселка имели и совсем неприличное прозвище, связанное с приписываемыми им случаями снохачества. Чаще всего в повседневном общении местное население называет поселок «Наслединка».

Подавляющее большинство поселков имело, к тому же, разнообразную внутреннюю топонимию, отражавшую этническое или сословное происхождение жителей, места их предыдущего проживания до переселения, топографические особенности поселка и т. д.

Внешняя топонимия также была тесно связана с поселком и жизнью его обитателей. Урочища, леса, колки, плёсы, переезды через водные преграды, родники и прочие, природные и искусственного происхождения объекты в окрестностях посёлков часто назывались по фамилиям и именам жителей посёлка, с событиями из жизни которых они были связаны (например, название скалы Улиткин камень у посёлка Амурский связано с тем, что под ней замёрзла в буран жительница посёлка по имени Улита), либо чьи сельскохозяйственные угодья находились рядом (например, Пряткины колки у того же посёлка). Таким образом, вокруг посёлка формировался своеобразный замкнутый микромир, освоенный, знакомый до мельчайших деталей, закреплённый за жителями посёлка даже своими названиями. Для части жителей, особенно женщин, в нём заключалось всё жизненное пространство, которое они крайне редко покидали в течение всей своей жизни. Фактически границы земельных угодий посёлка можно определить по тому, насколько далеко распространяется внешняя микротопонимия, известная жителям посёлка. Земли, находящиеся за этими пределами, – чужие, и поэтому не имеют местных названий. Объекты, стоящие на границах земель разных населённых пунктов, часто носят имя соседнего посёлка, причём в этом случае, например, в Амурском посёлке они называются Полоцкими лесами, а в Полоцком – Амурскими. Дороги, ведущие из посёлка в посёлок, также имели двойные названия. Одна и та же

дорога из посёлка Амурского в посёлок Кульм («Кульму») в Амуре называется Кульминской, а в Кульме – Амурской.

§ 4. Планировка населённых пунктов

Административный фактор в ещё большей степени, чем в присвоении названий новым поселениям оказывал влияние на планировку и отчасти внешний облик поселений оренбургских казаков. Государственный характер колонизации предопределил то, что места для новых поселений строго регламентировались. Решающим фактором для закладки крепостей или основания поселений в XVIII в. являлась стратегическая целесообразность, а часто и острая необходимость. Так, например, башкирские восстания 30-х – 40-х гг. XVIII в. спровоцировали активное строительство крепостей в Зауралье в этот период. Нестабильность на Оренбургской пограничной линии в 30-х гг. XIX в. вызвал перенос границы и обустройство новой линии. В XVIII в. выбор мест для новых поселений часто осуществлялся при непосредственном участии государственных чиновников высокого ранга – «начальников края», или их ближайших сподвижников. Этим занимались И.К. Кирилов, В.Н. Татищев, И.И. Неплюев, А.И. Тевкелев, Н.Н. Бахметьев, П.И. Рычков. Так, первый оренбургский губернатор И.И. Неплюев весной-летом 1743 года лично выбрал места для новых крепостей по реке Уй (Рычков П.И., 2001. С. 165). В первой половине XIX в. основание новых поселений санкционировалось на высочайшем уровне в Петербурге, а постройка их контролировалась Оренбургским военным губернатором. Оренбургский военный губернатор В.А. Перовский лично в 1836 г. выезжал в степь в возводимые на новой линии поселения (Рязанов А.Ф., 1928. С. 24). Рекогносцировка территории и выбор места для поселений между старой и новой линиями в начале 40-х гг. XIX в. осуществлялся под контролем военного губернатора В.А. Обручева и наказного атамана Оренбургского казачьего войска графа Н.Е. Цукато (ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5273, л. 54об.). Непосредственная съёмка местности,

составление плана и разбивка поселения осуществлялась военными и гражданскими чиновниками рангами ниже (офицерами, урядниками при обязательном участии военных или гражданских геодезистов, топографов, землемеров). Аналогичная ситуация сохранялась и в начале XX в.

Какая-либо самодеятельность или «народная инициатива» с XVIII в. были практически невозможны. Подобные попытки властью пресекались и карались даже в начале XVIII в. Так, сибирский крестьянин села Уксянского Крутихинской слободы Степан Кузнецов в 1728 г. обратился в Сенат с челобитной, в которой предлагал построить крепость с гарнизоном солдат у озера Чебаркуль. Сенат Степану Кузнецову отказал, мотивируя отказ стремлением не «озлобить иноверцев» (башкир) с которыми велено поступать ласкою». Настойчивость Кузнецова привела его в Тобольский острог, в котором он находился «под караулом» до 1736 г. Освобождён был вследствие изменения политической обстановки, вызванного башкирскими восстаниями и необходимостью строительства цепи крепостей от Теченской слободы к Верхнеяицкой крепости (Материалы по истории Башкирии, 1936. С. 489).

Упразднение или перенос населённых пунктов по тем или иным причинам, чаще всего из-за отсутствия в достаточном количестве хорошей воды и сенокосных угодий, санкционировались высшими чиновниками губернии (ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5273, л. 334).

Населённые пункты оренбургских казаков, все без исключения были основаны в XVIII – начале XX в. В это время в планировании поселений господствовал регулярный стиль, распространение которого в России также носило государственный характер (указ Петра I от 7 августа 1722 г. о строении крестьянских дворов по установленному чертежу) (Мочалова М.П., 1978. С. 139). Петровский указ регламентировал размеры дворов, однотипность участков, ширину улиц и интервалов, линейность расположения населённого пункта. Им был узаконен линейный характер планировки с организацией двухсторонней застройки улицы вдоль дорог.

Вместе с тем эти традиции соединялись с характерными приёмами регулярного градостроительства того времени – строгой прямолинейностью улиц, геометричностью форм площадей (Мочалова М.П., 1978. С. 139). Даже ещё только оформлявшиеся в конце XVIII в. в настоящие деревни башкирские зимовки и летовки, имевшие первоначально гнездово-кучевую планировку, под административным воздействием приобретали линейность и уличность (Шитова С.Н., 1987. С. 48).

В XIX и начале XX в. внутренняя планировка поселений регламентировалась указами имперского «...по Высочайше утвержденным для казенных селений планам, соображаясь с правилами постановленными в 774, 777, 780, и 782 ст., т. XII, устава о благоустройстве городах и селениях» (Правила о переселении...1843. С. 12) и местного начальства; в 1843 г. – указом Оренбургского военного губернатора В.А. Обручева (Шитова С.Н., 1987. С. 47), а в начале XX в. – «особой инструкцией о распланировании посёлков», изданной войсковым хозяйственным правлением Оренбургского казачьего войска в 1904 г. (Голубых М., 1928. С. 6), которые в своей основе содержали ключевые положения петровского указа 1722 г. Поселения оренбургских казаков с регулярным планировочным решением челябинский архитектор Мочалова М.П. разделяет на три типа: 1) с незавершённой сетчатой схемой, 2) правильные сетчатые, 3) регулярные с усложнённой планировкой (Мочалова М.П., 1978. С. 140).

Для поселений «с незавершённой сетчатой схемой» характерны почти не застроенные северные порядки улиц, переулки недостаточно чёткие и вовсе лишённые жилой застройки. Однако такие поселения «отличаются геометрической строгостью с чётко выраженным общественным центром – квадратной площадью (100×100 м) и деревянной церковью на ней» (Мочалова М.П., 1978. С. 140). К таким поселениям М.П. Мочалова относит посёлки Лейпциг и Новониколаевка, сложившиеся, по её мнению, «первоначально без предварительной разбивки, но, впоследствии, упорядоченные под несомненным влиянием прогрессивных

градостроительных приёмов» (Мочалова М.П., 1978. С. 139). Однако посёлки Лейпциг (1844 г.) и Новониколаевка (начало XX в.) – новолинейные и без предварительной разбивки основаны быть не могли. К описанной М.П. Мочаловой схеме развития можно отнести посёлки в III военном отделе, возникшие из разросшихся заимок (посёлки Селезян Еткульской станицы, Ильинский Миасской станицы и другие). Планировка Лейпцига и Новониколаевки приобрела подобные черты по другим причинам.

Следующий тип поселений с правильной сетчатой планировочной схемой, по мнению М.П. Мочаловой, формировался с предварительной разбивкой (Мочалова М.П., 1978. С. 152). В этом случае, по мере роста населения, плотно застраивались оба порядка улиц, а в некоторых случаях и проулки, то есть формировался квартальный тип застройки. Ко второму типу М.П. Мочалова относит «все поселения оренбургских казаков, в том числе выросшие из крепостей XVIII века» (Мочалова М.П., 1978. С. 152) (рис.3; 4;5;6). По моему мнению, Лейпциг и Новониколаевку логично также отнести ко второму типу.

К третьему типу регулярных селений с усложнённой планировкой М.П. Мочалова относит разросшиеся в города крепости XVIII в., где усложнение планировки привело к нарушению правильной сетчатой схемы (Мочалова М.П., 1978. С. 152).

К поселениям, не имевшим регулярной застройки, относятся все заимки, статьи и хутора. Заимки и хутора, располагавшиеся на землях станичных юртов, по свидетельству информаторов, регулярной застройки не имели. Дома на заимках и хуторах располагались вдоль дороги, по берегу реки или озера. Такой тип застройки имеет название «рядной».

Количество дворов на рубеже XIX – XX вв. на поселениях оренбургских казаков варьировалось от нескольких сотен (станция Усть-Уйская – 555 дворов, Нижнеувельская – 640, посёлок Варненский Великопетровского станичного юрта – 290) до нескольких десятков или

менее (посёлок Константиновский Николаевского станичного юрта – 52 двора, посёлки Калачёвский – 23 двора и Ерофеевский – 14 дворов, оба Еткульской станицы).

Некоторые заимки и хутора были значительно крупнее некоторых посёлков. Так в Ключёвской станице на заимке Деньгино насчитывалось 70 дворов (444 жителя обоего пола), на хуторе Богдановский – 106 дворов (514 жителей) (Список населённых мест Оренбургской губернии, 1901. С. 38). Однако на заимках и хуторах проживало не только казачье население. Например, хутор Богдановский был основан крестьянами-переселенцами на арендованных казачьих землях, бывшие первоначально казачьими заимки Ключёвской станицы Штанная, Травяная, Беленькая были на рубеже веков заселены переселенцами с Украины.

В степной зоне казаки на хуторах проживали лишь сезонно, в период основных сельскохозяйственных работ. На хутора выезжала лишь работоспособная часть населения. Причём хутора были далеко не у всех. Казачьи хутора в степной зоне в отличие от переселенческих были небольшими (от одного до пяти дворов).

По сведениям информаторов, на заимках, принадлежавших казакам посёлка Варламово Коельского станичного юрта, проживали постоянно, там содержали большую часть скота и хранили сельскохозяйственный инвентарь, в посёлок же приезжали на праздники, в церковь и на ярмарку. В самом посёлке проживали, большей частью, старики и находящиеся под их присмотром дети. Заимки имели почти все жители посёлка. Это было типичным для многих посёлков лесостепной зоны (III военного отдела).

Характерной чертой планировки казачьих посёлков является наличие площади-плаца, являвшегося центром общественной жизни поселения. Плац по размерам соответствовал, двум поселковым кварталам и служил местом проведения войсковых смотров и строевой подготовки казаков «...на плацу джигитовка» (Любенков И.В., 1910 г. р.). В 1918 г. в посёлке Амурском на плацу проводилась запись казаков-добровольцев в Белую

армию (Костомаров Г.А., 1903 г.р.). На площади или на главной улице располагалось административное здание станичного или поселкового правления. От жилых зданий правление отличалось надстроенной над крышей пожарной каланчей.

Площади служили также местами проведения ярмарок. В Николаевской станице на площади «...весы стояли, базар был» (Михайлова К.А., 1911 г.р.). Только в Наследницкой станице ярмарки устраивали в степи за рекой, однако, в 20-е гг. во времена НЭПа на площади. В этих станицах по периметру площади располагались торговые заведения, лавки и магазины, торговые здания частично сохранились и некоторые используются по прямому назначению. Ярмарки организовывали в определённое время, часто приурочивали к дням почитания наиболее уважаемых святых, к престольным праздникам. Так в Николаевской станице ярмарка проходила 6 декабря (по старому стилю) – день почитания Святого Николая Чудотворца (Микола Зимний). В посёлке Кацбахском Варшавского станичного юрта ярмарка проводилась с 25 ноября по 1 декабря, на этот период (26 декабря) выпадает день почитания Святого Георгия Победоносца – Святого покровителя Оренбургского казачьего войска. В некоторых населённых пунктах ярмарки проводились дважды в год. Особенно славилась Наследницкая ярмарка, которая имела региональное значение.

К концу XIX в. во всех крупных посёлках были построены церкви, а в посёлках с мусульманским населением мечети. Чаще всего первоначально церкви были деревянные. Впоследствии некоторые из них были заменены на каменные. Однако некоторые деревянные храмы по размерам и архитектурным формам не уступают каменным (церковь в Кацбахском посёлке). Церкви располагались или на площади или за посёлком на возвышенном месте (посёлки Амур варшавского станичного юрта, Рымникский Наследницкого станичного юрта). В посёлке Амурском церковь находилась на горе Любашихе. В станице Звериноголовской было

две церкви – каменная и деревянная и каменная мечеть. В посёлке Варненском – три мечети. В Николаевском и Наследницком укреплениях после строительства в них каменных церквей, в 1841–1845 гг., были сооружены каменные (кирпичные) ограды. Эти сооружения вместе с находящимися в них церквями местные жители называют «крепостями» (рис.7; 8). Масштаб и форма последних заставляют, в самом деле, отнести их, скорее к фортификационным сооружениям, чем к ограждению. «Крепости» имеют следующий вид: квадратная в плане площадка размерами 66,5 × 66,5 м, в центре которой находится каменная церковь, окруженная кирпичной стеной с бойницами. Высота стены примерно 3,5 м, толщина у основания – 1,5 м. С внутренней стороны на высоте 1 м вдоль стены шел деревянный помост, не сохранившийся до настоящего времени. По углам крепости располагались башни высотой более 4 м и размерами у основания 4 × 4 м. В стенах башен, выходящих на площадь, на высоте 2,5 м над уровнем земли проделаны амбразуры (рис.9). С западной стороны крепостная стена имеет арочные классические ворота. Все сооружение было окружено рвом. По рассказам местных жителей, глубина рва в Николаевской «крепости» была такой, что, якобы скрывала верхового казака с пикой, ехавшего по его дну (то есть не менее 4 м). Перед русско-японской войной ров был засыпан. Эти сооружения абсолютно идентичны, так как церкви в Наследницком и Николаевском укреплениях были сооружены в «древнем русском стиле» по одному проекту, чертежи которого были заказаны в мастерской архитектора Константина Тона в Санкт-Петербурге и присланы из Департамента Военных поселений (ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5505, л. 32).

Кроме того, в каждом посёлке имелись две (мужская и женская) казачьи школы.

За посёлком, относительно не далеко находились общественные запасные хлебные магазины, мельницы, кузни, карды. «В Нежинке и других соседних поселках обведенные глубоким рвом карды расположены

группами в степи около селения», – описывает Зеленин (Зеленин Д.К., 1905. С. 65). Следы таких окапываний хорошо различимы на аэрофотоснимках бывших казачьих поселков. Некоторая отдалённость от посёлка запасных хлебных магазинов или, как их называют местные жители, общественных амбаров диктовалась пожарной безопасностью. В посёлке Амурском Варшавской станицы деревянный сруб общественного амбара был обложен диким камнем и перекрыт крышей из листового железа (рис.74). Распространились общественные амбары после неурожая 1891 г. по распоряжению Оренбургского губернатора и наказного атамана Оренбургского казачьего войска В.И. Ершова (Семёнов В.Г., Семёнова В.П., 1999. С. 287).

Ветряные мельницы устанавливались на открытых или возвышенных местах. При изменении направления ветра из посёлка к мельнице бежали мальчишки и разворачивали мельницы по ветру. У каждого посёлка имелось по несколько ветряных и водяных мельниц. В 1901 г. Амурский посёлок имел семь водяных и одну ветряную мельницу. Кацбах – четыре ветряных и три водяных. Ветряные мельницы в казачьих посёлках продолжали сооружать вплоть до коллективизации. В посёлке Варшавском в 1928 г. братьями Брозгулевскими была построена единственная сохранившаяся до настоящего времени ветряная мельница, работавшая ещё в 50-е гг. XX в. Впоследствии перевезённая и установленная в историческом парке музея-заповедника «Аркаим». От водяных мельниц сохранились до настоящего времени только грунтовые плотины по берегам рек. Мельничные жернова водяных и ветряных мельниц можно иногда увидеть брошенными или вкопанными в землю за посёлками или внутри них. По свидетельству Д.К. Зеленина, кроме общественных запасных хлебных магазинов, имелись и запасные общественные карды для хранения сена и соломы, у которых выставлялся караул. (Зеленин Д.К., 1905. С. 59). О караульной службе у общественного амбара, которую он нес в 1917 г.,

рассказывал житель Амурского поселка Григорий Андреевич Костомаров 1903 г.р.

Карды, где летом содержали скот, называют ещё «тырлом» или «базовкой» («базой»).

Улицы в поселках, опасаясь пожаров, намеренно устраивали широкими, с проулками-разрывами. Ни улицы, ни усадьбы не имели зелёных насаждений, как в населенных пунктах, расположенных в степной, так и в лесостепной зонах. По сообщениям информаторов «порядки были чистыми», то есть без деревьев и палисадников. Лишь в начале XX в. у некоторых домов, обычно офицерских, появляются палисадники с зелёными насаждениями. Примером тому может служить сквер с различными породами деревьев, разбитый офицером Маметьевым в посёлке Фершампенуаз Березинского станичного юрта. Об отсутствии зелёных насаждений свидетельствует Д.К. Зеленин, описывая посёлок Благодатный Оренбургской станицы (Зеленин Д.К., 1905. С. 60), расположенный в степной зоне, и М. Голубых о посёлке Тимофеевском Еткульской станицы в лесостепном Зауралье (Голубых М., 1929. С. 20). Высаживание деревьев в посёлке Аландском считалось чудачеством даже в советское время, до войны. Житель этого посёлка, разбивший на его краю подобие скверика из тополей, воспринимался местными жителями как человек со странностями.

Кроме зелёных насаждений отсутствовали в казачьих усадьбах огороды и сады. Казаки посёлка Благодатного Оренбургской станицы объясняли такое положение отсутствием колодцев (Зеленин Д.К., 1905. С. 61). Чаще всего информаторы из других посёлков объясняют это традицией: «не принято было». Иногда на заднем дворе усадьбы сеяли табак сорта «саксон». Обычно огороды и бахчи располагались за посёлком. Огороды по берегам рек, а бахчи в степи. Под бахчи распахивали целину, каждый год меняя участки. Набор культур был традиционен. В огородах – огурцы, капуста, лук, чеснок, морковь, свёкла, репа. На бахчах – арбузы,

дыни, тыквы, «семечки». Официальных названий улицы не имели. Чаще всего выделяли главную – Большую улицу (в татарских, башкирских, нагайбакских посёлках – Улы ураме). Улицу, шедшую вдоль реки называли Речной (посёлки Варламово Коельского станичного юрта и Остролёнский Верхнеуральского).

Большинство посёлков делилось на концы, которые имели собственные названия. Очень часто внутренняя топонимия посёлков говорит о том, кем были и откуда пришли первые поселенцы. Так посёлок Наследнический состоял из двух концов, один из которых назывался «Казаки», другой – «Солдаты». В этих внутренних топонимах сохраняется историческая память о том, что при основании укрепления Наследника, туда были поселены «нижние чины № 10 Линейного Оренбургского батальона из Петропавловского и Кидышевского посёлков» (ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 4519, л. 1–4) и солдаты линейных батальонов, переведённых в казаки (ЦГИА РБ, ф. 1, оп. 1, д. 174, л. 333). Посёлок Аландский Кваркенской станицы, в котором проживали казаки русского и украинского происхождения, также делился на две части – «Хохлы» и «Кацапы». Посёлок Варламово Коельской станицы по тому же принципу подразделялся на «Бакалинский» и «Русский» края. А в посёлке Кацбах Варшавской станицы и собственно в станице Варшавской, как и во всех посёлках, в которых проживали калмыки, выделяли «Калмыцкие» концы или улицы. Неплюевский посёлок имел более сложное деление: «Бузулук» («Бузулука»), «Сухара», «Чугуев» («Чугуевка»), «Чулахлай». Названия концов посёлка отражают названия мест выхода переселенцев. Ключёвская станица делилась на «Старожилы (староселы)», «Новосёлы» и «москали». Микротопонимия Амурского посёлка Варшавской станицы имеет иной характер и говорит о топографических особенностях населённого пункта: «Площадь», «Арык», «Мотня», «Забегаловка». В некоторых населённых пунктах сохранилось деление посёлка на «Крепость» и «Форштадт». Так в станице Степной «Крепость» находится на южном степном берегу реки Уй,

а «Форштадт» на северном. Топоним сохраняется, несмотря на то, что крепость перестала существовать еще в XIX в. (ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 4570, л. 1). Деление на «Форштадт» и «Крепость» сохраняется и в городах, выросших из крепостей. В Оренбурге и Верхнеуральске внутренний топоним «Форштадт» сохраняется до настоящего времени и официально закреплён. В Троицке старожилы ещё в 70-е гг. XX в. делили старую часть города на «Крепость» и «Форштадт». В станице Николаевской «Крепость» от «Форштадта» отделена довольно глубоким логом, по которому протекает ручей. Название «Форштадт» носит часть посёлка Париж Великопетровской станицы. Оба эти посёлка «новолинейные» и настоящих крепостей в них никогда не было. Бытование в них подобных топонимов это перенос внутренней топонимии из мест прежнего проживания. В посёлок Париж – из Нагайбакской крепости (ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5273, л. 10–68), а в Николаевскую станицу – из Магнитной и Степной (ЦГИА РБ, ф. 6, оп. 1, д. 184, л. 333).

Глава III. Жилище и усадьба оренбургских казаков

§ 1. Развитие жилища

Наиболее архаичным типом жилых построек на рассматриваемой территории являлось двучастное жилище – изба с сенями, чаще всего не возводимыми вместе с домом, а пристроенными к нему после. Это типично для восточнославянской архитектуры в целом (Русские. Историко-этнографический атлас, 1970. С. 7). Такие дома сохранялись в небольшом количестве до настоящего времени почти во всех посёлках оренбургских казаков (рис.14, 16). Даже на территории бывшего Новолинейного района, освоенной в середине XIX в. подобный тип жилища до конца XX в. встречался довольно часто.

Реконструировать процессы эволюции традиционной архитектуры XVIII – начала XIX вв. достаточно сложно. Объекты традиционной архитектуры этого времени практически полностью утрачены. Даже если они существуют, датировка их затруднительна, ввиду отсутствия документальных свидетельств о времени их сооружения. Сведения местных жителей в данном случае не могут являться достоверным источником. На материалах Новолинейного района видно, что информаторы склонны удревять возраст старых построек. Приходилось нередко слышать от местных жителей в населенных пунктах, основанных в 30–50-е гг. XIX в., следующую фразу: «Старый дом – может лет двести-триста, мне дед говорил». Относительный возраст постройки можно определить, если информатор знает, кто именно из его предков построил этот дом – отец, дед, прадед. Но и такие датировки не простираются дальше второй половины XIX в.

Сохранившиеся дома первых поселенцев на новой пограничной линии были небольшими по площади, часто практически однокамерными, с пристроенными легкими некапитальными сенями. Сооружались они из сосновых и лиственничных бревен или плах (бревен, расколотых вдоль)

диаметром до полуметра (46–50 см). Для возведения дома на высоту трех метров требовалось всего 6–7 венцов (рис.78). Строительный лес был местный, из соседних боров.

Применяли два основных способа рубки дома: «в чашку, обло», то есть с выступающими концами, и «в лапу» – без выступающих концов. Более распространенным был первый. При этом способе в бревне выбирали полукруглую «чашу» в половину его толщины. Для плотного соединения бревен в одном из них по длине вырубался с нижней стороны бревна сплошной паз – желоб, что препятствовало затеканию воды под швы бревен.

По многочисленным утверждениям информаторов первый венец дома ставили на вкопанные лиственничные пни – «сохи», или обрубки бревен – «столбы». О подобных фундаментах под домами местные жители рассказывают в казачьих поселках по всей бывшей новой линии. На древность этого способа указывает Е.Э. Бломквист: «Еще в XI – начале XII в. у восточных славян практиковалась постройка сруба «на стулья»: под углы дома и под середину бревен первого венца врывают в землю коротышки-чурбаны – обрубки толстых бревен до 1 м высотой (стулья). Для предохранения от гниения их обжигают или засмаливают. Для зимней избы стулья врывают вровень с землей, чтобы первый венец лежал плотно на земле. Для летней избы стулья выдаются над землей от 10 см до 0,5 м и выше. Иногда под углы ставят «стулья копаные» или «лапы» (выкорчеванные древесные пни корнями вниз)» (Бломквист Е.Э., 1956. С. 204). У нас подобные фундаменты носили название «столбы», «пни», «сохи». Продольные пазы бревен прокладывают мхом, ветошью или паклей.

Планировка дома относительно печи относится к северо-среднерусскому типу по классификации предложенной Е.Э. Бломквист (Бломквист Е.Э. 1956., С. 235). Печь находилась слева, или справа от входной двери, направление устья печи и входной двери совпадали. Над

входной дверью располагались полати. Крыши домов – на два ската, крытые дранью или пиленным тесом.

За полуторавековую историю поселков Новолинейного района, несмотря на пожары, не раз случавшиеся в них, часть домов первопоселенцев уцелела. Располагаются они чаще всего или на «плацу», то есть на площади, или на примыкающих к ней улицах и проулках. Подобные дома сохранились в поселках бывшего Варшавского станичного юрта – Амурском, Полоцком, Кацбахе, в поселке Браиловском Кизильского станичного юрта, Бриентском Кваркенского станичного юрта.

В Амурском поселке Брединского района Челябинской области таких домов еще в 1988 г. было несколько, располагались они неподалеку от площади. Один из домов однокамерный, квадратный в плане, сооружен из лиственничных бревен диаметром около 50 см и длиной 6,5 м. Сруб состоит из 10 венцов, высота стен более 3 м. Постройка имела легкие сени из досок, сооруженные, по-видимому, недавно. Слева от входа располагалась русская «битая» печь весьма архаичного вида, обмазанная желтой глиной, скорее всего, ровесница дома. Планировка дома – северо-среднерусского типа. Над входом в избу имелись частично разобранные полати. Бревна отесаны таким образом, что углы комнаты получаются округлыми. Площадь помещения 25 м². Дом имел пять окон размерами 1,0 × 0,5 м, три из них выходят на улицу, два – во двор. Со стороны улицы окна прикрываются двустворчатыми ставнями, выходящие во двор – одностворчатыми. Крыша дома четырехскатная. Гребень крыши параллелен улице. Первоначально крыша была покрыта тесом, в данный момент – шифером. Усадьба была окружена каменным забором высотой 1,5 м, частично разрушенным. Ворота расположены довольно далеко от дома. Дом принадлежал Корябиной (Бурлуцкой) Прасковье Ивановне, 1905 г.р. (дом сгорел в 1991 г.) (рис.15).

Недалеко от описанного дома расположен подобный, отличающийся от первого наличием каменного фундамента. Рублен он из плах толщиной от 25 до 40 см. Окна закрываются одностворчатыми ставнями. У дома

сохранилась тесовая крыша. Использование при сооружении дома плах, а не целых бревен не случайно. Сделано это в целях экономии строительного материала. Значительный диаметр расколотых бревен позволяет сохранить теплоизоляционные свойства сруба. Все старые дома из бревен и плах рублены «в чашку».

Относительно небольшие размеры и площадь домов первых поселенцев можно объяснить дефицитом времени. Дома необходимо было построить в течение одного, максимум двух летних сезонов. Определенную роль играл и численный состав семей переселенцев, которые в период устройства на новом месте, скорее всего, были небольшими.

Другим широко распространенным типом жилища оренбургских казаков являлся Трехчастый (трехкамерный) дом. Вход в такое жилище устроен со стороны двора через «холодные» сени, идущие вдоль задней стены дома. «Холодные» сени переходят в «теплые», делящие дом на правую и левую половины. Дом, таким образом, имеет два жилых помещения и фактически является соединением двух однокамерных изб, связанным друг с другом в один сруб теплыми сенями. В плане дом симметричен, линия симметрии проходит через теплые сени. Отапливался он двумя печами, расположенными в правой и левой избах.

Дома подобного типа называют «связью», «две избы через сени». Они были широко распространены по всей России. Планировка дома – «связи» – северо-среднерусская.

Трёхчастные (трехкамерные) связи, как и однокамерные дома, являются самым древним типом планировки восточнославянского дома. Появление трёхкамерной конструкции методом «связывания» двух однокамерных или одного двухкамерного и однокамерного дома относят в русских городах к IX – XIII вв., а в сельской местности к XV – XVI вв. (Рабинович М.Г., 1988. С. 122).

Челябинский историк И.В. Дегтярёв, опираясь на архивные материалы, сообщает о широком бытовании связей в Челябинской и Миасской крепостях в XVIII в. (Дегтярёв И.В., 1996. С. 20).

Дома этого типа были широко распространены в XVIII–XIX вв. в Сибири и даже в XIX в. считались наиболее характерными домами сибиряков (Очерки культурогенеза народов Западной Сибири, 1997. С. 135).

Связи до сих пор встречаются в большинстве населённых пунктов оренбургских казаков. В посёлках, где они не сохранились, местные жители, описывая их по памяти, характеризуют как старые большие дома.

М. Голубых, также со слов местного населения, называет имеющиеся в Тимофеевском посёлке связи «старыми домами», противопоставляя их новым типам жилых многокамерных построек – пятистенкам и крестовикам (Голубых М., 1928. С. 28).

Связи широко были распространены и в Новолинейном районе, освоение которого началось только в 1835 г. О широком бытовании связей рассказывают информаторы из Кацбахского, Полоцкого, Анненского, Фершампенуазского и других посёлков. Причём информаторы из Кацбаха утверждают, что в их посёлке ещё в 20-е гг. XX в. таких домов было большинство (Стрелкова М.Н., 1938 г.р. и Сандаков И.Г., 1911 г.р.).

Связи, как и однокамерные дома, чаще всего рубили из мощных брёвен или плах диаметром 35–40 см. Ставили на вкопанные в землю пни – сохи и стулья. Встречаются связи и на каменных фундаментах (посёлок Кизильский) или даже каменных подклетах с окнами (бывшая станица Степная). При «стандартной» ширине 5,0–5,5 м длина связи могла достигать 15 м. Пол и потолок сооружались из плах шириной 50 см. Двери, особенно внутренние, были массивными и толстыми. Дверные проёмы невысокими – 1,5 м. Окна четырёхугольные, небольшие (высотой около метра, шириной 0,5 м) относительно общих размеров дома. Ставни окон часто одностворчатые, кроме фасадных.

Декоративные украшения отсутствовали совсем или были выполнены в архаичной технике (глухая желобчатая или двух и трехгранно выемчатая ногтевидная резьба). Мотив орнамента на наличниках традиционен – так называемый «репейник» (лучистый полукруг или ромб с завитками). Иногда ромбы или круги, выполненные в той же технике, размещаются под крышей на утеплительной доске, идущей по периметру дома.

Трёхкамерные дома могли иметь двухскатную тесовую крышу с фронтоном, зашитым горизонтально расположенными досками, с маленьким полукруглым чердачным оконцем и карнизом – «козырем» из тёса, или шатровую четырёхскатную тесовую крышу. Информаторы сообщают об использовании в качестве кровельного материала, как пиленого тёса, так и дранки.

Связи, крытые на два ската, стояли, как правило, перпендикулярно улице и окна их, кроме двух-трёх торцовых фасадных, выходили во двор (связи в посёлках Полоцкий и Фершампенуаз) (рис.19, 20, 21,). Связи с шатровой четырёхскатной крышей устанавливались вдоль улицы. Тогда большинство окон в правой и левой избах и тёплых сенях выходили на улицу, а торцовые – во двор (связи в станицах Степной и Кизильской). В поселке Петропавловском у «связей», расположенных аналогичным образом, вместо окна «тёплых сеней» имелся «крылец».

Соединения деревянных деталей в таких домах большей частью выполнены без гвоздей. Металлические детали: гвозди, навесы, шарниры, петли – кованые, изготовлены кустарным способом. Железные петли часто имеют орнамент, выполненный зубилом по горячему металлу. Основным мотивом орнамента – змейка.

Совокупность признаков – широкое использование лиственницы, большой диаметр брёвен, значительная ширина и толщина плах и досок, постройка сруба на пни, небольшие размеры окон и дверей (относительно общих размеров дома), их прямоугольная форма, архаичная техника и мотивы декора – позволяет отнести связи вместе с однокамерными домами

к самым старым типам жилищ, не испытывавшим влияния со стороны европеизированной городской моды.

Модернизацией связи, её логическим продолжением являются дома «шестистенки» и крестовые связи. В XVIII в. на территории России повсеместно начинается процесс усложнения планировки традиционных типов жилища – развитие многокамерности.

Это явление в первую очередь затронуло преимущественно города и только с середины XIX в. городская «мода» стала распространяться и в сельских населенных пунктах. Эволюция имела два направления – вертикальное развитие (увеличение этажности) и горизонтальное (увеличение количества помещений в одноэтажном доме).

Забегая вперед следует сказать что у оренбургских казаков вертикальное усложнение планировки не получило широкого распространения. Единственным шагом в этом направлении стало распространение высоких каменных фундаментов. Здания с полуподвальными помещениями жилыми или хозяйственными были исключением. Единичные многоэтажные дома (двухэтажные) появляются в сельской местности лишь к концу XIX в. у зажиточных казаков или «мещан» проживавших казачьих поселках и занимавшихся торговлей, как городская мода и часто сочетают жилые и торговые помещения. Местное население такие дома до настоящего времени называются «городскими».

Усложнение планировки домов у оренбургских казаков шло за счёт увеличения количества помещений в горизонтальной плоскости.

Появление следующего типа дома – «пятистенка» или «пятистенника», кроме распространения городской моды часто объясняют отмиранием большой патриархальной семьи у великороссов и в том числе у оренбургских казаков (Бломквист Е.Э., 1956. С. 98; Очерки культурогенеза народов Западной Сибири, 1997. С. 136). В России в сельской местности пятистенок широко распространился во второй половине XIX в., и Южный Урал исключения из общего правила не составил. Однако в городах

Европейской части России пятистенки появляются ранее во второй половине XVIII в. (Рабинович М.Г., 1988. С. 122).

Пятистенок является господствующим типом дома в сельской местности и в наши дни (рис.24, 25, 26, 28, 29, 30. Это изба, длиной около 10 м, шириной приблизительно 5 м, разделенная почти посередине капитальной стеной, рубленной одновременно с возведением сруба. Часто пятую, разделительную стену не рубили полностью, а врубали два или одно бревно в нижние венцы и столько же – в последние верхние. Остальная большая часть пятой стены представляла собой дощатую перегородку. Бревенчатая стена или дощатая перегородка делила дом на «избу» и «горницу». «Избой» становилась та часть дома, куда вел вход с улицы и, где сооружалась печь.

Пятистенки, как правило, возводилась на высоких (50–70 см) фундаментах из дикого камня (плитняка, или гранита). Сруб рубился из сосновых бревен или плах. Диаметр строевого леса был заметно меньше, чем у старых домов «связей» и «клетей» – 15–20 см. Из лиственницы рубили, при возможности, только два первых венца, соприкасавшиеся с фундаментом. Несмотря на хорошую стойкость к гниению, теплоизоляционные свойства ее хуже, чем у сосны.

В Еткульском станичном юрте менее состоятельные казаки строили пятистенки и из «нестроевого» леса – березы, используя пазово-столбовую технику. В станицах Нижнеозерной и Кардоиловской нижние венцы рубили из дуба, а верхние из тополя. На юге II военного отдела бедняки сооружали саманные или засыпные пятистенки. В Кизильской станице некоторые «пятистенки» сооружались из дикого камня, обмазывались и белились с фасадной стороны (рис.25, 29).

К дому со стороны двора пристраивались сени. Часто сени и дом стояли на одном фундаменте и были перекрыты общей крышей. В других вариантах сени не имели общего фундамента, но зато могли иметь собственную односкатную крышу, пристроенную под карниз крыши дома.

Вообще, здесь наблюдается множество вариантов: а) сени и дом с общими фундаментом и крышей; б) сени с общим фундаментом и собственной крышей; в) сени на «мостках» с общей крышей; г) сени на помосте – «мостках» с собственной крышей. Сени сооружались из бревен меньшего размера, плах или досок, прибитых к вертикальным стойкам, а также из дикого камня – гранита или плитняка. Очень часто фундамент здания и сени обмазывали глиной, в которую для связи добавляли навоз, и белили. Фундаменты мазали желтой глиной.

Многие богатые дома в казачьих станицах первого, второго и на юге третьего отделов имели «крылец», то есть галерею с парадным крыльцом, которое выходило непосредственно на улицу (рис.25, 45). Поднимаясь с улицы по парадному крыльцу с маленькой двускатной крышей, поддерживаемой двумя «балясинами» – декоративными колоннами, иногда парными, то есть по две справа и слева, входящий оказывается перед двустворчатой филенчатой дверью, за которой начинается галерея (рис.41, 42, 43, 44). Это помост вдоль торцевой стены, поднятый до уровня фундамента, под общей с домом крышей. На галерею выходят одно или два окна. Галерея имеет перила с подпирающими крышу резными или простыми балясинами, потолок ее обшит досками. Она может опираться на общий с домом фундамент или на сложенные из камня столбы или деревянные опоры (обрубки бревен) (рис.46). На углу дома галерея у входа в сени заканчивается спуском во двор. Чаше всего особенно в степной зоне вдоль всей задней стены дом охватывали сени, дальняя часть которых заканчивалась чуланом. В отдельных случаях «галерейка» охватывает дом с двух сторон. Бытование этой конструкции крыльца у казаков поселка Благодославного в I военном отделе, правда без описания подробностей отмечает Д.К. Зеленин: «Многие избы имеют парадное крыльцо, выходящее прямо на улицу...» (Зеленин Д.К., 1905. С. 64).

Похожие на описанные «галерейки» распространены на Дону. Однако появление подобных «галереек» у донских казаков связано с весенним

разливом Среднего и Нижнего Дона, у оренбургских это, скорее, культурное заимствование. По мнению М.П. Мочаловой, высказанному автору в частной беседе, оренбургские «крыльца – галерейки» является вариантом туркестанского «айвана», заимствованного оренбургскими казаками. Действительно, чаще всего «крыльца – галерейки» встречаются в поселках I и II военных отделов, казаки которых служили во 2-ом и 5-ом Оренбургских полках, дислоцировавшихся в Туркестанском военном округе. Возможно, впоследствии мода на «галерейки» распространилась по всей степной зоне и даже за пределы войсковой территории. Парадные крыльца с галерейкой, аналогичные описываемым и донским, имелись у русского старожильского населения Средней Азии (Брусина О.И., 2001. С. 80 – 83). Галерейки, похожие на наши существовали также у амурских казаков на Дальнем Востоке: на улицу выходит только крылец, «галерейка» расположена с торцовой стороны дома во дворе. (Соболевская Н.А., 1986).

Как указывалось выше, пятистенок делится на две половины: «избу» и «горницу». Дверь из сеней ведет в избу. Слева от входа – русская печь (расположение печи в комнате традиционное), над входом – полати, с левой торцовой стороны у печи – окно, освещающее место у печного чела, выходящее в галерею и привратную часть двора, над печью – маленькое волоковое оконце, напротив входной двери – два или три окна. В пятой, разделительной стене – двустворчатая «горничная», открывающаяся вовнутрь, дверь, ведущая в горницу. Напротив двери – торцовая стена дома с двумя-тремя окнами. Левая фасадная стена горницы, как правило, имеет столько же окон, сколько и фасадная стена избы. Правая стена горницы глухая, за ней – чулан.

Пятистенок обычно имеет невысокую, на четыре ската крышу. У зажиточных казаков – железную, у менее состоятельных – тесовую. Повсеместное уплощение крыш связано с распространением кровельного железа.

Пятистенки, как правило, расположены вдоль улицы по-сибирски. Описанный выше пятистенки типичен и распространен на всей войсковой территории (рис.23, 24).

Однако существует еще один вариант пятистенка, встречающийся во втором и третьем военных отделах. Зафиксированы они в Верхнеуральском Форштадте, посёлке Кассель Верхнеуральской станицы, посёлке Попово и посёлке Варламово Верхнеуральской станицы. Такой пятистенки всегда расположен перпендикулярно улице. Торцовая часть, выходящая на улицу, является фасадом, а сени образуют задний торец дома. В сенях дальняя часть выгорожена в чулан. Планировка традиционна: над входом – полати, печь – справа или слева от входа, ориентация устья печи совпадает с направлением входной двери. В отличие от пятистенка, описанного выше, здесь горничная дверь тоже двустворчатая, расположена напротив входной двери. В горнице за этой дверью – два или три фасадных окна, выходящих обязательно на улицу. Остальные окна, как в горнице, так и в избе, выходят в привратную часть двора. Размеры «избы» и «горницы» стандартные – 5 × 5 м. Пятистенки этой разновидности может иметь как двускатную с козырем, так и четырехскатную крышу (рис.30).

Иногда состоятельные родители строили отделяющимся сыновьям дом «на два двора». Это два пятистенка под общей крышей, выражаясь современным языком – двухквартирный дом. Сооружение симметричное. Имеет два отдельных входа, два самостоятельных комплекса хозяйственных построек. Линия симметрии проходит через капитальную стену, разделяющую дом на две равные половины. Сообщение между правой и левой частями возможно только через улицу. Внутреннюю проходную дверь не устраивали не только в сенях, но даже и во дворе. Перекрывалось такое сооружение четырехскатной стропильной крышей, конек которой был параллелен улице и перпендикулярен стене, разделяющей дом на половины. Дома такого типа встречаются в северных станичных юртах Челябинского и Троицкого уездов бывшей Оренбургской губернии (посёлках Варламово,

Полетаево и др.). Бытование дома «на два двора» на войсковой территории ограничено, однако за ее пределами, в горнозаводской зоне современной Челябинской области (города Нязепетровск, Верхний Уфалей, Касли и др.) такие дома не редки. Внешне дом «на два двора» похож на «крестовик», однако, по сути, им не является.

Дальнейшим развитием пятистенка через усложнение его планировки в горизонтальной плоскости стало появление «дома углом», и некоторых типов «шестистенка», «крестовика» и «крестовых связей».

«Шестистенки» это трехкамерные дома, с расположенными в один ряд (линию) комнатами, где обитаемыми являются все три части дома, в отличие от «однорядной связи», в которой средняя часть, т. е. теплые сени – не жилые. «Шестистенные дома всегда стоят вдоль улицы, внушительных размеров, имеют по фасаду сплошную линию окон, наличников и ставен» (Бубнов Е.Н., 1987. С. 71).

Шестистенными домами на юге Челябинской области называют как перестроенные «связи», так и разросшиеся до трех комнат пятистенки. Часто в средней части дома вместо традиционных одного или двух окон делали большое, сдвоенное окно. Это было характерно и для Среднего Урала. «Большое сдвоенное окно подчеркивало симметрию дома» (Бубнов Е.М., 1987. С. 71). Однорядность и трехкамерность являются основными отличительными чертами шестистенка. Все остальные параметры дома аналогичны пятистенку (рис.32, 33, 34).

Шестистенок в посёлке Могутовском бывшего Варшавского станичного юрта имеет крылец с галерейкой. Сени дома опираются на мощные вертикально стоящие сосновые чурбаки высотой около 1 м и до 0,5 м диаметром. Дом стоит на высоком каменном фундаменте, перекрыт четырехскатной стропильной крышей. Все комнаты в доме – проходные. Фронтон крыльца украшен непрофессиональным изображением двуглавого орла с короной, скипетром и державой. Изображение старое, но хорошо различимое. Дом, со слов сейчас проживающей в нем семьи, ранее

принадлежал могутовскому священнику (рис. 34, 45). Расположен дом на плацу, рядом с превращенной в пиломастерскую церковью.

Шестистенки сохранились в небольшом количестве в большинстве крупных посёлков бывшего II-го военного отдела Оренбургского казачьего войска до настоящего времени. Однако по свидетельствам местных жителей раньше их было больше. Жили в них большими семьями. После гражданской войны и коллективизации их активно перестраивали, перевозили из посёлка в посёлок, использовали под различные учреждения. В настоящее время сохранившиеся жилые шестистенки часто разделены на две «квартиры».

«Дома-углом» («угловые дома, дома глаголем, угловые связи») распространены в южных поселках степной зоны. Формировался такой дом за счёт углового прируба к пятистенку, или к шестистенку. Если к глухой стене горницы пятистенка прирубить еще комнату, а в стене прорубить дверь, то в плане мы получим дом углом. Дальнюю от входа третью комнату называют «горенкой, спальней» или «девичьей». Отапливались дальние комнаты, как и горница у пятистенка, дополнительной печью «голландкой»–«барабаном». «Барабан» устраивался в простенке между горницей и спальней, топка «барабана» выходила в горницу. «Дома-углом» перекрывались стропильной крышей, гребень которой имел тоже Г – образную форму.

Дома подобной формы часто были угловыми, то есть стояли на перекрестках, и окна спальни в этом случае выходили в проулок. Они встречаются в поселках: Фершампенуаз (дом Айтуганова), Кацбах, Анненском и Адрианополе.

Встречаются дома углом и весьма внушительных размеров. Так дом в посёлке Адрианопольском Кваркенского станичного юрта стоит на высоком, более метра, фундаменте, по фасаду имеет шесть больших окон, столько же обращены в проулок. Очевидно, что третья часть дома не прирублена, а возводилась одновременно с другими частями дома на общем

фундаменте. Дом имеет «крылец-галерейку» и перекрыт стропильной «Г-образной» крышей с железным покрытием. Время сооружения дома – первая четверть XX в. (рис.31).

Существуют и переходные, «гибридные» если так можно выразиться формы. В Неплюевском поселке бывшей Варшавской станицы «Г-образный», трехчастный в плане дом весьма внушительных размеров был перекрыт стропильной, четырехскатной крышей с одним коньком и внешне, особенно с улицы, выглядел скорее как «крестовик». По словам хозяина, срублен и привезен этот дом был из поселка Анненского Великопетровской станицы в начале XX в. Существуют подобные дома переходной формы внушительных размеров и в самом Анненском поселке.

Дальнейшим усложнением планировки дома является «крестовик», то есть дом, разделенный на четыре части двумя пересекающимися стенами, рубленными одновременно со всем срубом. Крестовые, часто квадратные в плане, дома широко встречаются в Сибири и на Урале. Примерной границей их распространения на юг является река Уй (рис.22). Южнее поселков Степной станицы «крестовики» встречаются гораздо реже. Однако распространение крестовика в степной район продолжалось и после гражданской войны. Так называемые «кулацкие» дома, построенные незадолго до коллективизации, чаще всего являются крестовиками (рис.38). Типичным примером является дом Чернева, построенный в 1928 г. в посёлке Варшавка Троицкого округа Уральской области. Но в отличие от северных крестовиков, крестовики на юге часто дополняются традиционными для степной зоны галерейками (рис.37).

Крестовые дома казаков Еткульской станицы, поселка Селезянского были крыты четырехскатными тесовыми или железными крышами. Первая четверть дома – это теплые сени с капитальными стенами без окон, вторая четверть – изба с русской печью и полатями, третья – горница, отапливаемая голландкой, четвертая – горенка, спальня.

Часто в крестовики перестраивали пятистенки, прирубая к существующему дому ещё две комнаты. В посёлке Варламово Верхнеуевельской станицы построенный в XIX в. пятистенок был в 1900г. перестроен. К уже существовавшему пятистенному срубу были прирублены ещё две комнаты. В окончательном варианте получилась почти квадратная в плане постройка размером $9,5 \times 8,5$ м. Пересекающиеся внутри стены делят дом на четыре примерно равные по площади комнаты. Дом имеет 13 окон, в том числе одно внутреннее, выходящее в сени. Перекрыт он стропильной четырёхскатной (шатровой) крышей с покрытием из листового железа. Сруб обшит тёсом «в ёлочку». Форма оконных и внутренних дверных проёмов полуциркульная. Все двери дома кроме входных двухстворчатые филёнчатые. К дому пристроены некапитальные дощатые сени с «низким крыльцом». Конструкция сеней каркасная, горизонтально обшита досками. Сени имеют собственную односкатную крышу, пристроенную под карниз дома, и козырёк над крыльцом. Кровельным материалом также является листовое железо. Кроме того, в сенях имеется одно окно, расположенное напротив внутреннего окна дома. Планировка дома, форма оконных и дверных проёмов, декоративные украшения (пропильная накладная резьба) позволяют датировать перестройку дома периодом не ранее 1900 г. и не позднее 1929 г. По словам местных жителей, первоначально дом принадлежал семье Долгополовых, впоследствии в нем размещалась школа. Надворные хозяйственные сооружения у дома не сохранились (рис.36).

Большинство крестовых домов в Варламово, возведенных сразу, а не перестроенных из пятистенков, первоначально имели только две жилые комнаты (как и пятистенки) – избу и горницу. Впоследствии, по словам местных жителей, в третью жилую комнату превращали чулан, прорубая дверь в горнице и одно или два окна в чулане. Кроме Варламово такие крестовики встречаются в Петропавловском посёлке Уйского станичного юрта. Однако местные жители не считают их полноценными крестовиками. Крестовики, по их мнению, должны иметь четыре жилые комнаты.

Усложнение планировки вызвало необходимость дополнительного обогрева частей дома, удалённых от русской печи. Для этого между горницей и третьей комнатой, как было отмечено выше, устанавливали «голландку»-«барабан» (рис.60).

В первом десятилетии XX в. в крупных казачьих населенных пунктах появились огромные дома, сравнимые по размерам с городскими. Один из таких домов был построен в Амурском поселке в 1911 г. казаком Савельевым, торговавшим скотом (рис.39). На его месте стоял другой дом, из камня. Дом разобрали, из камня соорудили фундамент и ограду. Новый дом, квадратный в плане, имеет размеры 14,5 × 14,5 м. Высота фундамента – 1,7–2 м. Дом рублен «в лапу» из сосновых бревен диаметром 35–40 см и длиной 8 м. С левой стороны к дому было пристроено парадное крыльцо-галерея. Вместе с крыльцом длина фасадной стороны дома составила 17,5 м. Крыльцо-галерея было застеклено и опиралось на четыре мощные, двухметровой высоты, опоры-столба, сложенные из гранита. Толщина опор – более 1 м. Высота сруба – 4 м, а вместе с фундаментом высота стен составляла 6 м. Дом имел шесть окон с фасадной стороны, три – с правого торца и три – со стороны двора. Высота окна без наличников – 2 м. Крыльцо-галерея и сам дом были перекрыты четырехскатной крышей из железа. Высота крыши от потолка до конька приблизительно равнялась высоте сруба. Дом был окружен гранитным забором высотой 2,5 м. Под домом находился подвал с выходом во двор.

После революции в доме поочередно размещались школа, правление, общежитие, сейчас в нем располагается дирекция совхоза. После многочисленных перестроек дом утратил первоначальную планировку, не сохранилась и ограда вокруг него.

Еще более внушительных размеров дом находится в Наследницкой станице (рис.40). Это совсем уже городское здание в два этажа: первый кирпичный, второй – деревянный. На первом этаже размещались торговые заведения и, частично, жилые помещения; второй был полностью жилым.

Дом в плане «Г-образный», одним крылом выходит на улицу, другим – на площадь, угловая часть дома срезана. На первом этаже здесь был вход в лавку, на втором этаже – балкон с перилами из кованой ажурной решетки. На втором этаже дома – 13 окон, выходящих на площадь и улицу. К зданию пристроены хозяйственные постройки из дикого камня.

Подобные, но меньших размеров городские дома существовали и в других крупных станицах (Степной, Кизильской, Кундравинской и других). Однако широкого распространения они не получили: процесс застройки крупных населенных пунктов зданиями высотой более одного этажа был надолго прерван революцией и гражданской войной.

§ 2. Интерьер

Традиционный интерьер без существенных изменений сохраняется до настоящего времени в сельских домах пожилых людей, особенно одиноких, а также в значительной степени в домах жителей среднего возраста.

Особенно устойчив к изменениям и модернизации интерьер «избы» – хозяйственной части дома с печью – русской, осень часто именуемой в настоящее время «кухней» даже лицами старших возрастов.

Традиционный интерьер «избы» прямо связан с традиционной планировкой, распространенной на той или иной территории. Традиционная планировка жилища (избы относительно печи) в поселках оренбургских казаков на всей территории практически без исключения – северо-среднерусская (по Е.Э. Бломквист), т. е. русская печь расположена справа или слева от входа в «избу», направление «устья» печи совпадает с входом в помещение, печное «чело» (цело) обращено к окнам, выходящим на улицу. Полаты расположены над входом. Русская печь и «красный угол» расположены по диагонали. Аналогичный тип планировки избы относительно печи повсеместно распространен на смежных территориях Приуралья, в Южноуральских и Среднеуральских горнозаводских

населенных пунктах, крестьянских селах Челябинского и Курганского Зауралья, в Западной Сибири.

Присутствие других восточнославянских типов планировки «избы» относительно печи в домах постройки рубежа XIX – XX вв. в настоящее время не обнаруживается. Информаторы во всех обследованных поселках знают и помнят только описанную выше северо-среднерусскую планировку.

Однако на схеме дома и усадьбы казака поселка Благословенного Оренбургской станицы I-го военного отдела, иллюстрирующей статью Д.К. Зеленина, планировка избы относительно печи – украинско-белорусско-западнорусская, т. е. печь расположена в углу, слева от входной двери, направление устья печи перпендикулярно входу. Однако на том же плане в «землянке» – летней кухне – планировка помещения северо-среднерусская, направление входа совпадает с направлением устья (Зеленин Д.К., 1905. С. 63). Присутствие «западного» типа планировки в этом поселке в начале XX в. может быть объяснено участием украинцев в формировании населения данного конкретного населенного пункта, о чем в этой же статье пишет Д.К. Зеленин (Зеленин Д.К., 1905. С. 55). Малорусским влиянием он, кстати, объясняет привычку местных казаков заправлять рубахи в шаровары (Зеленин Д.К., 1905. С. 66).

Тем не менее, как уже было сказано, в тех станицах и поселках бывших I, II и III военных отделов, где местные жители своим происхождением были связаны с Украиной (в том числе и переселенные из I военного отдела) или южно-великорусскими губерниями, планировка изб всегда была северо-среднерусской (ст. Ключевской, пос. Лейпцигском, пос. Аландском, ст. Кардоиловской и др.). В Тимофеевском поселке Еткульской станицы М. Голубых в планах домов фиксирует исключительно северо-среднерусское размещение печи в избе, несмотря на южнорусское (курское) происхождение местных казаков, прекрасно помнящих родину своих дедов. Аналогичная ситуация существовала и в поселке Смеловском бывшего Магнитного станичного юрта, населенном казаками курского

происхождения. Даже в соседнем со Смеловским поселке Кирса, где местные жители – переселенцы начала XX в. – также являлись выходцами из Курской губернии, но не были включены в казаки, сейчас присутствует северо-среднерусское размещение печи.

Интерьер избы у оренбургских казаков традиционен (рис.52). Размещение основных элементов интерьера (печи и неподвижной мебели) соответствовало северо-среднерусскому плану. Эстетические предпочтения хозяев в этом случае определялись традицией. Мебель в доме подразделялась, на подвижную и неподвижную – изготавливаемую одновременно с возведением дома. К неподвижной относились лавки и полки, врезанные в стены, полати, залавок.

Ключевым элементом традиционного интерьера избы являлась русская печь (рис.56, 57, 58). Это основное теплотехническое сооружение в доме, занимавшее четвертую часть объема избы. На рубеже XIX – XX вв. избы у оренбургских казаков топились по белому. Русские печи в это время сооружались из кирпича. Однако, информаторы рассказывают о бытовании в не далеком прошлом «битых» печей из глины. Кладка печей являлась делом ответственным и требовала известного умения. Печь должна была быть экономичной, и при этом обладать хорошими теплотворными параметрами, кроме того печь не должна дымить. Поэтому, сооружением или перекладкой печей редко занимались сами хозяева, чаще приглашали специалиста – печника. Эта практика сохраняется до настоящего времени.

Основание печи («опечье») – деревянный ящик из толстых плах, забутованный глиной с камнями, иногда с добавлением битого бутылочного стекла – сооружалось, как правило, еще до настилки пола на каменном фундаменте или на уже настеленном полу (рис.59). Устройство печи также традиционно. Передняя часть печи «чело» или «цело» (в такой форме термин бытовал в Уйской станице) с «устьем» расположенным напротив окна. Если печь была размещена у торцовой стены, пространство перед печью освещалось боковым окном. Перед устьем печи находился «шесток»

– площадка, на которую ставят горшки и чугуны. Шесток мог быть в виде кирпичного выступа или чугунной (реже каменной) плиты, вмурованной в тело печи. За устьем располагался «очаг» с «загнетками», а дальше – «под» со «сводом».

Большинство печей имели коленчатые дымоходы, разбираемые время от времени для чистки. Под шестком на уровне пола часто устраивалась узкая ниша – «рогачник», предназначенный для хранения ухватов, кочерег, растопочного материала. Со стороны чела над шестком имелось отверстие, связанное с дымоходом, куда вставляли самоварную трубу, а над устьем – заслонка, перекрывающая дымоход. В боковой стене русской печи имелись небольшие ниши – «печурки», увеличивавшие поверхность печи и, соответственно, теплоотдачу, служившие также для сушки рукавиц. В печурке, устроенной на челе, обычно хранили спичечный коробок. В избах оренбургских казаков печи, как правило, плотно примыкают к стенам, запечье встречается крайне редко. Лежанка на печи застилалась кошмой или стеганым одеялом. Если печь была расположена у торцевой стены дома, то над лежанкой часто имелось маленькое квадратное волоковое оконце, прорубленное в смежных бревнах. Назначение волокового окна информаторы объясняют необходимостью освещать лежанку – «бабушка вяжет, что бы светло было». Печь летом периодически промазывали глиной, смешанной с «коровяком», и белили мелом, позднее известью. Коровий навоз добавлялся в глину для предотвращения растрескивания – как армирующая добавка. Большинство сохранившихся до настоящего времени русских печей модернизированы, совмещены с голландскими печами, имеющими плиту с конфорками. Вдоль боковой стенки практически на всю длину печи от двери сооружалась лавка, в поселках бывшей Еткульской станицы называвшаяся «голбчиком». Упиралась она в «ставничек» т. е. печной столб, расположенный у печного угла. В бывших казачьих поселках степной зоны современной Челябинской области место «ставничка» занимал узкий открытый шкаф с полками – «тараканник». Около

«тараканника» или «ставничка» у печного угла подвешивался чугунный рукомойник, а на полу стояла лохань для грязной воды. И сейчас, как правило, на этом месте стоит умывальник. В полу у печного столба имелся лаз в подпол «голбец». Напротив печного чела у стены или с боку в простенке устанавливался «залавок» (залавка) – невысокий напольный шкаф с широкой верхней доской, служившей для кухонных работ. На внутренних полках стояла разнообразная повседневная посуда. «Ставничек» с «тараканником» служили опорой для бруса, на который опирались полаты. Другой конец бруса врубался в стену. Брус по всей длине имел выборку или паз, в который вставлялись доски полатей. Другим концом доски полатей опирались на планку, прибитую над входной дверью. Полаты являлись местом сна детей. Забирались на полаты через печь. Часто к брусу на всю его длину прибивалась доска, препятствующая падению с полатей предметов. Застилались полаты кошками. В настоящее время в большинстве домов полаты, как правило, частично разобраны или полностью демонтированы (рис.54).

Перпендикулярно полатам под потолком от печи к передней стене устраивалась широкая полка – «пирожный брус» или «грядка». На «грядку» складывали выпеченный хлеб – «от детей повыше». В поселке Белоусово бывшей Еткульской станицы местные жители вспоминают о существовании полок, врезанных в стену над окнами.

По диагонали от печи в избе находится красный угол. В красном углу на специальной полке или в киоте помещались иконы, висела лампада.

В красном углу сходились, стыковались широкие, врезанные в стены лавки. В отличие от полок над окнами, лавки в избах сохранились повсеместно. Здесь же стоял деревянный стол. На рубеже XIX – XX вв. в избах появляются железные кровати. Кровать ставили у входной двери на место, где традиционно в русской избе находился коник. На этом же месте мог стоять деревянный, кустарного изготовления диван со спинкой и подлокотниками.

За кольцо, закрепленное в «матице» подвешивалась «зыбка» – колыбель. Колыбель часто подвешивали и на гибкой пружинящей березовой или «таловой» жерди. В 30-е–40-е гг. стали использовать стальную спиралевидную пружину. В простенок между окнами ближе к красному углу помещалось большое зеркало в деревянной раме. Из подвижной мебели в избе у стола стояли несколько табуретов или короткая лавка-скамья. В темное время суток помещение освещалось керосиновой лампой, подвешенной к потолку или переносной. Переносная лампа стояла на «заплечике» печи или в «тараканнике», там же держали емкость с керосином. На окнах имелись ситцевые занавески, оставлявшие открытой верхнюю треть окна. Кроме окон, занавешивались кровать, полати, «грядка», «тараканник». Пол в избе половиками не застилали, часто на пол стелили солому, по мере загрязнения её меняли. Подавляющее большинство информаторов, родившихся в начале XX в., утверждают что пол, потолок, а также мебель в избах не красили. К праздникам пол и неподвижная мебель скоблилась до бела ножами – «косырями» или битым стеклом. В последствии под влиянием городской моды и доступности красок стали окрашивать пол, лавки, двери, окна потолок, т.е. практически все, исключая стены. Входную дверь, пол и мебель, стоящую на полу окрашивали в коричневый или охристый цвета, оконные рамы, дверь в горницу, полки и шкафы, подвешенные к стенам, потолок – в синий, голубой реже белый. Сейчас в домах старой постройки с сохранившимся традиционным интерьером окрашены даже стены (дом Чиковой Ф. А.) (рис.52).

Изба являлась самой архаичной частью дома. Её планировка, размещение основных элементов интерьера было закреплено традицией. В избе проходила основная часть жизни обитателей дома.

На рубеже XIX – XX вв. в казачьих домах появляется все больше предметов быта фабричного производства: мебели, посуды, текстиля. В большей степени это касалось предметов, которые размещались в горнице. Обстановка горницы демонстрировала материальный достаток семьи. В

будничные дни дверь в горницу держали закрытой, туда без надобности не заходили и не пускали детей. Уже форма двери подчёркивала парадность находящего за ней помещения. В отличие от простой массивной одностворчатой входной двери, дверь, соединяющая избу с горницей («горнишная дверь») была, как правило, филёнчатая двухстворчатая и имела арочный проём. Неподвижная мебель в горницах отсутствовала. Размещение подвижной мебели было более свободным, в отличие от избы жестко традицией не регламентировалось. Однако, в начале XX в. формируется и широко распространяется новая мода, определявшая набор и размещение предметов интерьера в горнице. Сопоставляя сведения информаторов и результаты наблюдения можно констатировать, что эта новая мода превращается в традицию и интерьеры горниц в домах пожилых людей до сих пор довольно однотипны. Такой типичный интерьер был, по воспоминаниям К.А. Михайловой, в доме её отца Н.Г. Аксёнова, проживавшего в Николаевской станице II военного отдела ОКВ: «Слева от «горнишной» двери стоял шкаф с посудой – горка; в середине комнаты круглый стол, покрытый филейной скатертью; над столом – лампа; в простенках – сундуки; над ними – большое зеркало в резной деревянной раме и портреты (фотографии родственников); в светлом углу напротив двери – иконы; по окнам и у стола – венские стулья; на подоконниках – сады (горшечные цветы, преимущественно герани, бальзамины, алоэ (столетник)). Пол был застелен половиками. В углу в кадке рос большой фикус. Стены в горнице были оклеены шпалерами, купленными на ярмарке. Окошки занавешены ситцевыми занавесками. Отапливалась горница барабаном (круглой печкой, обшитой листовым железом)». Подобные интерьеры были нередки в старых домах вплоть до середины 90 – ых гг. XX века. Часто вдоль стен горницы размещали одну или две кровати.

Горница была самым светлым помещением в доме. Если в будние дни она преимущественно пустовала, то по особым случаям: свадьба, похороны,

поминки, проводы на службу и т.п. гостей собирали преимущественно в горнице.

§ 3. Декоративные украшения

Сохранившиеся дома первопоселенцев в Новолинейном районе не имели декоративных украшений. Форма наличников проста, ставни примитивны – часто это обыкновенные дощатые щиты на кованых петлях.

Практически все шестистенки и, особенно, пятистенки второй половины XIX в. имеют декоративные украшения. В основном украшали наличники окон и фриз (утеплительная доска под срезом крыши, идущая по периметру дома). С этой целью использовалась резьба по дереву. Наибольшее распространение получили следующие ее виды: архаичная – глухая (трехгранно, ногтевидная желобчатая), выполненная при помощи долота и пропильная, ажурная, накладная возникшие и распространившиеся позднее.

Основным мотивом орнамента, выполненным в технике глухой резьбы, является круг или полукруг, состоящий из радиально расходящихся лучей – «репейник, полусолнце». Ко второму по распространенности мотиву выполненному в аналогичной технике следует отнести ромб. Лучи внутри такого ромба напоминают листья папоротника «растущие» из центра композиции. В поселках бывшего Еткульского станичного юрта этот мотив преобладает. Ромб часто встречается и в поселках бывшего Новолинейного района (рис.48, 49). Ромб, лучистый круг или полукруг это, скорее всего, солярные символы, носящие охранительную функцию и сохранившиеся в орнаменте с языческих времен. Солярные символы размещали на наличниках окон, на столбах и створках ворот, «то есть там, где огражденность, замкнутость внутреннего пространства жилища нарушена». (Рождественская С.Б. 1981. С 24).

Подобный мотив широко распространен по всей средней и северной России. На Южном и Среднем Урале он встречается повсеместно, и

является наиболее устойчивым признаком, характеризующим этническую принадлежность жилища.

К концу XIX в. параллельно с распространенным сюжетом солнечных кругов с лучами, выполненных глухой резьбой, бытует растительный орнамент, выполненный пропильной резьбой. Встречается сочетание глухой и пропильной накладной резьбы (поселок Адрианопольский Кваркенской станицы), а в северных районах – элементы пропильной ажурной резьбы (поселок Варламово Коельской станицы). Следует отметить, что в северных станицах (станция Еткульская, поселок Тимофеевский) декоративных украшений, выполненных пропильной резьбой, больше, они богаче и разнообразнее. Характерным для южных станиц второго отдела декоративным мотивом являются «арабески», расположенные по периметру фриза и соединенные между собой «жгутом» или «цепью» (рис.50, 51). Для изготовления декоративных резных и пропильных деталей использовалась привозная липовая доска. Иногда на утеплительной доске под карнизом в технике пропильной накладной резьбы или краской указывался год постройки дома или очень редко имя мастера строившего дом.

Форма наличников сельских домов часто копировалась с форм, распространенных в городах губернии (Оренбурге, Троицке, Челябинске, Верхнеуральске). Так, наличники домов в станицах Степной, Санарской, Нижнеувельской, Ключевской, Николаевской, Березинской повторяют формы, характерные для города Троицка. Троицкая форма наличников встречается и гораздо южнее, в поселке Полоцком. Однако господствовавшими в западной части II военного отдела являются декоративные мотивы (деревянная аппликация – «ромашка»), распространенные в Верхнеуральске.

В окрестностях Челябинска и Еткульской станицы преобладает иной тип наличника. Граница между ними проходила севернее Кичигинского поселка Нижнеувельской станицы.

Существенно отличалось в южных и северных станицах использование краски в декоративном оформлении домов: на юге области деревянные части дома чаще всего не окрашивались, сохранялся естественный цвет древесины, на севере – в начале XX в. обшитые тесом крестовики окрашивались.

С начала нашего столетия в декоративном оформлении домов зажиточных казаков стал использоваться металл – подзоры из листового железа. В северных станицах им украшали ворота, крылец, фризy, водостоки. На юге современной Челябинской области еще в 80-е гг. на домах принадлежавших ранее зажиточным казакам можно было увидеть водостоки, выполненные из листового железа, с ажурным орнаментом и декоративными цветами из металла (дом Савельева в поселке Амурском, дом фельдшера в поселке Полоцком). Изготавливались подобные украшения чаще всего городскими артельными мастерами.

§ 4. Типы дворов и застройка усадеб

На территории Южного Урала представлены три типа застройки усадеб: западносибирский замкнутый, частично сомкнутый и южный с незамкнутыми надворными постройками (рис.61). Эти варианты зональных форм застроек, аналогичные имеющимся в европейской части России, но с местными особенностями.

Западносибирский тип застройки представляет собой, в сущности, волжско-камский или вятский тип, но, по мнению Е.Э. Бломквист, имеет одну деталь сближающую его с южновеликорусским. Сходство с южновеликорусским проявляется в том, что дом во дворе западносибирского типа стоит нередко вдоль улицы (как в южновеликорусском), в противоположность вятскому, рядом с ним ворота, ведущие в замкнутый глухой двор с надворными постройками и навесами. С волжско-камским, или «покоеобразным» типом западносибирский тип сближает расположение построек в усадьбе в форме буквы «П» (покой) –

отсюда его название (рис.62). Подобные дворы были распространены на казачьих землях III военного отдела в Челябинском, Троицком уездах, кроме Михайловского станичного юрта и на крайнем северо-западе II военного отдела в Верхнеуральском «Форштадте», станице Карагайской и Уйской Оренбургской губернии. Там же нередко встречается и волжско-камский тип в чистом виде, то есть с домом, поставленным перпендикулярно улице. Таких усадеб больше в северных населенных пунктах Троицкого и Челябинского уездов.

Обычный двор казака, например, в поселке Селезян Еткульской станицы, выглядел следующим образом. Массивные глухие ворота находились в центре фасадной стороны усадьбы, по правую сторону от них стоял дом, по левую располагалась «избенка» (летняя кухня-временка), по периметру двора – амбар, конюшня, стайка, курятник, баня. Промежутки между строениями занимали навесы на столбах, задняя стенка которых сооружалась из тонкомерных бревен или досок, горизонтально уложенных в пазы опорных вертикальных столбов. Под навесы складывали дрова, ставили телеги и сельскохозяйственный инвентарь. Между стайкой и баней был проход к огородам. Небольшой участок за стайкой огораживался жердевой изгородью для летнего содержания скота.

Этот тип планировки почти полностью сохранился, только из хозяйственных построек исчезли конюшни. К тому же типу планировки с некоторыми местными особенностями относятся дворы, распространенные в Коельском станичном юрте в поселках Варламово и Попово. Жилые дома и хозяйственные постройки в которых расположены также по периметру усадьбы и плотно примыкают друг к другу, без разрывов. Дом в усадьбе расположен чаще вдоль улицы. В плане постройки образуют букву «П» (покой). В комплекс двора, кроме жилого дома входят «стайки», навес «дровяник», «завозня» (каретный сарай), амбар.

В отличие от дворов в поселках Еткульского станичного юрта в описываемом комплексе отсутствуют летние кухни – «избенки». По другую

сторону двора у ворот обязательно дверью к окнам дома, перпендикулярно к улице стоит амбар с самцовой крышей. Бани в Варламово были вынесены за пределы двора и находились на берегу реки. При сооружении хозяйственных построек в Варламово применялись следующие конструктивные приёмы. Амбары и завозни, как правило, рубились в чашку и имели «самцовые» крыши на два ската, крытые тесом. В амбаре имелась одностворчатая дверь, пол сооружался из плах, врубленных во второй венец. В «завознях» полы отсутствовали, имеющиеся двери были широкими, двустворчатыми, на кованых петлях.

Стайки и навесы сооружались, преимущественно, в пазово-столбовой технике, без пола. Крыши стайки имели на два ската, навесы односкатные. Кровельный материал – пиленый тес. По словам местных жителей, раньше небольшие разрывы между дворовыми постройками существовали. В отличие от покоеобразных дворов горнозаводской зоны Урала, где можно не выходя на открытый воздух, последовательно переходя из одного помещения в другое обойти по периметру весь двор, и где дворы сами часто имеют крышу, хозяйственные постройки в лесостепной зоне редко сообщаются между собой, и чтобы из дома попасть в ту или иную постройку, приходится пересекать двор.

Четкой границы между двумя типами застройки – западносибирским и разомкнутым южным – не существует, примерным разделом является река Уй, то есть граница между лесостепью и степью.

Шире распространена промежуточная форма, то есть замкнутый, хотя и не полностью, двор (рис.63). В первую очередь застраивается уличная сторона двора, затем под прямым углом к улице ставят постройки, граничащие с усадьбой соседа, в последнюю очередь застраивают дальнюю сторону двора (станция Варшавская, поселок Амурский). Дома располагаются преимущественно параллельно улице, но нередко и перпендикулярно к ней. Эта форма постепенно развилась из южной - «разомкнутой» в результате последовательного застраивания промежутков

между постройками и сокращения площадей дворов в лесостепной и степной зонах.

Наряду с переходной формой в тех же поселках до сих пор существует и более или менее «чистая» исходная форма разомкнутого – южного двора. Это четырехугольный в плане двор довольно больших размеров, с домом, стоящим чаще параллельно, реже перпендикулярно улице. Дом огорожен каменным забором, высота которого соответствует высоте стен хозяйственных построек, расположенных по периметру двора, и не всегда связанных друг с другом. Каждая постройка – амбар, хлев, сарай – имеет свой остов и законченную крышу. Во дворе, часто в его центре, размещаются летняя кухня – «избенка, мазанка, временка» и колодец; в дальней части двора – «базовка, «база», «карда» – загон для скота из жердевой изгороди. Иногда над «базовкой» или её частью сооружался навес с соломенной крышей. Ворота в подобных усадьбах расположены далеко от дома, иногда на расстоянии более пяти метров. Ворота менее массивные в сравнении с северными (поселок Амурский).

Зональное распространение застройки в нашем крае связано не только с климатическими различиями в его южной и северной частях. Эти различия по температуре не столь существенны, наоборот, случается, что зимние температуры в степной зоне Зауралья часто несколько ниже, чем в лесостепной, степная зона к тому же выделяется господством сильных ветров во все времена года (Дневник природы заповедника Аркаим за 1994–2001 гг.). Скорее всего, зональная специфика в нашем случае зависит от культурных традиций населения. Так, сибирский тип покоеобразного двора присутствовал в поселках преимущественно II и III военных отделов, население которых было связано в большинстве своем с ближайшим сибирским Зауральем (крестьяне слобод Исетской и Тобольской провинций, записавшиеся Исетские казаки – см. главу I). Присутствие разомкнутого двора с каменными заборами на юге региона в значительной мере обуславливается природно-географическим фактором, то есть высокой

вероятностью пожаров в сухом степном районе с частыми сильными ветрами. Имеет значение, наверное, правда в меньшей степени, и происхождение жителей. Так, например, южные разомкнутые дворы преобладают в поселках казаков, предки которых частично были выходцами с Украины (поселки Амурский и Черкасинский). Описывая в начале XX в. дворы казаков поселка Благославленного в I Военном отделе, где у значительной части населения были украинские корни, Д.К. Зеленин свидетельствует: «Участки усадебной земли остаются не огороженными прогалами между соседними дворами» (Зеленин Д.К., 1905. С. 63). Там же он пишет: «Казаки живут в крошечных дворах, величиною всего сажень 9–19 квадратных. Ни огородов, ни телятников около дворов нет». Однако дворы новопоселенцев не выглядят крошечными, а до коллективизации «когда скота помногу держали» (Любенков С.В., 1910 г.р.), были еще больше. На новой линии из противопожарных соображений нарезались значительные участки, обстроить которые сплошным кольцом построек сразу не представлялось возможным, да и было опасно. Тенденция к уплотнению казачьих усадеб появилась позднее. Сейчас постройки в том же Амуре и Черкассах, по словам местных жителей, стоят гораздо плотнее и ближе друг к другу и дому, чем прежде. Размеры дворов сократились благодаря переносу в XX в. огородов с берегов речек в усадьбы потомков казаков.

§ 5. Хозяйственные постройки и временное жильё

Комплекс хозяйственных построек у оренбургских казаков можно разделить на несколько частей или групп.

К первой группе относятся летние кухни («землянки», «избенки», «временки», «мазанки», «малушки, малухи») и флигели.

Вторая группа построек – это помещения для хранения продуктов: амбары и погреба.

Третья группа построек – помещения для содержания животных («хлевы или клевы», «стайки», «сарай», «курятники») и выгородки для открытого содержания скота – «карды».

Четвертая – помещения для хранения инвентаря, транспортных средств, сельскохозяйственных орудий: «завозни – каретные сараи», «сарай», «сарай для прочего инвентаря», «навесы».

В последнюю, пятую, входят сооружения санитарно-гигиенического назначения: колодцы, бани, отхожие места.

Летние кухни. Этот тип хозяйственной и одновременно жилой постройки практически на всей территории бывшего Оренбургского казачьего войска существует, и активно используется в большинстве поселков и сейчас (рис.67, 68).

Располагаются летние кухни во дворе, чаще всего напротив дома или могут быть пристроены к дому сзади, иногда они находятся в глубине двора отдельно от других построек. Имея различные названия в пределах различных станичных юртов или их групп, функции летних кухонь одинаковы. Они летом служат местом приготовления пищи, отдыха, проживания стариков, а зимой – содержания молодняка. Весной в летней кухне, подтапливая печь, держат вылупившихся цыплят. Для них, ближе к печи делают невысокую выгородку из подручного материала. Там же, где-нибудь под столом, может сидеть на яйцах гусыня. Если в усадьбе не было летней кухни, то цыплят, а часто и ягнят с телятами, держали в избе, что создавало известные неудобства.

Все летние кухни имеют самостоятельную систему обогрева, русскую печь или плиту-голландку.

Названия летних кухонь, как отмечалось выше, различны: на юге бывшего Верхнеуральского уезда бытует название «избенка» (Кизильский, Варшавский, Кваркенский, Наследницкий станичные юрты), в районе города Троицка – «временки» или «мазанки», в лесостепном Зауралье – «малуха». В Николаевской станице II военного отдела и в поселке

Благославенном Оренбургской станицы I военного отдела летние кухни называли «землянками». Часто, чтобы подчеркнуть малые размеры сооружения, местные жители говорят о них уменьшительно: «землянушка» или «саманушка». В Николаевской станице «землянки» находились во дворе, зимой в ней держали молодняк, внутри была печка для обогрева. Стены «землянки» возводили из «самана» и крыли соломой, белили и мазали глиной (Михайлова К.А., 1911 г.р.).

Зеленин Д.К. описывает летние кухни казаков поселка Благословенного следующим образом: «Летом они (избы) стоят пустыми, с закрытыми ставнями... Казак со своей семьей лето живет в землянке, которая расположена тут же на дворе.

Землянки строят из «воздушного кирпича» (делается из земли с навозом). Полom в них служит голая земля. Крыты землянки большей частью соломой. Сама землянка состоит также из сеней и избы. В последней русская печь, лавки около стен, стол в углу под иконами. В сенях окон нет» (Зеленин Д.К., 1905). В поселках Амурском и Александровском (Ново-Александровском) Варшавской станицы, Аландском и Адрианопольском Кваркенской станицы некоторые летние кухни, сооруженные из камня, находились не в глубине двора, а стояли вдоль улицы, причем одна из дверей выходила непосредственно на улицу, а справа и слева от нее имелось по окну с крестообразным переплетом. Крыши соломенные, дерновые или с глиняной засыпкой. Кроме того, в этих поселках имеются летние кухни, построенные из самана или земляного кирпича. Крыши у построек практически плоские с небольшим скатом на две стороны. Высота «гребня» крыши равна толщине «матки», на которую она опирается. В Кваркенской станице часто вместо одной матки укладывают на саманные стены параллельно два бревна на расстоянии друг от друга 0,5–1,0 м, в результате этого крыша выглядит, совершенно плоской. Обрешетка крыши состоит из досок или тонкомерных (5 см) стволиков, которые плотно укладываются перпендикулярно матице, опираясь одним концом на бревно или доску,

вмурованную в длинную стену, другим – на матицу, образуя потолок. Чердаков, естественно, такие крыши не имели. Их покрытием служила солома, глина или дерн. Сейчас чаще всего используют рубероид, настилая его поверх глиняной засыпки. Стены сооружения белились как внутри, так и снаружи.

Часто летние кухни не возводили специально, а превращали в них первоначальное, нередко временное, жилье. Отсюда происходит бытующее в окрестностях г. Троицка название «временка». Частое использование при их возведении «самана», «дерна» или «земляного, воздушного кирпича», требовавшего обмазки стен, сформировало другое название – «мазанка».

В поселке Париж бывшего Великопетровского станичного юрта, в усадьбе Ивановой М.Е. как летняя кухня используется небольшая, срубная, однокамерная изба с сенями, построенная дедом хозяйки и превращенная в летнюю кухню после постройки нового большого дома. В этой избе полностью сохраняется традиционный для нагайбаков интерьер: русская печь с дополнительным очагом и вмурованным котлом, «улу секе» – нары в углу у входной двери, лавки, сундуки, кровать, стол в углу по диагонали от печи, икона в «красном» углу, зеркала и портреты в рамках в простенках, полку – «киште» под потолком, посудные полки с набором посуды, занавески на окнах, «секе» и печи (рис.55, 58). Так как потолок в избе невысок, отсутствуют полаты, пол деревянный. В сенях стоит ларь с мукой. Два окна со ставнями в торцовой стене выходят на улицу, два других – во двор. Во дворе у входа в летнюю кухню устроена открытая печь из самана с плитой.

Как жилье изба не используется, в ней пьют чай, в том числе и с гостями, выполняют хозяйственные работы, хранят вещи.

В поселке Бобровском (в 10–12 км от г. Троицка) бывшей Ключевской станицы «временка» во дворе А.П. Кулешова представляет собой стоящий в центральной части усадьбы однокамерный дом из самана с сенями. Дом имеет два окна и высокую с чердаком крышу на два ската. В помещении

имеется печь, на хорошем деревянном полу стояли кровать, несколько венских стульев, комод, стол и в «красном» углу икона. Во «временке» летом жила бабушка – мать хозяина, недавно переехавшая из Ключевки. Пищу в ней обычно не готовили, только во время свадьбы сына, когда не хватало печи и плиты в доме. Усадьба А.П. Кулешова находится в новой части Бобровского поселка, которая и была застроена после переноса части населенного пункта из зоны затопления водохранилища Троицкой ГРЭС. «Временка» строилась как временное жилье в момент возведения основного дома, поэтому она скорее является флигелем. Сами хозяева называли ее то летней кухней, то временкой.

Объясняя назначение летних кухонь – «землянок», и мотивацию летнего проживания в землянках казаков Д.К. Зеленин пишет: «На вопрос: что заставляет казаков перебираться летом в землянку? – старые казачки мне отвечали, что им не хочется грязнить избы: летом мухи и все....». Однако бесспорно, что отмеченный мотив играет свою роль: казачка избавляется на лето от работ по чистке дома, не жертвуя, однако же, окрестностью. В соседних с Благословенным поселках казаки поступали таким же образом (Зеленин Д.К., 1905. С. 64).

В большинстве современных летних кухонь, из какого бы материала не были возведены их стены, имеется деревянный пол.

Амбары. Амбары предназначались для хранения зерна и муки, реже не для зерновых продуктов. Важное значение этого сооружения определяло место амбара в комплексе надворных построек. Амбары сооружались в передней части двора таким образом, чтобы дверь амбара всегда была видна из окон дома. В степной зоне – вдоль улицы, реже перпендикулярно, по другую сторону двора. В лесостепной, как правило, перпендикулярно улице и очень редко вдоль. Материалом для возведения амбаров в степных поселках служил дикий камень: гранит и плитняк (рис.71, 72, 73, 74,75). Однако в той же степной зоне в поселках, расположенных поблизости от

крупных островных боров, нередко встречаются амбары срубной конструкции с самцовыми крышами (рис.69, 70).

Стены каменных амбаров изнутри обмазывались глиной. Как правило, амбары совсем не имели окон или имели несколько очень маленьких окошек-отдушин со стороны двора, расположенных высоко у среза крыши. Дверь имелась одна, одностворчатая, у деревянных амбаров – приподнятая над землей на высоту одного венца. В Амурском поселке бывшей Варшавской станицы сохранился каменный амбар, точнее его остов, имеющий вторую, выходящую на улицу, дверь в торцовой стене.

Прямоугольное в плане помещение амбара делилось на две части. Дальняя от входа часть была разделена дощатыми сусеками для хранения зерна. Доски сусеков были плотно пригнаны, а углы обиты белой жстью. Стенки сусеков разбирались. В деревянных амбарах имелся пол из хороших досок или из плах. В каменных амбарах деревянный пол имелся не всегда. Кроме сусеков в амбаре стояли лари с мукой и крупами. Часть продуктов хранилась в мешках. Потолков в амбарах не было. У каменных амбаров крыши, как правило, были на два ската. Слеги крыши концами опирались на гнезда в каменных фронтонах, в средней части кровлю поддерживали стропила, опирающиеся на мощные переводы из бревен, лежащие на стенах поперек амбара. Обрешетка изготавливалась из тонких стволов березы или сосны, уложенных плотно друг к другу (рис76). Обрешетку покрывали сверху нарезанной чилигой, устойчивой к гниению. На чилигу насыпали глину, клали дерн или покрывали соломой. У состоятельных казаков амбары имели стропильные крыши на четыре ската с покрытием из листового железа. Каменные стены на глиняном растворе у особенно больших амбаров укреплялись контрфорсами (поселок Париж).

Во второй половине XX в., особенно в 70–80-е гг., амбары практически перестали использовать по прямому назначению. Они постепенно превращались в сарай, а в последнее время часто переделываются в гаражи.

Помещения для содержания животных. Существует несколько разновидностей названий помещений для содержания скота: «хлевы» или «клевы», «стайки», «сарай» или «сарайки» (рис.84).

Термины «хлев–клев» и «сарай» распространяются в степной зоне во II и I военных отделах в станицах Николаевской, Кваркенской и других.

В поселке Благословенном Оренбургской станицы, по описанию Д.К. Зеленина, имеющийся в каждом дворе сарай делился на несколько «клевов». Сооружался он из плетня «виц», на крыше его хранили сено, «складывая его конусообразным стогом» (Зеленин Д.К., 1905. С. 65).

В поселке Амурском, да и во многих других поселках эта традиция сохраняется до сих пор. В Николаевской станице, по словам информаторов, в усадьбе среднего достатка было по 3–4 сарая «для разной скотины», скот вместе не держали. Однако Клавдия Александровна Михайлова (в девичестве Аксенова, отчество было изменено после усыновления ее старшим братом Александром, 1895 г.р.), которая оценивала хозяйство своего отца, Аксенова Никифора Гавриловича, как середняцкое, другие информаторы утверждают, что это было зажиточное хозяйство) сообщает: «Куры с коровами в одном сарае, у которых курятники были» (Михайлова К.А. 1911 г.р.) Чаще всего, и сейчас общее помещение для содержания скота состоит из нескольких отсеков (как описанное Д.К. Зелениным), где содержатся различные виды домашних животных. В хлеву не было пола, стелили солому. Яслями служил решетчатый кузов телеги, закрепленный на необходимой высоте.

Казакки держали рогатый скот, лошадей, как рабочих, так и «фрунтовых» – для службы, овец, коз и даже верблюдов. Козы «на пух» были распространены южнее г. Троицка, в степной зоне. Содержание коз «на пух» было распространено по всей степной зоне, как в Приуралье, так и в Зауралье, в степной станице II военного округа Троицкого уезда, на границе степной и лесостепной зон и в соседних поселках Уйской станицы.

В Николаевской станице, по словам информатора, «не ткали, у нас шали вязали, пуховые, и себе вязали, и на продажу. Настоящая шаль полтора метра; назывались накидные-супонные» (Михайлова К.А., 1911 г.р.).

Пуховые платки – «шали» казачки вязали и гораздо севернее, в Степной станице и в соседних с ней поселках Уйского станичного юрта, на границе степи и лесостепи в Зауралье.

Как артельный промысел пуховязание в Наследницкой станице существовало еще в Великую Отечественную войну.

По сведениям Д.К. Зеленина, казаки в Оренбургской станице коз сами не держали, а покупали пух у «киргиз» (Зеленин Д.К., С. 62). Пуховязание, как домашний промысел, сохранилось до настоящего времени практически во всех поселках, где оно было ранее распространено, однако, коз «на пух» сейчас не держат, пух покупают на базаре, в городах. Верблюдов, по сведениям информаторов, в степных станицах: Кизильской, Наследницкой, Березинской, Кваркенской, пос. Фершампенуаз Березинской станице держали единицы на шерсть и использовали как тягло.

Из домашней птицы держали: кур, гусей, уток, индюшек (курушек).

В комплексе дворовых построек отсутствовали свинарники. Свиной почти не держали, это отмечается всеми информаторами. «Раньше все больше говядину ели, а сейчас наше мясо – свинья». С появлением свиной информаторы связывают и распространение крыс.

«Стайками» называют закрытые постройки для содержания скота в лесостепной зоне бывшего III-го военного отдела в Троицком и Челябинском уездах. Слово это распространено по всему великорусскому северу, включая Сибирь (Даль В.И., Т. 4. С. 319). В.И. Даль приводит еще одно значение этого слова как собственно оренбургское – навес с прясловой изгородью для содержания скота (Даль В.И., Т. 4. С. 319).

Конструктивные приемы и материалы для содержания «клево», «стаек», «сараев» соответствовали природно-географическим зонам.

Зеленин сообщает о плетневых стенах «клевов» (Зеленин Д.К., С. 63–65). О сооружении плетневых построек с глиняной обмазкой сообщают информаторы в поселке Катенинском Николаевского станичного юрта и даже хорошо обеспеченном лесом Анненском поселке Великопетровской станицы. В бывшей Кваркенской станице в 1993 г. полуразрушенный сарай из плетня с глиняной обмазкой довелось наблюдать лично. В Николаевской станице сараи для скотины строили из самана, «самодельного кирпича». В поселках Варшавской (Кваркенский, Аландский, Андрианопольский) – из местных пород камня. В лесостепной зоне, а часто и в степной «стайки» и «хлевы» сооружают в пазово-столбовой технике из леса среднего качества. Этот способ в настоящее время распространен очень широко.

В лесной зоне и в поселках у крупных сосновых боров «стайки» рубились из бревен. Располагавшиеся в задней части двора они часто имели еще одну дверь, за которой находилась выгородка из жердевой изгороди, куда выбрасывали навоз при чистке стайки, туда же выводят корову зимой.

Кровли срубных построек в районах, хорошо обеспеченных лесом, сооружали из пиленого теса. В Варламово, расположенном на краю мощного бора, в лесостепной зоне, тем не менее, для покрытия использовали солому. В степной зоне вне зависимости от материала, из которого были возведены стены, крыши покрывались соломой или накатником из тонкомерной березы, перекрытой чилигой с глиняным или дерновым покрытием. Кровли были у каменных и срубных (в лапу) построек на два ската, у пазово-закладных часто в один скат. До сих пор на дверях стоек можно увидеть нарисованные мелом или карандашом кресты-обереги. В Ключевском станичном юрте, если домовый баловался – заплетал коням гривы и хвосты, то тогда на стенку на гвоздь вверх ногами прикрепляли старую газету, говоря при этом: «на читай, не балуйся» (Букреев И.И., 1905 г.р.; Назаренко К.К., 1910 г.р.).

Помещения для хранения инвентаря. Эти помещения чаще всего именуется просто сараями, широко бытовавшее раньше слово «завозня»

сейчас практически вышло из употребления. В.И. Даль в своем словаре «завозней» называет «каретный» сарай, локализуя его как сибирское. На нашей территории это слово бытовало и в степной (Николаевский, Варшавский, Великопетровский станичные юрты), и в лесостепной (поселок Варламово Коельского станичного юрта) зонах. Конструктивные приемы при возведении «завозен» были аналогичны приемам, применяемым при возведении других хозяйственных построек, только вместо одностворчатой двери устраивалась широкая двустворчатая (рис.84). В Николаевской станице в «завозне» Никифора Гавриловича Аксенова хранились: пара саней (грузовых), телеги, кошовка для езды, телега – ходок для езды и перевозки грузов средней тяжести; для перевозки сена, соломы, мякины имелся большой фургон, запрягаемый парой лошадей. Кроме этого в «завознях» хранили и сельскохозяйственный инвентарь: «сабан», плуги и прочее имущество (Михайлова К.А., 1911 г.р.).

Иногда «завозни» приспособляли под жилье, так Аксенов Александр Никифорович в Николаевской станице переделал «завозню» под дом, выделившись в самостоятельное хозяйство (Мишковец З.А. (Аксенова), 1938 г.р.).

Помимо «завозен» часть инвентаря хранили и под навесами, которые сооружали по периметру двора между другими постройками (рис.85). Под навесами могли находиться дрова в поленнице, тогда эта часть называлась «дровяником». Под навесы временно ставили телеги и фурунны. Крыши навесов были односкатные, скат был направлен вне двора. Опирались они на врытые в землю столбы, перекрывались соломой или пиленным тесом. Задней стенкой навеса служил забор усадьбы. Навесы сооружали и над выгороженной частью двора или за ними, где открыто, содержался скот. Такой навес был открыт с трех или со всех сторон.

Бани. О банях оренбургских казаков Д.К. Зеленин сообщает следующее: «Баня представляет собой настоящую землянку, крыша которой едва возвышается над поверхностью земли. Печи в банях без труб, с

каменкой» (Зеленин Д.К., С. 65). О банях-землянках по берегу реки Увелки рассказывают информаторы в поселке Варламово. В Николаевской станице у некоторых казаков бани были «с дерна». До настоящего времени ни «дерновые» бани, ни бани земляночного типа не сохранились, однако, сохраняются и действуют бани, построенные из «самана» во многих поселках степной зоны».

Самым предпочтительным материалом для сооружения бани считается дерево. Конструкция срубная в «чашу» из тонкомерных бревен (7–9 см), крыша шатровая на два ската, покрытие земляное. Баня имела пристроенный предбанник; система входов: с улицы в предбанник и из предбанника в баню пересекающаяся. Крыша-потолок очень низкая, в самой бане печь с каменкой и вмурованным котлом.

Преимущественно деревянные бани строили в Николаевской станице и в поселке Варламово. В поселке Париж в заброшенной усадьбе сохранилась баня топившаяся «по чёрному», стены которой были возведены из самана. Устройство ее обычно: предбанник, баня с печкой-каменкой и вмурованным котлом, над дверью в предбанник дыра, в крыше предбанника еще одна дыра, над которой сверху установлено старое ведро без дна.

В поселке Варламово, по словам информаторов, раньше, то есть в начале XX в., бань в усадьбах не было, они находились на берегу реки. Впоследствии бани стали возводить в усадьбах. В Николаевской станице, по свидетельству К.А. Михайловой, бани и раньше были «на дворе». По свидетельству Д.К. Зеленина, в поселке Благословенном бани были не у всех. Целый околоток пользуется одной баней, построенной каким-нибудь богатым казаком» (Зеленин Д.К., С. 65). Сейчас практически в каждой усадьбе баня собственная, однако, обычай приглашать соседей в баню сохранился. Топили бани преимущественно дровами, реже кизяком (тизяком).

Погреб и ледники. Для хранения летом скоропортящихся продуктов устраивался ледник. Зеленин называет его «ямою со снегом для хранения

молока». У казаков Благословенного поселка «яма со снегом» находилась в погребе, который часто составлял одно целое с «землянкой», то есть летней кухней. В погребе «ровно как в сенях землянки, хранятся различные хозяйственные принадлежности и припасы. У некоторых казаков половина погреба, ничем не отделенная от прочего помещения отводится под курятник» (Зеленин Д.К., 1905. С. 65).

Большинство информаторов в степной части бывшего Верхнеуральского уезда помещают ледник не в погреб, а в сарай, описывая его устройство следующим образом: зимой на реке наломают льда, приносят в сарай в яму. Лед в яме закрывают соломой, чтобы не таял. Летом на лед ставят кринки с молоком. Устраивали ледники и в подполье избы. Описываемый выше Д.К. Зелениным погреб составляет одно целое с «землянкой» и построен, по-видимому, также как она. В Амурском поселке Варшавской станицы в усадьбе Чиковой Федоры Андреевны, 1908 г.р., каменный сводчатый погреб находится в центре усадьбы, имеет лаз, закрытый деревянной крышкой. Погреб полностью находится под землей, попасть в него можно спустившись по приставной лестнице вниз. В длину погреб около 4 м, ширина и высота 1,5 м, глубина лаза от дна погреба 2,5–3 м (рис.77). Сохранившиеся погреба в основном используются до сих пор.

В большинстве казачьих усадеб вплоть до Великой Отечественной войны отсутствовали, привычные сейчас, дощатые домики-«нужники», стоящие где-нибудь в глубине двора или огорода.

По свидетельству информаторов «по нужде» ходили в хлев, который чистили каждый день. О том же пишет М. Голубых (Голубых М., 1930. С. 34).

В холодное время года на ночь для этой же цели в сени выставляли «поганое» ведро, которое утром выносили, отчасти так поступают до сих пор, а если в доме есть дети дошкольного возраста, то ведро стоит иногда и в избе.

Распространение в 40–50-е гг. дощатых туалетов с выгребной ямой является еще одним элементом культуры, заимствованным в городе. В городах подобные санитарно-гигиенические сооружения появились гораздо раньше.

Назначение и местоположение (в усадьбе или за ее пределами) некоторых из перечисленных объектов в течение XX в. претерпело некоторые изменения.

Ограждения. Наибольшее распространение к концу XIX в. на территории II и III военных отделов Оренбургского казачьего войска получили два типа ограждений – деревянные и каменные заборы.

Деревянные заборы (заплоты, тыны) преобладали в Троицком, Челябинском уездах и на северо-западе Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии, то есть в районах, хорошо обеспеченных строительным лесом. Встречались они и в южных поселках Верхнеуральского уезда, но были вытеснены каменными заборами и другими видами ограждений, не требовавшими большого количества строительного леса для их сооружения. Сохранились деревянные заборы лишь в тех поселках на юге, которые находились рядом с крупными лесными массивами, или где совсем не было строительного камня, а транспортировка его из других мест была невыгодна. Например, деревянные заборы сосуществовали одновременно с каменными и сохранились до наших дней в поселке Анненском Великопетровской станицы, потому что поселок расположен на опушке Джабык-Карагайского бора. В Николаевской станице каменных заборов почти не было, потому что привезти строительный лес из того же Джабык-Карагая было проще и дешевле, чем разрабатывать скудные местные каменоломни или везти камень со стороны.

Сооружались деревянные заборы следующим образом: из сосновых или лиственничных бревен диаметром 30 см и длиной 4 м изготавливались брусья, квадратные в поперечном сечении, затем стесывались острые грани,

а на противоположных концах на всю длину бруса выдалбливались пазы для досок. Таким образом, получались заборные столбы, которые вкапывались в землю на расстоянии 3,0–3,5 м друг от друга. Затем в пазы вкладывались толстые доски или тонкомерные бревна, которые соединялись между собой с помощью шипа и паза. Ширина досок составляла 25 см, толщина – 50 мм. Для нижних рядов, соприкасавшихся с землей или перекрывавшихся завалинкой, старались по возможности подбирать лиственничные доски.

Подобные виды заборов были широко распространены и в городах – Троицке, Челябинске, Верхнеуральске. В Троицке и Верхнеуральске такие заборы кое-где сохранились и сейчас. В сельской местности ограждения из досок присутствовали в усадьбах состоятельных казаков северных станичных юртов III Военного отдела. Ограждения, выполненные в пазово-столбовой технике из тонкомерных бревен, встречаются повсеместно и до сих пор как в лесной и лесостепной, так и далеко на юге в степной зоне (см. приложение). Часто такие ограждения при уплотнении застройки усадьбы становятся задними стенками хозяйственных построек: стоек, курятников, дровяников, навесов и прочих.

В 80–90-х гг. XIX в. в Верхнеуральском и части Троицкого уездов широкое распространение получили каменные заборы, что было связано, конечно, с одной стороны, с дефицитом строевого леса, а с другой, высокой пожарной опасностью особенно в степных станичных юртах. Во время пожаров в первую очередь ломали деревянные заборы, чтобы по ним от усадьбы к усадьбе не распространялся огонь. Точно выяснить, в какое десятилетие каменные заборы начали преобладать над деревянными на юге современной Челябинской области и Оренбуржье не представляется возможным, так как документально это не зафиксировано. По рассказам местного населения, каменные заборы и другие постройки из камня активно сооружались при жизни их родителей. Годы рождения информаторов –

первые два десятилетия XX в., следовательно, каменные заборы широко распространились лишь в 70–90-е гг. XIX в.

Сооружением заборов из камня, по свидетельству тех же местных жителей, занимались башкиры-отходники из района современного г. Сибая в Башкирии, причем не только в пограничных с Башкирией станичных юртах Кизильском и Магнитном, но и в сравнительно удаленных поселках, находящихся на границе с Тургайской областью, как, например, в Мариинском поселке Наследницкой станицы. Впоследствии в некоторых поселках технологией каменной кладки овладели и местные жители. Складывали заборы как на глине, так и «насухо», то есть без связующего раствора. В Варшавке, по свидетельству информаторов, каменные заборы в отличие от хозяйственных построек сооружали «насухо».

Строительным материалом служила порода камня, наиболее распространенная в данной местности: на юге и в центральной части Верхнеуральского района – гранит, аспидные сланцы, «плитняк»; в Троицком уезде, в поселках Бобровском и Клястицком Ключевской станицы – кварцит.

Заборы выкладывались или совсем без связующего раствора «насухо», или на глиняном растворе. Камни укладывались в два ряда ровной стороной наружу. Высота каменного забора была 1,8–2,5 м, толщина – 50–70 см.

В начале XX в. сооружения из камня получили столь широкое распространение, что полностью изменили архитектурный облик казачьих поселков. Поселок Бобровский, например, за множество заборов и других каменных построек получил по аналогии с кавказскими поселениями прозвище «аул». После строительства Троицкой ГРЭС часть поселка, оказавшегося в зоне затопления, была перенесена, однако название «аул» сохранилось и стало внутренним топонимом Бобровского поселка.

Следующим типом ограждения являются жердевые изгороди, они были и до сих пор в значительной мере остаются широко распространены

по всей России. Существуют две разновидности жердевых ограждений: «прямое прясло» и «косое прясло». «Косое прясло» имеет распространение по всему русскому Северу и Сибири, бытовало оно также и в Финляндии. Сейчас «косое прясло» не встречается в бывших поселках оренбургских казаков, однако еще в двадцатые годы XX в. бытовало в поселке Тимофеевском Еткульской станицы (Голубых М., 1930. С. 23). Происхождение жителей Тимофеевского поселка южнорусское, курское. Следовательно, присутствие этого элемента материальной культуры у Тимофеевских казаков свидетельствует об их культурной ассимиляции казаками-старожилами из соседних поселков Еткульской, Челябинской и Миасской станиц, потомками исетских казаков – выходцев из Шадринского Зауралья (см. главу I). Между прочим, в районе г. Шадринска «косое прясло» сохранилось до сих пор. Изгороди из горизонтальных жердей «прямое прясло», встречаются на всей восточнославянской территории у всех групп русских, украинцев, белорусов. Этот тип жердевого ограждения чрезвычайно широко распространен до сих пор и на Южном Урале. В поселках оренбургских казаков ими огораживают загоны для скота – «карды», «тырла», «базовки»; огороды, картофельные поля и т.п. Сейчас их устанавливают следующим образом. Жерди к столбам прибивают гвоздями. Высота изгороди – 1,6 м, в ней 3–4 горизонтальные жерди. Раньше жерди крепили (привязывали) между двумя столбами ивовыми прутьями. Иногда между жердями вертикально вплетены вплотную друг к другу срезанные в высоту изгороди (а иногда и не срезанные, в зависимости от предпочтения хозяина) тонкие хворостины. Е.Э. Бломквист относит подобную изгородь к плетням. Классические же плетни, когда вокруг вбитых вертикально одиночных кольев оплетаются гибкие ветки ивы, сохранились кое-где, но, по свидетельству местных жителей, широко были распространены там, где казачье население было этнически связано с Украиной (например, в поселке Амурском Варшавской станицы). Ива (местное название – тальник, «тала, талы») в изобилии росла по берегам степных рек. Жердевыми изгородями

и плетнями огораживали «зады», то есть заднюю часть усадьбы, огороды, загоны для скота – «карды» и «тырла»

§ 6. Строительные материалы

Основным строительным материалом при возведении большинства построек, как на севере Оренбургской губернии, так и в южной ее части являлось дерево. Сельское зодчество, как, впрочем, в большинстве своем и городское, в XIX – начале XX в. в России было деревянным. Из дерева сооружали жилые строения, церкви, хозяйственные постройки (амбары, конюшни, бани). Наиболее употребительными строительными породами были хвойные – сосна и лиственница. По многочисленным утверждениям информаторов, раньше предпочтение отдавалось прочной и долговечной лиственнице, основным преимуществом которой являлась ее особая устойчивость к гниению. Однако тепло сосна держит лучше лиственницы, и протопить сосновые избы проще. Информаторы утверждают, что дома из лиственницы «ровно (словно) каменные, зимой не натопишься». Имел важное значение и вес бревен, так как основным подъемным механизмом при возведении жилища являлись человеческие руки. В этом качестве сосна также была предпочтительней. Сосна и лиственница широко распространены по всему Южному Уралу, даже в степной его части существовали и существуют до настоящего времени реликтовые островные, оставшиеся от послеледникового периода, сосновые с примесью лиственницы боры. Сосна, тем не менее, встречается гораздо чаще и заметно преобладает, поэтому большинство зданий, особенно построенных во второй половине XIX в., – сосновые. Заготовка леса в Оренбургской губернии производилась согласно «530-й статьи VIII тома свода законов устава Лесного» гласившего, что «Вырубка леса под наблюдением местных лесных чиновников, которые смотрят, чтобы рубка была чинена в отведенных местах и в то время, когда из дерева сок в корень, а именно: от сентября до марта. В прочем срок сей, продолжается в губерниях: Вятской,

Оренбургской, по 15 марта...» (ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5288, л. 2). Отпускная цена составляла «по 1 рублю за 1 бревно длиной 9 аршин, шириной 10 вершков» (ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5288, л. 2).

В строительстве использовался ствол дерева, из которого изготавливались бревна длиной от 5 до 10 м, толщина бревен колебалась от 15 до 50 см. Из бревен изготавливались плахи (бревно расщеплялось на две половины), брусья и доски. Кроме стволов шли в дело и пни с частью корневой системы. Дома первых поселенцев-казаков Новой линии сооружены на пнях – «сохах».

Неровные стволы лиственных пород деревьев (березы, осины, тополя) для строительства жилья использовались крайне редко, в основном переселенцами с Украины и из Южной России для сооружения каркасных домов. Однако и казаки поселка Селезянского Еткульского станичного юрта сооружали дома из березовых стволов в пазово-столбовой технике. Иногда осиновые и березовые стволы распиливались на доски, шли также на изготовление столбов для изгородей, а молодые осинки и березки – на поперечины для жердевых изгородей. Также в качестве строительного материала использовалась и береста. Учитывая её стойкость к гниению и хорошие водоотталкивающие свойства, бересту использовали в качестве гидроизоляции, прокладывая между срубом и оконными коробками. В поселке Париж Великопетровского станичного юрта берестой покрывали крыши. Для изготовления декоративных элементов подзоров, наличников и т. д., выполненных в технике пропильной резьбы использовалась привозная липовая доска.

Различные породы ивы использовались для сооружения плетней в селах украинских переселенцев и в казачьих поселках, население которых было этнически связано с югом России и Украиной (поселок Черкасы Варшавской станицы). Из плетня с последующей обмазкой глиной возводили стены хозяйственных построек, оплетали стенки подполья.

Второе место среди строительных материалов на Южном Урале занимал дикий камень (гранит, аспидные сланцы, кварцит). Его активно применяли в Троицком и Челябинском уездах Оренбургской губернии, но наиболее широко – на юге в степной зоне в Верхнеуральском, Орском уездах, где ощущался дефицит строительного леса. Особенно активно дикий камень стали использовать в строительстве в последние десятилетия XIX и в начале XX в. Дома из дикого камня сооружали редко. Но кое-где они сохранились до сих пор (Кизильская станица, см. приложение). Чаще всего из камня сооружались хозяйственные постройки: амбары, завозни, сараи, конюшни, заборы; выкладывались колодцы (поселок Черкасы), погреба, фундаменты домов, «холодные» сени. В одном из домов Амурского поселка (дом Чиковой Федоры Андреевны) из гранитной плиты изготовлен «шесток» у русской печи. Большие ровные каменные плиты нередко укладывали перед калиткой ворот или перед входом в дом в качестве крыльца (поселок Амурский, поселок Александровка Варшавской станицы). В поселках Степной станицы, Стрелецком и Чернореченском гранитными плитами мостили дворы. Сооружением построек из камня чаще всего занимались башкиры-отходники, а позже – местное население.

Кирпич в сельской местности использовался нечасто. В первой половине XIX в. кроме печей в офицерских домах и церквей, других сооружений из этого материала почти не было. В третьей четверти XIX в. в Наследницкой и Николаевской станицах вокруг церквей, тоже кирпичных, были выстроены стены ограды с бойницами и башнями из кирпича. Кирпич изготавливался на месте «наряженными для этого нижними чинами 5-го башкирского, 2-го и 5-го мецгеряцких кантонов» под руководством «полевого Иженер-порутчика Грушецкого и двух инженерных офицеров», а возведение стен проводилось «мастеровыми подрядчика Токорева». Общее руководство осуществлялось теми же «инженерными офицерами» (ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5505, л. 175–181, 417–425). В первые десятилетия XX в. кирпич стали использовать шире, в казачьих поселках появились

капитальные строения из него, но чаще всего нежилые. Больше кирпичных сооружений было в поселках и станицах, расположенных недалеко от города. Из кирпича строили административные здания и торговые заведения. Кирпич для домашних печей изготавливали на месте, а для капитальных сооружений привозили из городов.

Очень часто временное жилье (временки), летние кухни, реже – бани и другие хозяйственные постройки сооружали из самана. Саман (от турецкого «saman» – измельченная солома) – это глиняный кирпич с примесью мелко нарубленной соломы, высушенный на открытом воздухе и не подвергавшийся обжигу. Переселенцы с Украины называют его еще «сирець» и «лімпач», южные великороссы из Воронежской губернии – «содунец» или «валух». Готовят саманные кирпичи около воды – реки, пруда, колодца. Замес из глины и соломы укладывают в деревянные формы – «станки». Размеры кирпича могут быть различными. Кирпичи сохли в течение нескольких дней, затем их ставили на ребро и досушивали, складывая в пирамиду для проветривания.

Самым же доступным из всех строительных материалов в сельской местности была глина. Из глины сооружали «битые печи», ее использовали для изготовления самана, ею обмазывали («мазали») срубы жилых домов внутри и снаружи, плетневые, саманные, дерновые, каменные стены сараев, стоек, каменные фундаменты, кирпичные печи. Она служила связующим материалом в каменных кладках, гидроизолирующим на крышах временок и хозяйственных построек, заполнителем в каркасных сооружениях. Пол в большинстве домов переселенцев был глинобитным. Глинобитные полы были во временках, летних кухнях и в домах небогатых казаков в степных станицах Троицкого, Верхнеуральского, Орского и Оренбургского уездов.

К строительным материалам растительного (травянистого) происхождения относятся солома и камыш (по-украински «очерет»). В основном их использовали в качестве кровельных материалов, а также при изготовлении самана. Соломенные и камышовые крыши жилых домов

являлись признаком невысокого достатка в казачьих поселках и традиционным элементом в украинских, немецких и южнорусских переселенческих деревнях нашего края. Глиносоломенные кровли были характерны для хозяйственных построек, предназначенных для содержания скота.

Листовое железо на крышах домов зажиточных казаков появилось во второй половине XIX в., раньше такое покрытие имели только церкви. Из листового железа иногда изготавливались и декоративные украшения, и водостоки.

Часто кровельным материалом для крыш временных жилых построек, как казаков, так и переселенцев (землянок, мазанок, времянок) или хозяйственных построек служил обыкновенный дерновый пласт, нарезанный в степи. Также из нарезанного дерна возводили обычно те же постройки, что и из самана, причем при меньших трудовых затратах, связанных с изготовлением «кирпичей». Дерновые пласты резали лопатой в степи и возили в посёлок, причем не расходовалось время на замес и формовку с просушкой, процесс к тому же не требовал присутствия воды. Сооружения из дерновых блоков обладали удовлетворительными теплоизоляционными свойствами и долговечностью. Некоторые дерновые дома на прииске Болотовском и коммуне «Красный огородник» вблизи поселка Аландского Кваркенского станичного юрта, построенные в 20-е гг. XX в., сохранились обитаемыми до сих пор. Постройки «с дерна», как и саманные, преобладали на переселенческих хуторах и в казахских аулах. Стены построек, как правило, вымазывали глиной.

Двух вековой период казачьего домостроительства на территории Южного Урала позволяет говорить о том, что его изменение происходило, в том числе и не без воздействия человека на окружающую среду.

К примеру, дома первых переселенцев в Новолинейном районе, освоенном позже всего, сооружались исключительно из лиственничных и сосновых бревен внушительных размеров. Лес здесь был сравнительно

недалеко – в степных борах на водоразделах и речных террасах. Первое время его хватало. Однако скоро казаки столкнулись с дефицитом строительного леса. Площади боров сокращались одновременно с ростом площади и численности населения казачьих поселков.

Во второй половине XIX в. лиственничные срубы постепенно сменяются сосновыми. Диаметр бревен от десятилетия к десятилетию сокращается, с 45–30 до 20–15 см.

В конце XIX в. в сельском строительстве стали активно использовать камень и глину. В это время широко распространяется практика ставить дома на высокие (до 1 м) фундаменты из дикого камня. Из камня и самана сооружаются хозяйственные постройки и летние кухни во дворах. Усадьбы ограждаются высокими каменными заборами.

Ухудшение качества строительного леса в начале XX в. вынудило население южных станиц (Наследницкая, Варшавская, Кизильская, Кваркенская) прибегнуть к нетрадиционному способу утепления срубов – обмазке их глиной. Житель поселка Кацбах Варшавской станицы Сандаков Иван Григорьевич, 1911 г. р., прокомментировал это следующим образом: «Что здесь такого? Раньше дома не мазали, не белили, лес стал хуже – стали белить».

Казаки поселков Александровский и Черкасинский, переселенные из одноименных поселков Воздвиженской станицы первого военного отдела во второй и основавшие свои поселки в самом начале XX в., оказались в еще более сложном положении. Временные жилища они строили из самана. Размер первого дома, по рассказу местного жителя Черкасов Любенкова Сидора Васильевича, 1910 г. рождения, был 6 × 3 м, кровля – земляной пласт, пол глиняный.

Сам по себе факт строительства временных саманных жилищ первопоселенцами не является показателем одного лишь дефицита строительного леса, здесь главную роль, скорее всего, играет временной

фактор, то есть необходимость построить жилье как можно скорее за один летний сезон.

Жители Неплюевского поселка, основанного в середине XIX в., утверждают, что их собственные первопоселенцы тоже строили «саманухи», и одна из них, точнее, ее часть, сохранилась. Автору данной работы ее показывал владелец усадьбы Озеров Александр Иванович, 1914 г. р. Сейчас это стена угольного сарая.

В поселках Черкассы (Новочеркасский) и Александровский (Новоалександровский) временное саманное жилище для многих стало постоянным, со слов Любенкова Сидора Васильевича 1910 г.р. некоторые казаки так и не смогли к 1917 г. построить деревянные дома. Повоспоминаниям Туравиной (Макаровой) Татьяны Степановны. 1924 г.р. В отдельных капитальных домах Александровки деревянный пол был только в горнице, а в избе – глиняный. Перед входом вместо крыльца помещали каменную плиту.

В поселках, не только в новообразованных, но и старых (Амурский, Кваркенский), на домах небогатых казаков появились соломенные и камышовые крыши. Раньше, в XIX в., соломенные или глиносоломенные кровли были только у хозяйственных построек.

Справедливости ради следует сказать, что власти рекомендовали «при недостатке леса» использовать в качестве кровельных материалов камыш, глину, дёрн и в 40-е гг. XIX в.

Таким образом, в степной зоне, к началу XX в. в результате адаптации к новым условиям (дефицит леса и повышенная при сильных ветрах пожароопасность летом) произошла трансформация культурной традиции сформированной в лесной зоне. Изменились некоторые технологические приемы, используемые при сооружения жилищ и хозяйственных построек, расширился ассортимент строительных материалов. Поэтому многие поселки на юге и юго-западе земель ОКВ – Оренбургского, Орского,

Верхнеуральского уездов приобрели черты, свойственные степным южнорусским, донским и украинским населенным пунктам.

Все сказанное не относится к большинству поселков, станиц III военного отдела Оренбургского казачьего войска, расположенных в облесённой части Челябинского и Троицкого уездов и не испытывающих острого дефицита строительного леса.

Важным фактором, влиявшим на эволюцию традиционного жилища являлась городская градостроительная мода.

Подводя итоги, нужно отметить, что культура традиционного домостроения у оренбургских казаков на территории современных Оренбургской, Челябинской, Курганской областей складывалась под влиянием архитектурных традиций, привнесенных из европейской части России (среднего Поволжья, Волго-Камского региона), Среднего Урала и Западной Сибири. Жилища казаков в южных районах по многим архитектурным особенностям (преобладание пятистенка, обмазка сруба) тяготеет к сельской архитектуре Южного Приуралья и Средней Волги, формировавшихся в сходной ландшафтно-климатической зоне. Традиционная архитектура казачьих поселков, расположенных на территориях бывшего Троицкого и Челябинского уездов, была связана с сибирской традиционной архитектурой и сохранила её в дальнейшем выразившемся на рубеже XIX – XX вв. в бытовании западно-сибирского типа покоеобразного двора а также распространение «крестовиков».

Несмотря на преемственность традиций, она была не просто перенесена или заимствована. Сохранив основные черты, характеризующие этнографическую принадлежность жилища (в нашем случае как средневеликорусскую) – строительный материал, технологию сооружения, систему обогрева жилищ, некоторые архаичные элементы декора, планировку – традиционная архитектура, под воздействием различных факторов: ландшафта и климата, отчасти, этнического состава региона, и активного участия государства в колонизации края претерпела некоторую

эволюцию и приобрела самобытные черты. Наиболее устойчивыми к изменениям оказались планировка жилища относительно печи (северно-среднерусская) и общие для всей великорусской территории мотивы и технология исполнения архаичных декоративных украшений («репейники», ромбы и т. д. выполненные в технике глухой резьбы).

§ 7. Система водоснабжения

Наличие воды было обязательным условием существования населённого пункта. Все без исключения посёлки, хутора и другие типы поселений находились вблизи рек, озёр или крупных ключей. При выборе места для вновь заводимых в 1842–1843 гг. новолинейных поселений это обстоятельство непременно учитывалось, давалась характеристика водоема и качества воды, например места, выбранные под поселения № 10 и № 11, в будущем названные Полоцким и Новинским Наказным атаманом Оренбургского казачьего войска генерал-майором графом Н.И. Цукато, оценивались следующим образом: у Полоцкого – «На речке Кайракты не в вершинах, но в середине, где впадает в нее безымянный ключ ... (река) плесами очень гниловатая и топкая, по словам киргизов во время зимы имеет дурной запах и в употребление не годная»; у Новинского – «Вода у самого места заселения образовалась плесом из ключей, очень хорошая, которая по словам киргизов в зимнее время не замерзает...» (ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5273, л. 52об.–54об.).

Недостаток хорошей воды часто становился причиной для переноса или упразднения поселения. Так в Новолинейном районе в течение первых двух десятилетий после основания были перенесены на новое место или упразднены вовсе около десяти посёлков. Одной из основных причин этого как раз являлся крайний недостаток воды или её плохое качество (ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5273, л. 334).

Основным источником воды даже в первой половине XX в. являлась река. Местные жители утверждают, что реки раньше были полноводнее, а

вода в них чище. Из реки брали воду для питья, приготовления пищи, водой из реки поили домашних животных и поливали огороды.

Если вблизи или иногда в самом посёлке был крупный источник подземных вод (родник), тогда питьевую воду брали из него. Присутствие крупного хорошего источника позволяло комфортно существовать большому посёлку и при отсутствии крупной реки. Так, в посёлке Париж Нагайбакского района Челябинской области основным источником питьевой воды до сих пор является крупный природный родник, полностью обеспечивающий потребности местного населения. Река Кизил-Чилик, берущая начало из этого родника, имеет заболоченные берега и местными жителями используется ограничено.

В посёлках Поповском и Варламово Верхнеуфимского станичного юрта (сейчас Чебаркульский район Челябинской области), даже при наличии крупной реки, предпочтение отдавалось воде из источника. Причём источники были оформлены деревянной срубной конструкцией с двускатной крышей, на которой установлен деревянный крест, как символ того, что вода в данном источнике была освящена. Эта традиция сохраняется до настоящего времени (см. приложение).

В посёлке Кацбах Варшавского станичного юрта (сейчас Кизильский район Челябинской области) крупный источник находится за пределами посёлка, на удалении 1,5–2,0 км. Он также являлся основным источником питьевой воды. Воду в посёлок возили в бочках и лагунах (ёмкости для воды бондарной работы высотой менее метра, сужающиеся кверху с небольшим отверстием в верхней несъемной крышке и железной рукояткой для переноски). По сообщениям жителей посёлка вода из кацбахского родника известна широко и среди жителей окрестных посёлков, так как обладает целебными свойствами, а также способна снимать усталость после долгой тяжёлой работы. Нужно сказать, что представления о целебных свойствах родниковой воды широко бытовали среди оренбургских казаков, и возможно являются причиной того, что местное население до настоящего

времени предпочитает родниковую воду любой другой. Крупные родники обязательно входят в разряд местных достопримечательностей. В Парижском поселке местный фольклорный коллектив называется «Чишмелек» что по-нагайбакски означает «родничок».

Однако для большинства посёлков вторым по значению после реки или озера источником водоснабжения являлся колодец. В настоящее время колодцы существуют почти в каждом дворе. Однако по утверждениям информаторов, раньше, то есть в начале XX в. колодцев во дворах было меньше. По свидетельству Зеленина, в поселке Благоданном (Оренбургский станичный юрт I военного отдела) колодцы у казаков отсутствовали, «воду привозят в бочках («водовозка») из р. Урала или носят оттуда же ведрами» (Зеленин Д.К., 1905. С. 65). Этим же объясняли отсутствие в казачьих усадьбах огородов (Зеленин Д.К., 1905. С. 61).

В большинстве посёлков было несколько общественных колодцев. Располагались они на улицах или перекрёстках или на плацу, как в посёлке Черкасинский Варшавского станичного юрта II военного отдела (сейчас Кизильский район Челябинской области). В самой Варшавской станице было два общественных колодца – «машурин» и «веретенников». Назывались они по фамилиям владельцев усадеб, возле которых стояли колодцы. Давать названия колодцам подобным образом было широко распространённой традицией. Приблизительно такое же количество (два-три, не более) было и в других посёлках.

Глубина колодезной шахты зависела от глубины залегания грунтовых вод. Колодезные шахты крепились или срубом или каменной кладкой. В посёлке Черкасинском старый колодец на плацу, до сих пор действующий, имеет довольно глубокую шахту квадратного сечения (1 × 1 м), которая до самого водоносного слоя выложена плотно пригнанным плитняком. Стенки шахты ровные, практически гладкие. При сооружении камень ровной стороной укладывался вовнутрь шахты и тщательно подгонялся. Сруб колодезной шахты рубили без выступающих

концов «в лапу», так было удобнее опускать венцы в вырытую шахту. На уровне водоносного слоя рубился не плотно, с зазорами между венцами, для лучшего прохождения воды. Копать колодцы было делом чрезвычайно ответственным, поэтому старались приглашать «специалистов», делали эту работу и сами, но чаще всего «помочью». Лес для колодезных срубов выбирали хороший, чтобы поменьше менять венцы, но не смолистый. Ремонтируя колодец, заменяя прогнившие венцы, при дефиците хорошего леса часто использовали то, что было под рукой, но обязательно березу. Автору самому пришлось участвовать, в подобном мероприятии, помогая отцу.

Для извлечения воды из колодцев использовали два типа приспособлений: противовес – «журавль», «очеп» и вращающийся барабан – «валёк».

Журавли используются там, где грунтовые воды залегают не глубоко. В посёлке Варшавском, по словам информатора Николая Григорьевича, Миронова колодец такого типа сооружался следующим образом: выбирался раздвоенный вилкообразный ствол сосны – «соха», комель которого обжигался и закапывался в землю у колодца, в «вилку» на железной оси крепился «очеп» – качающаяся часть. «Очеп» состоял из одной или из двух соединенных вместе лесин. К тонкому и более длинному концу «очепа» на короткой цепи из двух звеньев крепилась палка длиной около 3 м с окованным концом, имеющим крюк или железную петлю, к которым в свою очередь прикреплялось ведро. Толстая и более короткая часть «очепа» дополнительно утяжелялась грузом (раньше обрубком бревна средней толщины, сейчас – какой-либо стальной или чугунной деталью механизма). По словам того же информатора, «вальковых» колодцев в данном посёлке почти не было. Для обозначения колодцев с противовесом, как правило, использовалось одно из названий. В частности в Варшавском говорили «очеп», название «журавль» не бытовало. Этот тип колодца господствует в

посёлке и по сей день. Не бытовало название «журавль» и в Николаевской станице, «Так не говорили, колодец и все» (Михайлова К.А., 1911 г.р.).

Вальковые колодцы распространены гораздо шире, устройство их общеизвестно. Это закреплённый над колодцем на железной оси между двумя вертикальными столбами барабан с крестообразным деревянным «воротом». На барабан наматывается цепь (а в настоящее время часто стальной трос) с прикреплённым к ней ведром. Часто, а сей час повсеместно продолжением оси валька является изогнутая железная рукоятка, которой осуществляется наматывание цепи на «валёк», и соответственно подъём или опускание ведра в колодец.

Надземная часть колодца, даже если сама шахта выложена камнем, представляет собой сруб в несколько венцов из плах или брёвен или короб из досок высотой около метра, закрытый крышкой на петлях. У вальковых колодцев часто устраивается двускатная крыша с зашитыми досками фронтонами (рис.79). В настоящее время в крыше устанавливается откидная крышка – люк. Вместо металлических петель часто прибивают два куска толстой кожи (также используют резину или транспортёрную ленту).

Надземные срубы с «очепом» сейчас сооружают и над родниками (поселок Париж, Пряткин родник по дороге из Кизильского в Бреды).

Ходить «по воду» занятие было исключительно женское. Как свидетельствует М. Голубых, даже овдовевший казак скорее отправит за водой малолетнюю дочь, чем пойдет по воду сам (Голубых М., 1928. С. 56). Это отражало существовавшее в традиционной культуре разделение занятий на женские и мужские. Казаки не ходили «по воду» по той же причине, по которой не носили юбок и кос, а казачки в прилинейных поселках не работали в поле. Исключительно мужской характер полевых работ на линии сформировался под влиянием внешней опасности, которая в конце 60-х и в 70-е гг. XIX в. практически исчезла, однако возникшая под её влиянием традиция сохранилась (в 1871 г. служба на линии и сама Оренбургская линия были упразднены).

§ 8. Традиционная архитектура иноэтничных групп у оренбургских казаков на примере нагайбаков

Обследованные этнографической группой поселки Фершампенуаз, Париж, Остроленка, Кассель, Требиятский, Астафьевский до настоящего времени сохранили традиционную для новопоселенческих поселений оренбургских казаков регулярную квартальную планировку. Улицы расположены параллельно реке и через равные промежутки пересечены проулками. Пересечения улиц и проулков образуют прямоугольные кварталы. Пролуки чаще всего не застраиваются. Пространства площадей, которые размещались в центре поселка, сейчас большей частью застроены современными общественными зданиями.

Деревянные церкви, находившиеся на площадях в большинстве поселков, были разобраны в советское время.

Поселки делились на «концы». «Концы» и улицы имели неофициальные названия, которые сохраняются в обиходе у старшего поколения и сейчас.

В поселках сохранилась значительная часть исторической застройки, примерно треть. Из нежилых зданий интерес представляют лавки (магазины) дореволюционной постройки из кирпича. Большинство жилых домов, расположенных в исторической части поселков, возведены в последней четверти XIX в. – первой четверти XX в. В каждом поселке сохранилось примерно по пять изб середины XIX в. До настоящего времени сохранились большие дома «городского» типа (крестовики, крестовые связи, шестистенки), построенные зажиточными казаками на рубеже XIX – XX вв. Для сооружения такого типа зданий привлекались строительные артели из Верхнеуральска. Впоследствии, после коллективизации и раскулачивания хозяев, они были заняты различными учреждениями.

Большинство сооружений исторической застройки (жилые и хозяйственные) перестроены (обложены кирпичом, фундаменты бетонированы), утрачены традиционные ограждения.

Типы жилых домов традиционны для всех поселений оренбургских казаков. Господствующим типом является «пятистенков», много однокамерных изб, домов «углом», «крестовиков», «шестистенков», гораздо меньше «связей», а «крестовых связей» – единицы.

подавляющее большинство домов поставлено на высокие (0,4–1,0 м) фундаменты из дикого камня, реже – из кирпича.

Внутренняя планировка жилищ соответствует местной русской, то есть печь находится справа или слева от входа в избу, над входной дверью устраивают полати («сундере»). Специфической национальной особенностью нагайбакской избы является наличие нар в углу дома у входа с другой стороны от печи – «улы-секе». Нары различных видов бытуют у всех тюркских народов волго-уральского региона. Сейчас эта деталь интерьера у нагайбаков практически утрачена, зафиксирована нами только в поселке Париж в летней кухне. Однако совсем недавно «улы секе» были широко распространены и присутствовали в каждом нагайбакском доме.

Наряду с «улы секе», в отличие от татар и башкир, нагайбаки сооружали полати – «сундере», размещение и конструкция которых аналогичны русской.

Печь в нагайбакских избах также аналогична русской, однако имеет дополнительный элемент «учаг» – очаг с вмурованным котлом, который устанавливается на шестке у стены. Котел закрывается деревянной крышкой. Эта дополнительная конструкция зафиксирована не только у нагайбаков, но также у русских казаков, проживающих в нагайбакских поселках (дом Репьевых в поселке Остроленка). Сейчас подобные очаги, хотя и сохраняются, но используются редко, это объясняется электрификацией и газификацией поселков.

В избе у печи расположен лаз в подполье, стены которого могут быть грунтовыми или оформлены кладкой из дикого камня. Чаще всего подполье расположено только под «избой», в отдельных случаях – и под горницей.

Из подвижной мебели следует отметить бытование в домах людей старшего поколения лавок со спинкой (диванов) и подлокотниками (практически полностью исчезнувших в русских казачьих поселках), шкафов-комодов в избах или в сенях, деревянных сундуков, обитых железной лентой, деревянных навесных полок для посуды. Характерно долгое бытование у нагайбаков традиционной домашней утвари, в том числе и у сравнительно молодых людей – керамической посуды кустарного производства, деревянных долбленых маслобоек и т. п.

Двучастные избы и «связи» имеют крыши на два ската, «пятистенки» и «крестовые» дома – на четыре. Большинство домов покрыто современными кровельными материалами (шифером, кровельным железом), редко, но встречаются тесовые крыши. При ремонте крыш старый тес убрали не всегда, покрывая его сверху шифером или рубероидом. Фронтоны двухскатных крыш зашиты горизонтально расположенными досками. Большинство фронтонов имеют небольшое световое полукруглое окошко и карниз – «козырь». Кроме дощатых фронтонов нередки «самцовые» (бревна, образующие фронтоны), соединенные друг с другом деревянными шпильками.

Декоративные украшения имеют далеко не все дома, у большинства сохранившихся однокамерных изб декоративные украшения отсутствуют. Практически все «пятистенки» и «крестовики» имеют декоративные украшения. Декором оформляются наличники окон, фронтоны (утеплительные доски) и ворота усадьбы. Орнаменты и техника исполнения декоративных украшений не имеют какой-либо ярко выраженной специфики и соответствуют распространенным в Новолинейном районе формам и видам.

Наиболее распространенной является пропильная накладная резьба или деревянная аппликация. Сюжеты и украшения наличников – растительные и зооморфные. Фризы украшаются накладными деревянными арабесками, соединенными друг с другом деревянной «цепью», «жгутом» или рейкой. Украшения, выполненные в технике архаичной глухой желобчатой, двухгранно-выемчатой, ногтевидной резьбы, встречаются редко. У выполненных в такой технике орнаментов самым распространенным мотивом является лучистый полукруг или ромб.

Планировка усадеб разомкнутая, постройки расположены по периметру двора и редко примыкают друг к другу. Если усадьба выходит кроме улицы еще и в проулок, хозяйственными постройками застраивается еще и проулочная часть. В этом случае хозяйственные постройки часто смыкаются с домом и между собой.

Присутствуют следующие виды традиционных хозяйственных построек: амбары дореволюционной постройки (каменные и срубные), помещения для содержания скота, бани.

Хозяйственные постройки из дикого камня чаще всего имеют двускатную крышу с частой обрешеткой из тонкомерной березы и сосны. Традиционные покрытия из глины или дерна сохраняются в небольшом количестве во всех поселках, сейчас большинство крыш у хозяйственных построек покрыты современными материалами (шифер, рубероид, кровельное железо).

Деревянные хозяйственные постройки сооружаются двумя способами: амбары – срубным «в чашку» с самцовой крышей; постройки для содержания скота – столбовые, рубленные в паз, имеющие односкатную крышу с наклоном на улицу. Полов хозяйственные постройки не имеют. Нередки постройки из саманных кирпичей.

Сейчас амбары в некоторых усадьбах переделаны под гаражи или используются как сараи.

Из традиционных ограждений частично сохраняются каменные заборы высотой до 1,5 м и деревянные тыны пазово-столбовой конструкции. Из современных ограждений широко распространены штакетник и дощатые заборы с вертикальным расположением досок.

Во всех обследованных поселках усадьбы имеют палисадники и огороды. В палисадниках, как правило, высажены деревья (клен, тополь, сосна), кустарники (сирень, акация), цветы. В огородах местное население выращивает все распространенные в нашем регионе в настоящее время овощные культуры. Со слов информаторов, палисадники перед домами и огороды в усадьбах появились лишь в 30-е гг. XX в., а широко распространились после войны. До этого времени, как можно судить по рассказам местных жителей, огородов не было вовсе, так как нагайбаки не занимались огородничеством. Исключение составляют картофельные поля, которые и до настоящего времени располагаются вдоль берегов рек, в непосредственной близости от поселков.

В настоящее время все поселки имеют водопровод с водонапорными колонками. Кроме того, во дворах домов сохраняются традиционные системы водоснабжения – колодцы типа «журавль».

Поселковые кладбища традиционно расположены недалеко от населенных пунктов. Погребения осуществляются по православному обряду. Надгробные памятники – в виде православных деревянных и железных кованых крестов, а также современные – в виде металлических пирамидок, стел из мрамора и мраморной крошки.

Исходя из характера переселения нагайбаков-казаков в Зауралье, планировка поселений нагайбаков-казаков не могла иметь этническую специфику. Одна группа была расселена в уже существовавшие русские поселения в Троицком уезде, другая же была расселена в степном Новолинейном районе на отведенных участках, где застройка велась по планам, присланным из департамента военных поселений под присмотром войскового начальства. То же самое можно сказать и о типах дворов. На

территории Троицкого уезда в поселениях нагайбаков, как и во всех русских поселениях лесостепной зоны, господствует сибирский покоеобразный двор, на новой линии в степи в Верхнеуральском уезде разомкнутый или частично сомкнутый. Планировка жилища относительно печи также идентична русской – северо-среднерусская и соответствующие географическим зонам типы жилищ: в лесостепи – «пятистенки и крестовики», в степи – «пятистенки». Этническая специфика обнаруживается лишь в интерьере жилища нагайбаков. В соответствии с общетатарской традицией, в доме присутствовали нары – «улу секе» (у верхнеуральской группы), печь с вмонтированным в неё котлом «учаг», обилие перин, подушек, подстилок из кошмы. Связь с культурой русских была обусловлена, в первую очередь, принадлежностью к православию, выражавшейся в наличии икон в доме. Полати «сундере» также являлись заимствованным у русских элементом. Начиная с кон. XIX – нач. XX в. в повседневный быт нагайбаков вливаются элементы русской городской культуры: мебель, посуда, настенные часы, фотографии, репродукции.

Заключение

В результате сложных исторических процессов, под влиянием политических, социальных и природно-географических факторов в Оренбургском крае в конце XIX – начале XX в. сформировалась своеобразная этнокультурная ситуация. Двух вековая миграция населения на Южный Урал из различных мест России (преимущественно Среднего Поволжья, Прикамья, Среднего Урала, Зауралья, Западной Сибири)

и Украины, неоднородная по своему этническому составу и социально-сословному происхождению, явилась значительным фактором развития этнокультурных особенностей. На формирование культурно-бытовых особенностей славянского населения в нашем регионе оказали влияние традиции различных групп коренного населения, а также некоторых неславянских народов Поволжья и Приуралья.

Говоря о политическом факторе, следует отметить, что роль государства в колонизации русского Южного Урала была преобладающей. Создание в первой половине XVIII в. линии пограничных крепостей, и Оренбургского казачьего войска было в первую очередь вызвано геополитическими интересами империи в регионе. Пограничное положение, а также особый сословный статус казачества наложили отпечаток на архитектурное лицо большинства сельских населенных пунктов Южного Урала, их планировку и даже топонимию. На планировке поселений казаков сказалось также и господство в архитектуре XVIII – XIX вв. регулярного стиля (улицы в населенных пунктах параллельны и пересечены проулками под прямым углом).

Собственно жилище оренбургских казаков на территории современной Челябинской области имело черты архитектурных традиций, привнесенных русскими из европейской части России (Среднего Поволжья и Волго-Камского региона), Среднего Урала и Западной Сибири. Несмотря на преемственность, традиционная архитектура Южного Урала достаточно

самобытна. Сохранив основные черты, характеризующие этнографическую принадлежность жилища (в нашем случае, как средне-великорусскую): основной строительный материал, технологию сооружения, систему обогрева жилища, декоративные украшения, планировку, оно, тем не менее, испытало воздействие различных факторов: ландшафта, климата и, отчасти, этнического состава населения края. Наиболее устойчивыми к изменениям оказались планировка жилища относительно печи (северно-среднерусская) и общие для всей великорусской территории мотивы и технология исполнения архаичных декоративных украшений («репейникники», ромбы и т. д. выполненные в технике глухой резьбы).

Однако в степной зоне, к началу XX в. в результате адаптации к новым условиям (дефицит леса и повышенная при сильных ветрах пожароопасность летом) произошла трансформация культурной традиции сформированной в лесной зоне. Ландшафтно-географические условия особенно сильно сказались на сельской архитектуре южных и югозападных районов войсковой территории (бывшие Верхнеуральский, Оренбургский, Орский уезды). Причем эти условия были усугублены воздействием антропогенного фактора на местный ландшафт (вырубка лесов). Отсутствие или острый дефицит привычного строительного материала в конце XIX – начале XX в. заставил казаков, проживавших на этих территориях включая большую часть Новолинейного района, использовать нетрадиционные строительные материалы (камень, саман, глину, дерн, солому, камыш и т. д.). Использование новых материалов вынуждает видоизменять и строительные приемы, которые часто приходилось заимствовать у соседей (кладка фундаментов, хозяйственных построек и заборов из дикого камня) или у локальных этнографических групп в своем сословии, то есть оренбургских казаков, выходцев с Дона, Кубани и Малороссии (сооружения из плетней, использование соломы и камыша в качестве кровельного материала). Важным фактором, влиявшим на эволюцию традиционного жилища являлась городская градостроительная мода.

Жилища казаков в южных районах по многим архитектурным особенностям (преобладание пятистенка, обмазка сруба) тяготеет к сельской архитектуре Южного Приуралья и Средней Волги, формировавшихся в сходной ландшафтно-климатической зоне. Традиционная архитектура казачьих поселков, расположенных на территориях бывшего Троицкого и Челябинского уездов (III военный отдел), была связана с сибирской традиционной архитектурой и сохранила эту связь в дальнейшем выразившись на рубеже XIX – XX вв. преобладании сибирского варианта покоеобразного двора а также широком распространении крестовика». Все типы жилища с их местными особенностями в каждом районе, в целом по Южному Уралу представляют общую картину его развития. Традиционная архитектура оренбургских казаков является звеном, соединяющим традиционную архитектуру Европейской России и традиционную архитектуру русского населения Сибири.

Список использованных источников и литературы

Источники

I Информаторы

1. Бешенцев В.Г. с. Кардаиловское, Илекский р-н Оренбургской обл.
2. Букатников пос. Полоцкий Кизильский, р-н Челябинской обл.
3. Букреев И.И. 1905 г.р. г. Троицк Челябинской обл.
4. Евсеев А.Ф. пос. Мариинский, Брединский р-н Челябинской обл.
5. Иванова М.Е. пос. Париж, Нагайбакский р-н Челябинской обл.
6. Кондакова А. 1905 г.р. пос. Анненский Карталинский р-н Челябинской обл.
7. Корябина (Бурлуцкая) П.И. 1905 г.р. пос. Амурский (родилась в пос. Черкасы) Кизильский р-н Челябинской. обл.
8. Костомаров А.Г. 1903 г.р. пос. Амурский Брединский р-н Челябинской обл.
9. Любенков С.В. 1910 г.р. пос. Черкасы Кизильский р-н Челябинской обл.
10. Маметьев А.М. 1923 г.р. пос. Фершампенуаз Нагайбакский р-н Челябинской обл.
11. Миронов Н.Г. 1911 г.р. пос. Варшавский Карталинский р-н Челябинской обл.
12. Михайлова (Аксенова) К.А. 1911 г.р. пос. Николаевка, Варненский р-н. Челябинской обл.
13. Мишковец (Аксенова) З.А. 1935 г.р. пос. Бобровка, Троицкий р-н Челябинской обл.
14. Назаренко К.К. 1911 г.р. г. Троицк Челябинской обл.
15. Озеров А.И. 1914 г.р. пос. Амурский Брединский р-н Челябинской обл.
16. Осипов Л. М. 1915 г.р. пос. Кацбах Кизильский р-н Челябинской обл.
17. Репьев М.И. 1911 г.р. пос. Остроленка. Нагайбакский р-н Челябинской обл.

- 18.Репьева И.И. 1913 г.р. пос. Остроленка (родилась в пос Наваринском, Агаповский р-н) Челябинская обл.
- 19.Сандаков И.Г.1911г.р. пос. Неплюевский Карталинский р-н Челябинской обл.
- 20.Стрелкова М.Н. 1938 г.р. Кацбах Кизильский р-н Челябинской обл.
- 21.Туравина (Макарова) Т.С. 1924 г.р. пос. Александровка Кизильский р-н Челябинской обл.
- 22.Чикова Ф.А.1908 г.р.пос. Амурский Брединский р-н.Челябинской обл.

II Архивные материалы

Государственный архив Оренбургской области.

- 23.ГАОО Ф.37. Оп.4. Д. 22.
- 24.ГАОО Ф.6. Оп.10. Д. 4570.
- 25.ГАОО Ф.6. Оп.10. Д.4519.
- 26.ГАОО Ф.6. Оп.10. Ед.хр.5256.
- 27.ГАОО Ф.6. Оп.10. Ед.хр.5273.
- 28.ГАОО Ф.6. Оп.10. Д.5505.
- 29.ГАОО Ф.6. Оп.10. Д.5670/б.
- 30.ГАОО Ф.6. Оп.10. Ед. хр.5288.
- 31.ГАОО Ф.185.Оп.1. Д.63.

Центральный государственный исторический архив
республики Башкортостан

- 32.ЦГИА РБ Ф.6. Оп.1. Д.184.
- 33.ЦГИА РБ Ф.1. Оп.1. Д.174.
- 34.ЦГИА РБ Ф.И.2. Оп.1.Д.5137.
- 35.ЦГИА РБ Ф.И.2. Оп.1.Д.5157.
- 36.ЦГИА РБ Ф.И.2. Оп.1. Д.4232.
- 37.ЦГИА РБ Ф.И.2. Оп.1. Д.3893.
- 38.ЦГИА РБ Ф.И.2. Оп.1. Д.4246.

III Опубликованные статистические материалы

39. Списки населённых мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. – СПб., 1871. – Вып. 28. Оренбургская губерния (по сведениям 1866 года).
40. Первая всеобщая перепись населения Российской империи в 1897 году. – СПб., 1904. – Т. 28. Оренбургская губерния.
41. Правила о переселении на земли Оренбургского казачьего войска казаков упраздненного Ставропольского калмыцкого войска, белопахотных солдат и солдатских малолетков. Департамент военных поселений. – СПб., 1843.
42. Списки населённых мест Оренбургской губернии. – Оренбург, 1901.

IV Мемуары

43. Татаринов, Д.И. Воспоминания / Д.И. Татаринов // Башкирский край. – Уфа, 1993. – С. 3–14.
44. Утешев, А.И. Записки (Рукопись): Фонды музея этнографии ЧелГУ-ЭМЧелГУ №1005.

V Картографические источники

45. Географический атлас / составлено и подгот. к печати товариществом "Просвещение". – СПб., 1903.
46. Карта Оренбургской губернии / сост. и подгот. к печати Картографическим заведением Ильина. – СПб., 1913.

VI Литература

47. Абрамовский, А.П. Оренбургское казачье войско в трёх веках. / А.П. Абрамовский В.С. Кобзов – Челябинск, 1999.
48. Алентьев, Ю.М. Анненское. / Ю.М. Алентьев, А.Г. Дегтярёв – Магнитогорск, 1994.
49. Атнагулов, И.Р. Поселения и жилища верхнеуральских казаков-нагайбаков второй половины XIX – начала XX века / И.Р. Атнагулов // Археология антропология и этнография Евразии. Новосибирск, 2004.

- 50.Бломквист, Е.Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения) / Е.Э. Бломквист // Восточнославянский этнографический сборник. – М., 1956. – С. 73–485.
- 51.Оренбургская область // БСЭ. 3-е изд. – М., 1974. – Т. 18 – С. 503–504.
- 52.Брусина, О.И. Славяне в Средней Азии. / О.И. Брусина – М., 2001.
- 53.Бубнов, Е.Н. Русское деревянное зодчество Урала. / Е.Н. Бубнов – М., 1988.
- 54.Витов, М.В. Вопросы систематики восточнославянского народного жилища: (Классификация типов застройки и усадьбы) / М.В. Витов // Вестник МГУ. – 1958. – № 4.
- 55.Прокофьева, А.Г. Владимир Иванович Даль. Оренбургский край в художественных произведениях писателя. / А.Г. Прокофьева, Г.П. Матвиевская, В.Ю. Прокофьева, И.К. Зубова – Оренбург, 2001.
- 56.Голубых, М.Д. Казачья деревня. / М.Д Голубых – М.-Л., 1930.
- 57.Горбунова, С.В. Судебные функции Оренбургской пограничной комиссии и их осуществление / М.Д. Горбунова // Проблемы истории России и западноевропейских стран: межвузовский сборник научных трудов. – Нижневартовск, 1997.
- 58.Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. / В.И. Даль – М., 1994. – Т. 1–4.
- 59.Дегтярёв, И.В. Челябинская старина. / Дегтярёв И.В – Челябинск, 1996.
- 60.Дегтярёв, И.В. Самое старинное селение на территории Челябинской области / И.В. Дегтярёв // Доклады к научно-краеведческой конференции в Красноармейском районе Челябинской области. – Миасское–Челябинск, 1966.
- 61.Дегтярёв, И.В. История возникновения села Миасского / И.В. Дегтярёв // Доклады к научно-краеведческой конференции в Красноармейском районе Челябинской области. – Миасское–Челябинск, 1966.

62. Житников, В.Д. Фамилии уральцев и сибиряков. / В.Д. Житников – Челябинск, 1997.
63. Зеленин, Д.К. Восточнославянская этнография. / Д.К. Зеленин – М., 1991.
64. Исаченко, А.Т., Ландшафты. / А.Т. Исаченко, А.А. Шляпников – М., 1989.
65. Кабузан, В.М. Народы России в XVIII веке. В.М. Кабузан – М., 1990.
66. Койчубаев, Е. Краткий толковый словарь топонимов Казахстана. / Е. Койчубаев – Алма-Ата, 1974.
67. Кривощёков, А.И. Обряды и обычаи оренбургских казаков // Вестник Оренбургского учебного округа. / А.И. Кривощёков – Уфа, 1915. – № 1–7.
68. Лебедева, А.А. Русское население Курганской области и его хозяйственный быт во второй половине XIX – начале XX в.: Материалы к историко-этнографическому атласу / А.А. Лебедева, А.В. Сафьянова // СЭ. – 1974. – № 1.
69. Левит, А.И. Южный Урал: География. Экология. Природопользование. / А.И. Левит – Челябинск, 2001.
70. Липинская, В.А. Старожилы и переселенцы. Русские на Алтае XVIII – начало XX века. / В.А. Липинская – М., 1996.
71. Липинская, В.А. Типы застройки усадьбы русского населения Западной Сибири / В.А. Липинская // СЭ. – 1975. – № 5. – С. 34–41.
72. Майничева, А.Ю. Архитектурно-строительные традиции крестьянства северной части Верхнего Приобья: Проблемы эволюции и контактов (середина XIX – начало XX вв.). / А.Ю. Майничева – Новосибирск, 2002
73. Мамонов, В.Ф. Пограничная линия: казаки Урала на защите рубежей Отечества. / В.Ф. Мамонов, В.С. Кобзов – Челябинск, 1992.
74. Матвеев, А.К. Географические названия Урала: краткий топонимический словарь. / А.К. Матвеев – Свердловск, 1980
75. Материалы по истории Башкирии. – Уфа, 1936.
76. Машин, М.Д. Оренбургское казачье войско. / М.Д. Машин – Челябинск, 2000.

77. Мочалова, М.П. Деревянное зодчество старого Челябинска. / М.П. Мочалова – Челябинск, 1973.
78. Мочалова, М.П. На полуденную сторону. / М.П. Мочалова – Челябинск, 1978.
79. Мухамедшин, Ю.Т. Этнографический обзор конструкций и типов жилищ нагайбаков и их ближайших соседей / Ю.Т. Мухамедшин // Нагайбаки. – Казань, 1995. – С. 29 – 50.
80. Оренбургская область // БСЭ. 3-е изд. – М., 1974. – Т. 18 – С. 503–504.
81. Оренбургское казачье войско. Религиозно-нравственная культура. – Челябинск, 2001.
82. Оренбургское казачье войско. Страницы истории XIX – XX века. – Челябинск, 1999.
83. Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. – Т. 1: Поселения и жилища. – Кн. 2. – Томск, 1994.
84. Пальмов, Н.Н. Этюды по истории приволжских калмыков. – Часть 2: XVIII век. / Н.Н. Пальмов – Астрахань, 1927.
85. Перетяткович, Г.И. Малороссияне в Оренбургском крае при начале его заселения. / Г.И. Перетяткович – Одесса, 1888.
86. Подольская, Н.В. Отражение народных миграций в топонимии / Н.В. Подольская // Вопросы антропологии, диалектологии и этнографии русского народа. – М., 1998. – С. 101–116.
87. Рабинович, М.Г. Поселения / М.Г. Рабинович // Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. – М., 1987. – С. 204–223.
88. Рабинович, М. Г. Очерки материальной культуры русского феодального города. / М.Г. Рабинович – М., 1988.
89. Ремнёв, А.В. Сделать Сибирь и Дальний Восток русскими. К вопросу о политической мотивации колонизационных процессов XIX – начала XX веков. / А.В. Ремнёв // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск, 2002. – С. 15–28.

- 90.Рождественская, С.Б. Русская народная художественная традиция в современном обществе. Архитектурный декор и художественные промыслы. / С.Б. Рождественская – М.,1981.
- 91.Русские: Историко-этнографический атлас. Земледелие. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда (середина XIX – начало XX в). – М., 1967.
- 92.Русские: Историко-этнографический атлас. Из истории русского народного жилища и костюма. – М., 1970.
- 93.Рыбалко, А.А. Жилище и усадьба оренбургских казаков на территории современной Челябинской области / А.А. Рыбалко // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. – Челябинск, 1996. – С. 197–216.
- 94.Рыбалко, А.А. История и быт казаков новолинейного района / А.А. Рыбалко // Аркаим. Исследования. Поиски. Открытия. – Челябинск, 1995. – С. 117–135.
- 95.Рыбалко, А.А. Зональные особенности традиционной архитектуры Челябинской области / А.А. Рыбалко // Проблемы культурогенеза народов Волго-Уральского региона: материалы межрегиональной конференции. – Уфа, 2001. – С. 242–244.
- 96.Рыбалко, А.А. Традиционное жилище оренбургских казаков на территории современной Челябинской области / А.А. Рыбалко // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Третья международная научная конференция: тезисы докладов. – Часть 3: Фольклор и этнография народов России. – Челябинск, 1995. – С. 150–152.
- 97.Рыбалко, А.А. Жилище и усадьба оренбургских казаков / А.А. Рыбалко // Оренбургское казачье войско. Культура. Быт. Обычаи. – Челябинск, 1996. – С. 56–71.
- 98.Рыбалко, А.А. Этнокультурная и политическая история Южного Урала в эпоху средневековья и в новое время / А.А. Рыбалко, О.В. Новикова // Аркаим. По страницам древней истории Южного Урала. – Челябинск, 2004.

99. Рыбалко, А.А. Из опыта работы этнографической экспедиции музея-заповедника Аркаим / А.А. Рыбалко, О.В. Новикова, О.Ю. Мальцева // Второй международный конгресс этнографов и антропологов: резюме докладов и сообщений. – Уфа, 1997. – Ч.2 – С. 175.
100. Рыбалко, А.А. Поселения и традиционное жилище казаков / А.А. Рыбалко // Очерки традиционной культуры казачества России. – Москва – Краснодар, – 2002. – Т.1. – С.461–473.
101. Рыбалко, А.А. Конструктивные приемы и строительные материалы, используемые в традиционной архитектуре у оренбургских казаков. // Российское казачество: проблемы истории и современность (к 310-й годовщине Кубанского казачьего войска). Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Тимашевск, – 2006. – С.213–216.
102. Рыбалко, А.А. Особенности традиционного домостроения у Оренбургских казаков / А.А. Рыбалко // Проблемы истории, филологии, культуры XVI / 3. Москва – Магнитогорск, 2006. – С. 68 – 76.
103. Рычков, П.И. Топография Оренбургской губернии. / П.И. Рычков – Уфа, 1999
104. Рычков, П.И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. / П.И. Рычков – Уфа, 2001.
105. Рязанов, А.Ф. На стыке борьбы за степь. Очерк по истории колонизации Новолинейного района Оренбургского края. 1835–1845 годы. / А.Ф. Рязанов – Оренбург, 1928.
106. Семенов, В.Г. Губернаторы Оренбургского края / В.Г. Семёнов, В.П. Семёнова. – Оренбург, 1999.
107. Соболевская, Н.А. Жилые и хозяйственные постройки в сёлах Приамурья начала XX века / Н.А. Соболевская // СЭ. – 1986. – № 2. – С. 80–91.
108. Соболевская, Н.А. О крестьянских поселениях и постройках Амурской области XIX–начала XX веков / Н.А. Соболевская. // Народное зодчество. – Петрозаводск, 1992. – С. 124–132.

109. Стариков, Ф.М. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков рисунков со знамён и карты. / Ф.М. Стариков – Оренбург, 1891.
110. Тупиков, В.Т. Домовая резьба. / В.Т. Тупиков В.Н. Власов – М., 1992.
111. Федотов, Т. Волшебный мир дерева. / Т.Федотов – М., 1987.
112. Футорянский, Л.И. Казачество России на рубеже веков. / Л.И. Футорянский – Оренбург, 1998.
113. Халиков, Н.А. Сельские поселения и жилища / Н.А. Халиков // Татары. – М., 2001. – С. 214–249.
114. Холквист, П. Российская катастрофа 1914–1921 год в европейском контексте: тотальная мобилизация и «политика населения» / П. Холквист // Россия XXI. – 1988. – № 11. 12. С. 30–42.
115. Чагин, Г.Н. Окружающий мир в традиционном мировоззрении русских крестьян Среднего Урала. / Г.Н. Чагин – Пермь, 1998.
116. Черемшанский, В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношении. / В.М. Черемшанский – Уфа, 1859.
117. Чижикова, Л.Н. Жилище // Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. / Л.Н. Чижикова – М., 1987. – С. 223–259.
118. Чижикова, Л.Н. Архитектурные украшения русского крестьянского жилища / Л.Н. Чижикова // Русские. Историко-этнографический атлас. – М., 1970.
119. Чижикова, Л.Н. Изучение сельского жилища восточных славян: Итоги и задачи классификации / Л.Н. Чижикова // СЭ. – 1976. – № 4.
120. Чижикова, Л.Н. Традиционное жилище народов России: XIX – начало XX в. / Л.Н. Чижикова – М., 1997.
121. Шангина, И.И. Русский традиционный быт: Энциклопедический словарь. / И.И. Шангина. – СПб., 2003.
122. Шелегина, О.Н. Русские крестьяне Западной Сибири: особенности материальной культуры в XVIII–первой половине XIX века /

О.Н. Шелегина // Материальная культура народов России. – Новосибирск, 1995. – С. 51–65.

123. Шитова, С.Н. Традиционные поселения и жилища башкир. Вторая половина XIX – первая четверть XX веков. / С.Н. Шитова – М., 1984.
124. Шувалов, Н.И. От Парижа до Берлина по карте Челябинской области. / Н.И. Шувалов – Челябинск, 1989.

VII Диссертации и авторефераты

125. Атнагулов, И.Р. Материальная культура и система жизнеобеспечения верхнеуральских казаков нагайбаков второй половины XIX – XX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07 / И.Р. Атнагулов – Новосибирск, 2002.
126. Кузнецов, В.М. Семейный быт русского сельского населения Южного Урала во второй половине XIX – начале XX в.: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / В.М. Кузнецов – Екатеринбург, 1999.
127. Рыблова, М.А. Традиционные жилища и усадьбы донских казаков-верховцев (вторая половина XIX – XX вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07 / М.А. Рыблова – Уфа, 1996.
128. Самигулов, Г.Х. Челябинск XVIII – XIX веков: население, планировка, материальная культура (по данным археологии и письменным источникам): Дис ... канд. ист. наук: 07.00.06 / Г.Х. Самигулов – Ижевск, 2005.

Список сокращений

БСЭ – Большая советская энциклопедия

ГАОО – Государственный архив Оренбургской области

ИАЭ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН

МГУ – Московский государственный университет

ОКВ – Оренбургское казачье войско

СЭ – Советская этнография

СПЛиИАЦ «Аркаим» – Специализированный природно-ландшафтный и историко-археологический центр «Аркаим»

ЧелГУ – Челябинский государственный университет

ЧОКМ – Челябинский областной краеведческий музей

ЦГИА РБ – Центральный Государственный архив Республики

Башкортостан

ЭМЧелГУ – Этнографический музей Челябинского государственного университета

Приложение

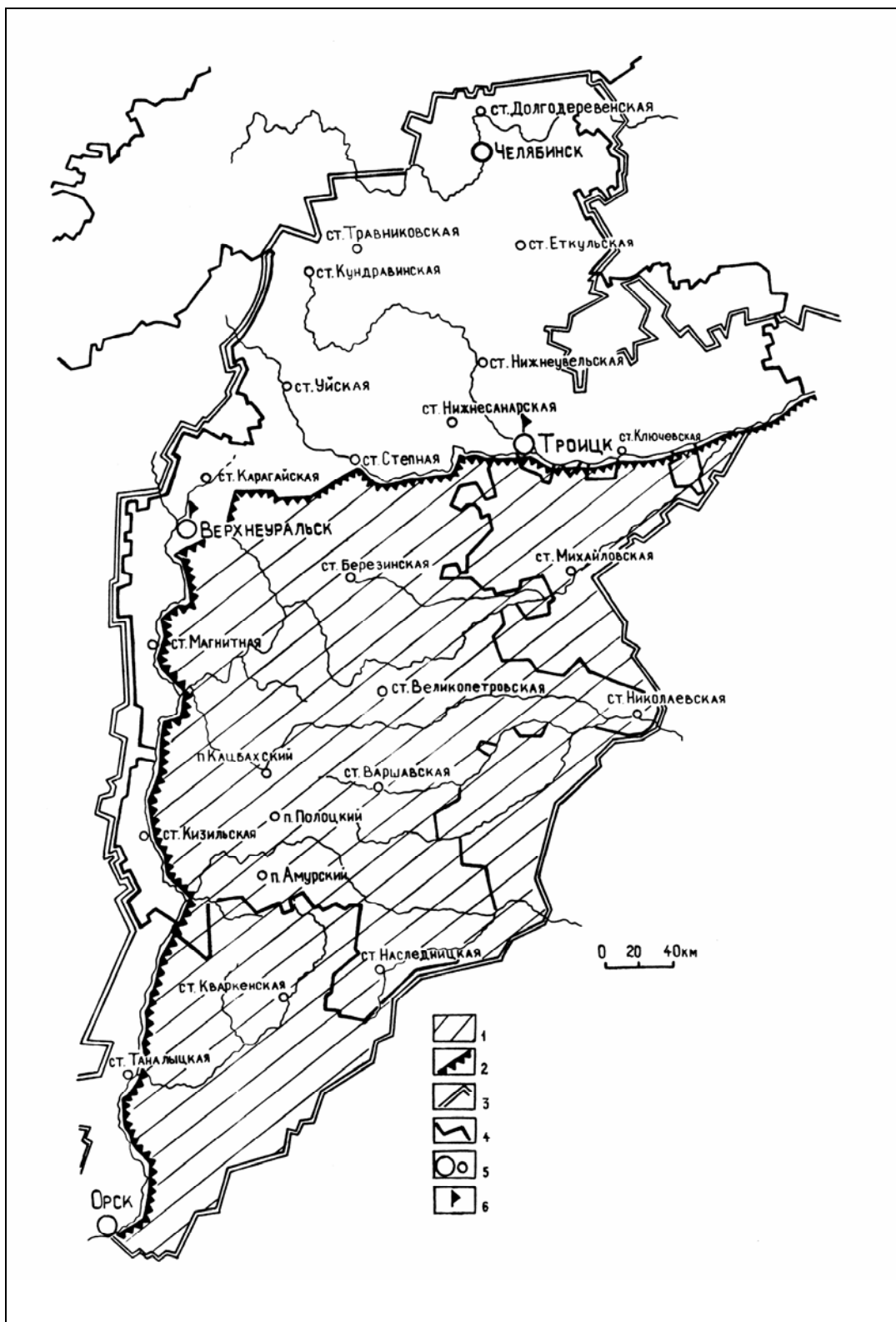

Рис.2 Карта земель Оренбургского казачьего войска в Зауралье.
Штриховкой выделен Новолинейный район.

Рис.3 Аэрофотоснимок пос. Кацбах Кизильского р-н Челябинской обл.
(основан 1844г в Новолинейном районе). Хорошо видна планировка
поселка, а также заброшенные участки.

Рис.4 Аэрофотоснимок Сел. Кизильского 1956
(бывшая крепость в последствии станица Кизильская основана 1743г.)

Рис.5 Фрагмент аэрофотоснимка 1956г. Пос. Амурский; Кизильский р-н Челябинской обл. (основан в 50-е годы XIX в.)

Рис.6 Фрагмент аэрофотоснимка 1956г. Сел. Варламово Чебаркульский р-н Челябинской обл. (бывшая станица Верхнеуевельская основана в 1755г.)

Рис.7 Ворота Наследницкой «крепости». Брединский р-н
Челябинской обл.

Рис.8 Общий вид Николаевской «крепости». Варненский р-н Челябинской обл..

Рис.9 Башня Николаевской «крепости».

Рис.10 Улицы в пос. Амурском. Брединский р-н, Челябинская обл.

Рис.11 Проулок в Сел. Кизильском. Жилой дом хозпостройки из плитняка. Челябинская обл.

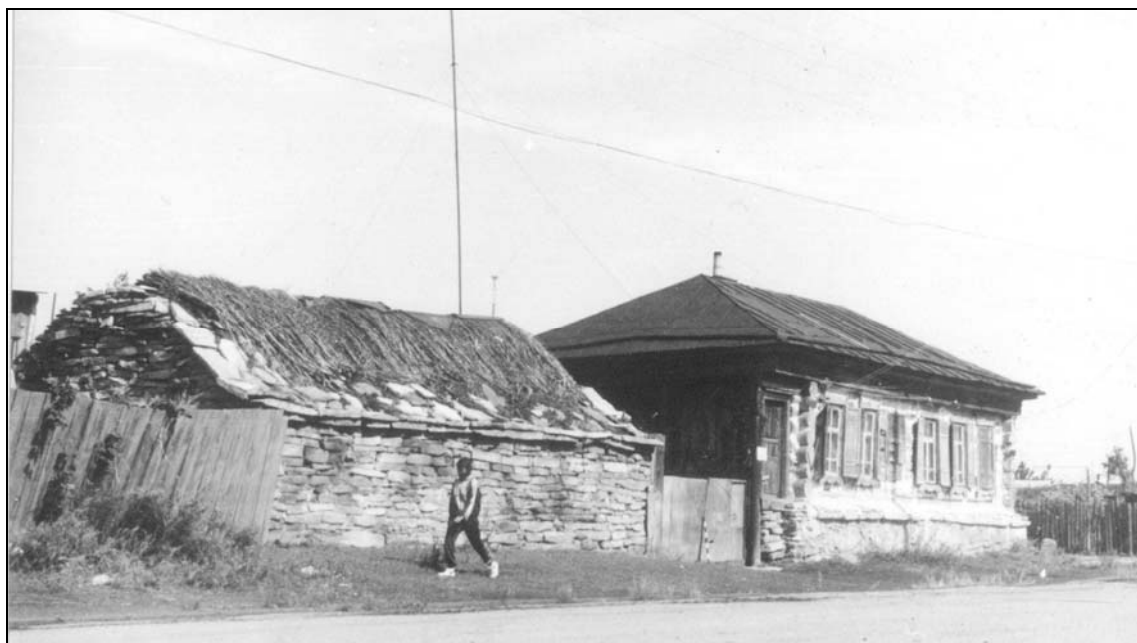

Рис.12 Улица.Сел. Кваркено. Оренбургская обл.

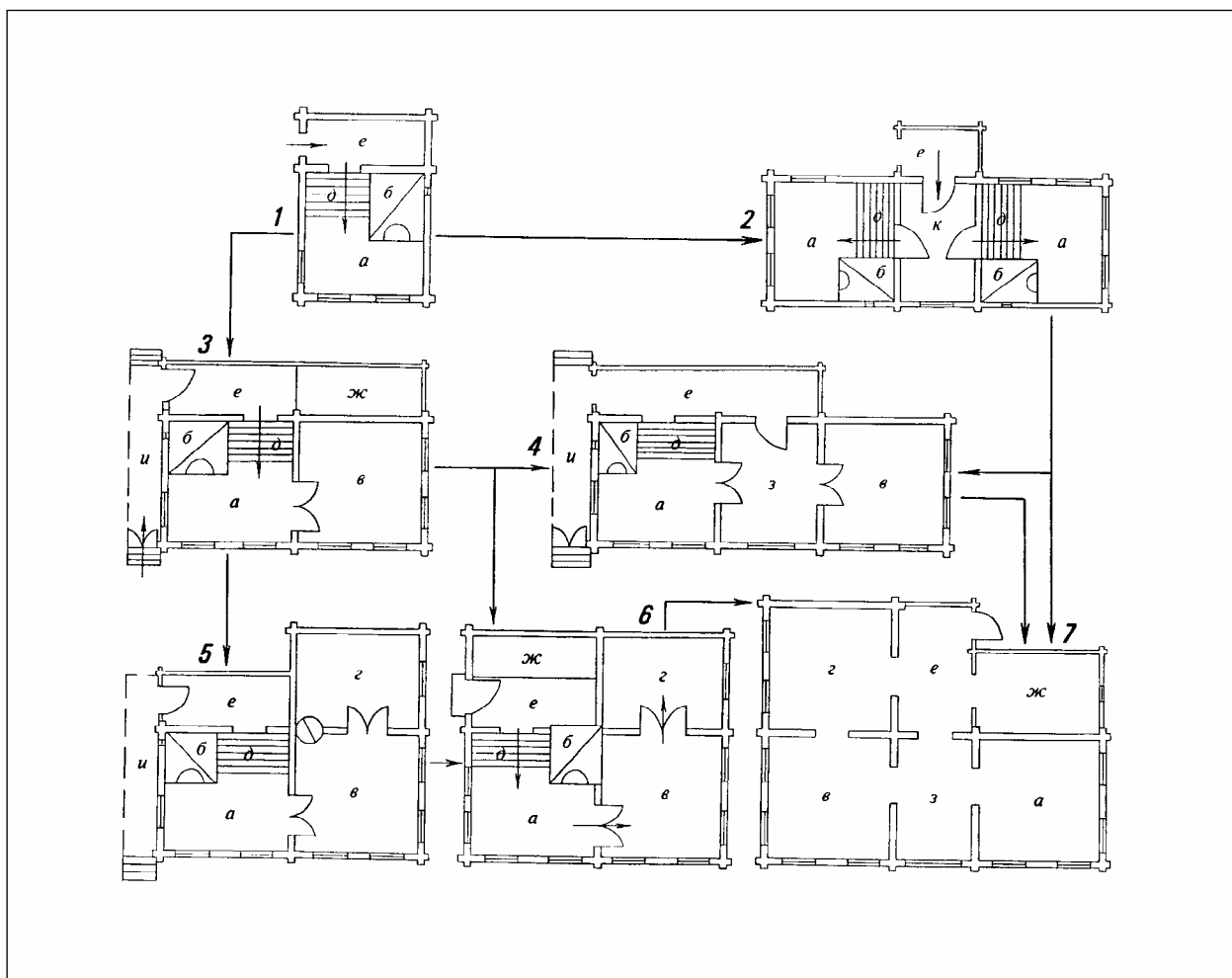

Рис.13 Эволюция планировки домов оренбургских казаков: 1 – изба; 2 - дом "связь" или две избы через сени ; 3 - "пятистенок"; 4 - "шестистенок"; 5 - "угловая связь или дом углом"; 6 - "крестовик"; 7- "крестовая связь": а - изба; б - русская печь; в - горница; г - спальня; д - полати; е - сени; ж - чулан; з - средняя комната; и - крыльцо-галерейка; к - теплые сени

Рис.14 Изба, сел. Варламово (бывшая станица Верхнеуевельская, Троицкий уезд). Чебаркульский р-н Челябинской обл..

Рис15 Дом первых поселенцев. Пос. Амурский Брединский р-н Челябинской обл.

Рис.16 Изба. Пос. Остроленка Нагайбакский р-н Челябинской обл.

Рис.19 Связь. Пос. Полоцкий. Кизильский р-н. Челябинской обл.

Рис.20 Фронтон с «козырем»

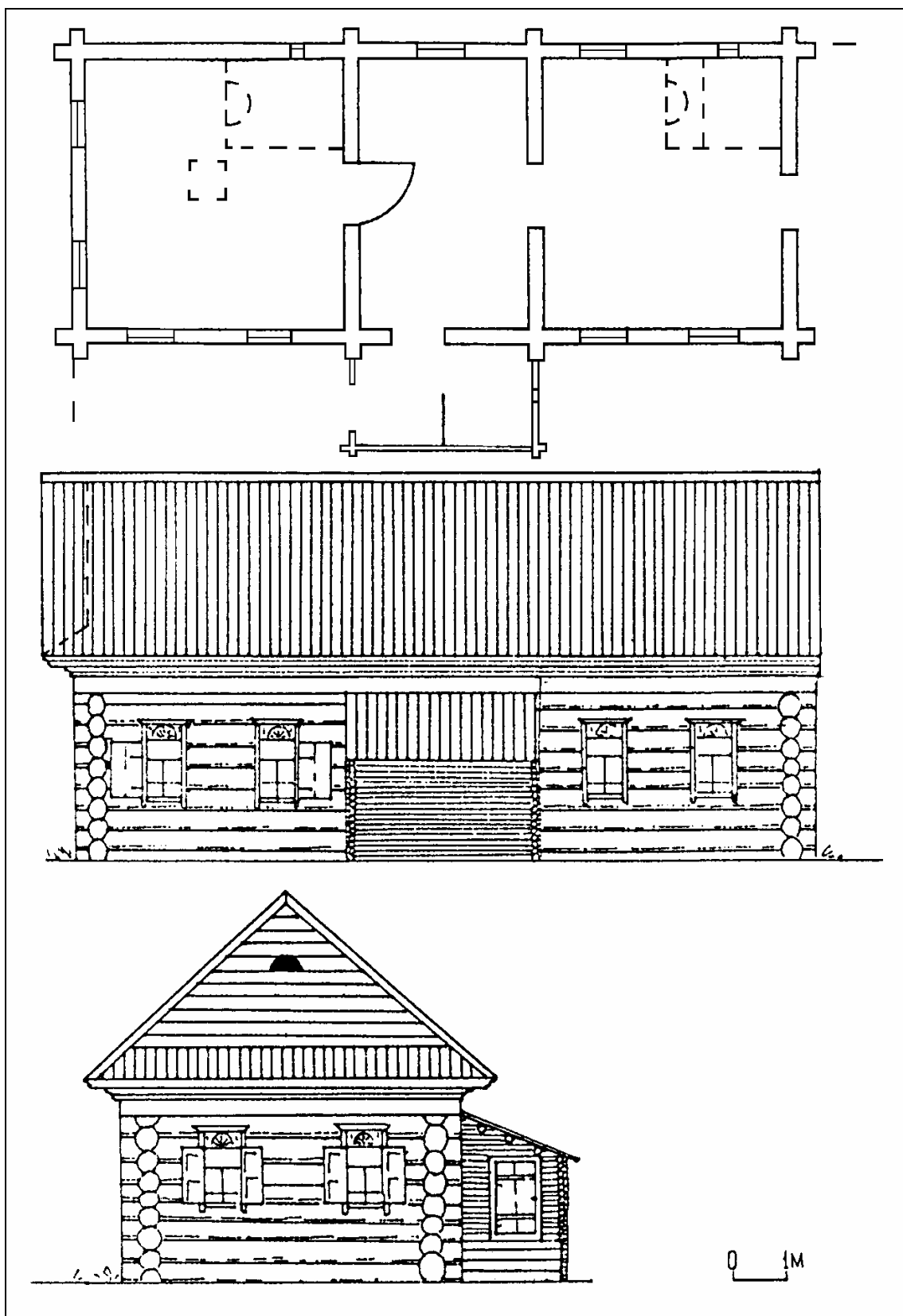

Рис.21 Обмеры. Связь,Пос. Полоцкий. Кизильский р-н.
Челябинской обл.

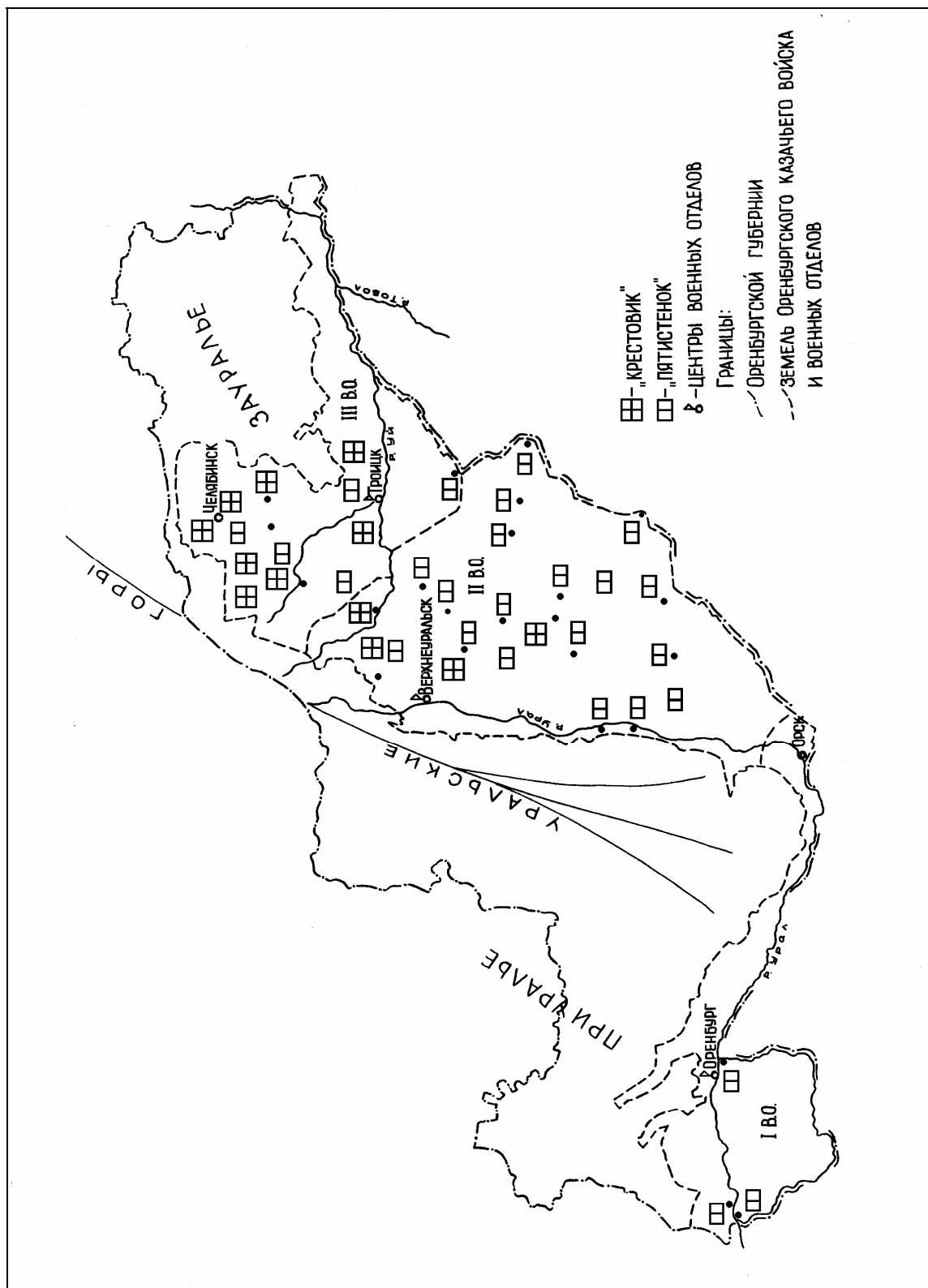

Рис. 22 Распространение «пятистенков» и «крестовиков» на землях ОКВ

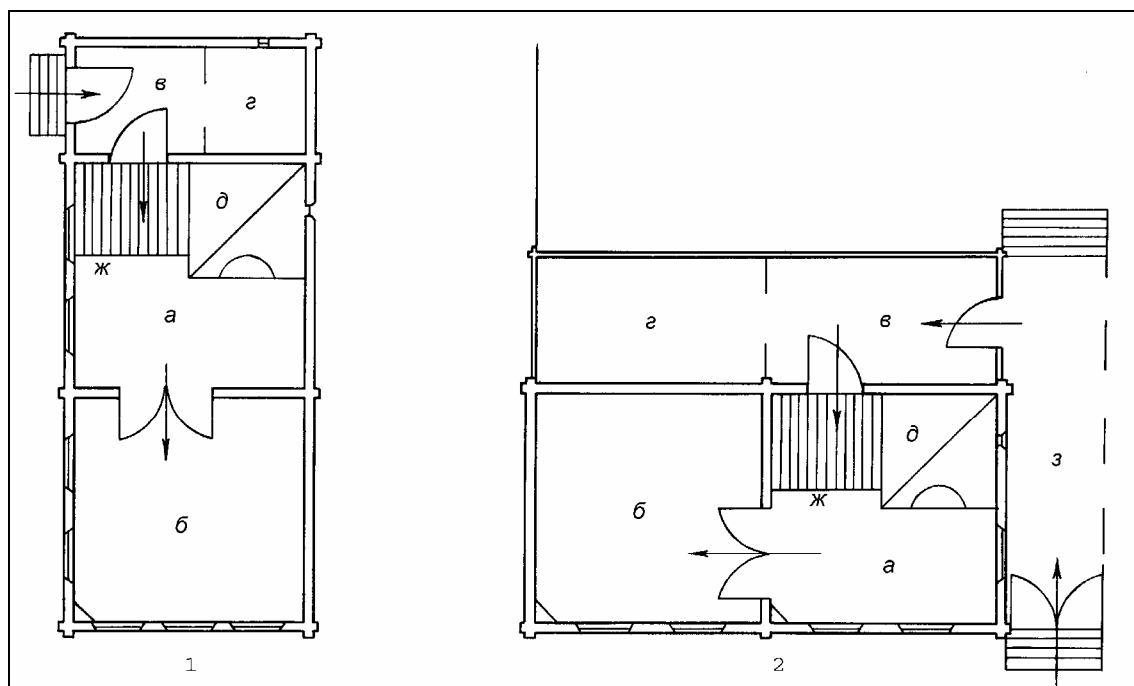

Рис.23 Типы пятистенков и их размещение относительно улицы.

Рис.24 Дом пятистенков. Пос. Кваркенский (бывшая стан. Кваркенская)
Оренбургская обл.

Рис.25 Пятистенок. Сел. Кардаилово (бывшая станица Кардаиловская); Илекский р-он Оренбургская обл.

Рис.26 Пятистенок. Пос. Амурский, Брединский р-н Челябинская обл.

Рис.27 Пятистенок из дикого камня. С. Кизильское Челябинская обл.

Рис.28 Пятистенок с крыльцом в проулок. Пос Амурский, Брединский р-н Челябинская обл.

Рис.29 Пятистенок из дикого камня (плитняка) с четырех скатной крышей. Сел. Киильское Челябинская обл.

Рис. 30 Пятистенки. Форштадт, г. Верхнеуральск, Челябинская обл.
(до революции уездный город и центр II военного отдела ОКВ).

Рис.31 «Дом углом», пос. Адрианополь; Кваркенский р-н. Оренбургской обл.

Рис.32 «Шестистенок». Сел. Степное. Троицкий р-н Челябинской, обл.

Рис.33 «Шестистенки». Сел. Кизильское, Челябинская обл.

Рис.34 «Шестистенок», пос.Могутовский Брединский р-н.
Челябинской обл.

Рис.35 Крестовик. Пос. Звягино Чебаркульский р-н Челябинская
обл.

Рис.36 Крестовик. Дом Долгополовых. Пос. Варламово
Чебаркульский р-н Челябинской обл.

Рис.37 Пос. Варшавский. Крестовый дом с низким парадным крыльцом
и галереей. Карталинский р-н Челябинской обл.

Рис.38 Дома с крестовой планировкой. Пос. Фершампенуаз.
Нагайбакский р-н. Челябинской обл.

Рис.39 «Дом Савельева». Пос. Амурский Брединский р-н. Челябинской обл.

Рис.40 «Городской» дом. Пос. Наследницкий. Брединский р-н. Челябинская обл.

Рис.41 Галерейка у дома пятистенка. Пос. Амурский Брединский
р-н Челябинской обл.

Рис.42 Декоративные балясины галереи. Пос. Амурский; Брединский р-
н Челябинской обл.

Рис.43. Галерейка. Сел. Кардайлово; Илекский р-н Оренбургской обл.

Рис.44. Галерейка. Пос. Неплюевский, Карталинский р-н, Челябинская обл.

Рис.45. Крылец. Пос. Могутовский; Брединский р-н Челябинской обл.

Рис.46 Галерея. Дом Савельева. Пос. Амурский; Брединский р-н Челябинской обл.

Рис.47 Декоративные элементы ворот. Сел. Варламово;
Чебаркульский р-н. Челябинской обл.

Рис.48 «Репейники» на наличниках, глухая трехгранновыемчатая, ногтевидная резьба. Пос. Полоцкий и Кацбахский; Кизильский р-н Челябинской обл.

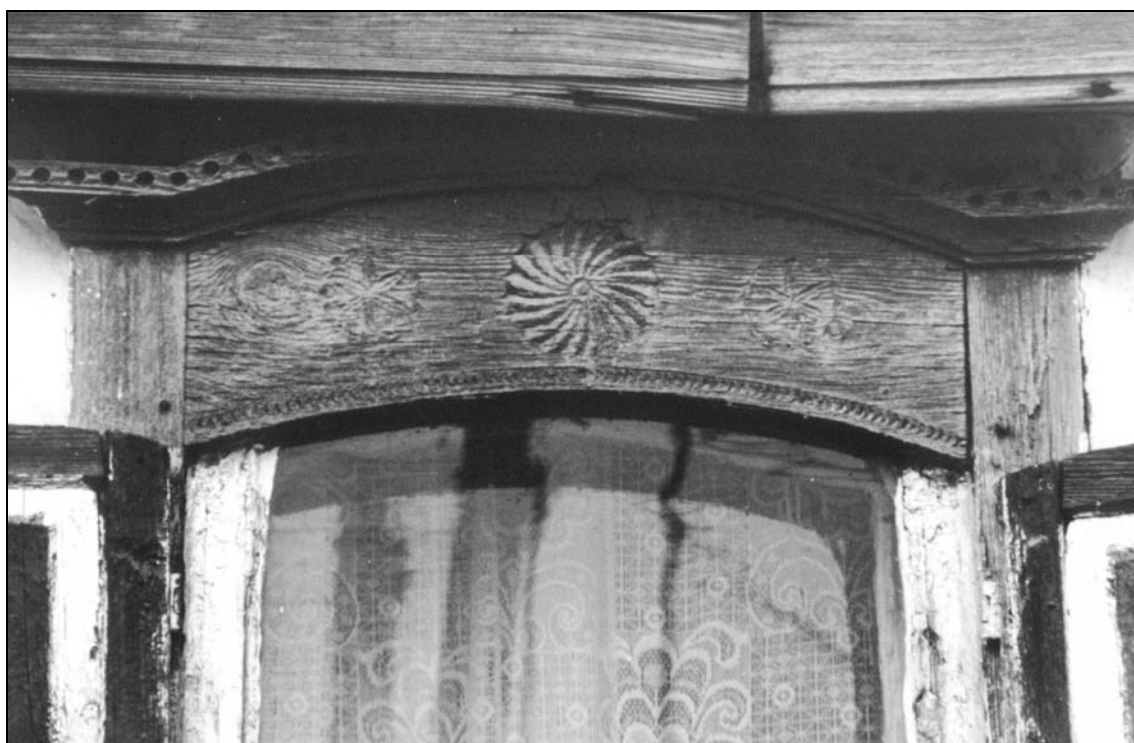
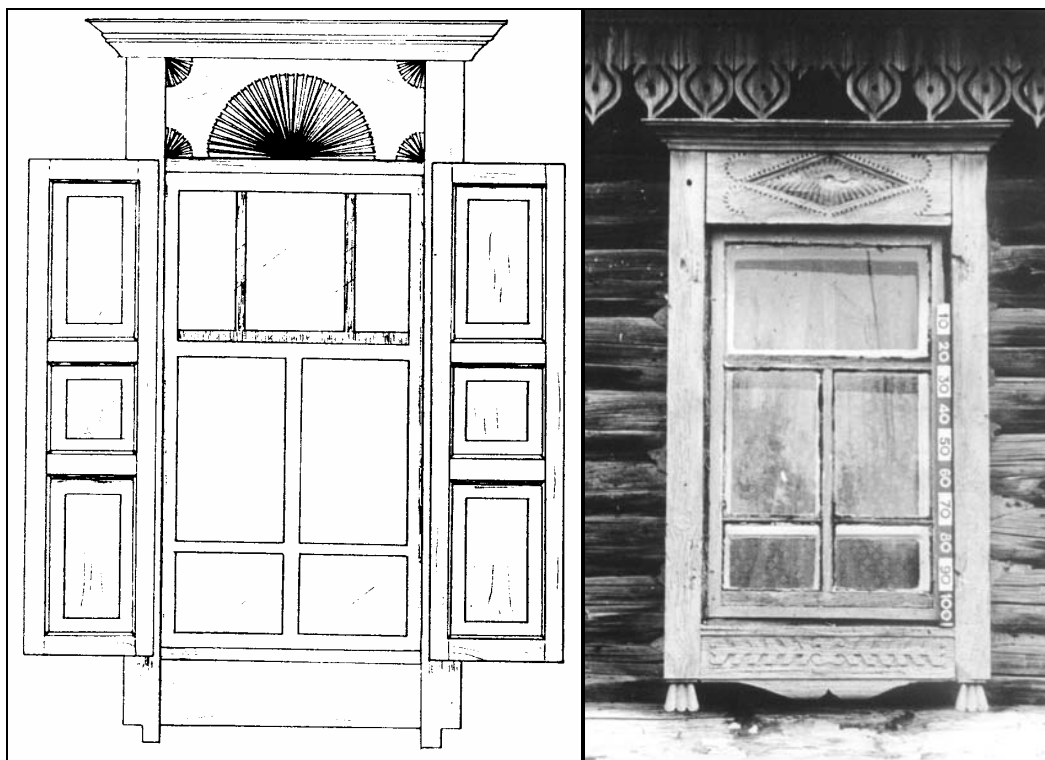

Рис.49 Солярные символы (репейник, ромб, ромашка) на наличниках.
Пос. Николаевка Варненский р-н Челябинской обл.

Рис.50 Декоративные украшения фриза, пропильная накладная резьба.
Пос. Амурский. Брединский р-н, Челябинской обл.

Рис.51 Элементы городского декора наличников и фриза. Пос.
Кацбах; Кизильский р-н, Челябинской обл.

Рис.52 Интерьер в избе Чиковой Ф.А. Пос. Амурский Брединский р-н, Челябинской обл.

Рис.53 Интерьер избы Репьевых. Пос. Остроленский Нагайбакский р-н., Челябинской обл.

Рис.54 Полати. Сел. Степное; Троицкий р-н Челябинской обл.

Рис.55 Улы-секе. Пос. Париж; Нагайбакий р-н Челябинской Обл.

Рис.56 Русская печь с полатями и пирожным брусом. Пос. Александровка
Варненский р-н Челябинской обл.

Рис.57 Русская печь в доме Чиковой Ф. справа, прикрытый
занавеской шкаф «тараканник» и опирающийся на него пирожный
брус. Пос. Амурский, Брединский р-н Челябинской обл.

Рис.58 Русская печь. Нагайбаки. Пос. Париж, Нагайбакский р-н Челябинской обл.

Рис.59 Основание печи. Пос. Париж; Нагайбакский р-н Челябинской обл.

Рис.60 «Голндка-барабан» в «крестовом» доме. Пос. Варшавский;
Карталинский р-н Челябинская обл.

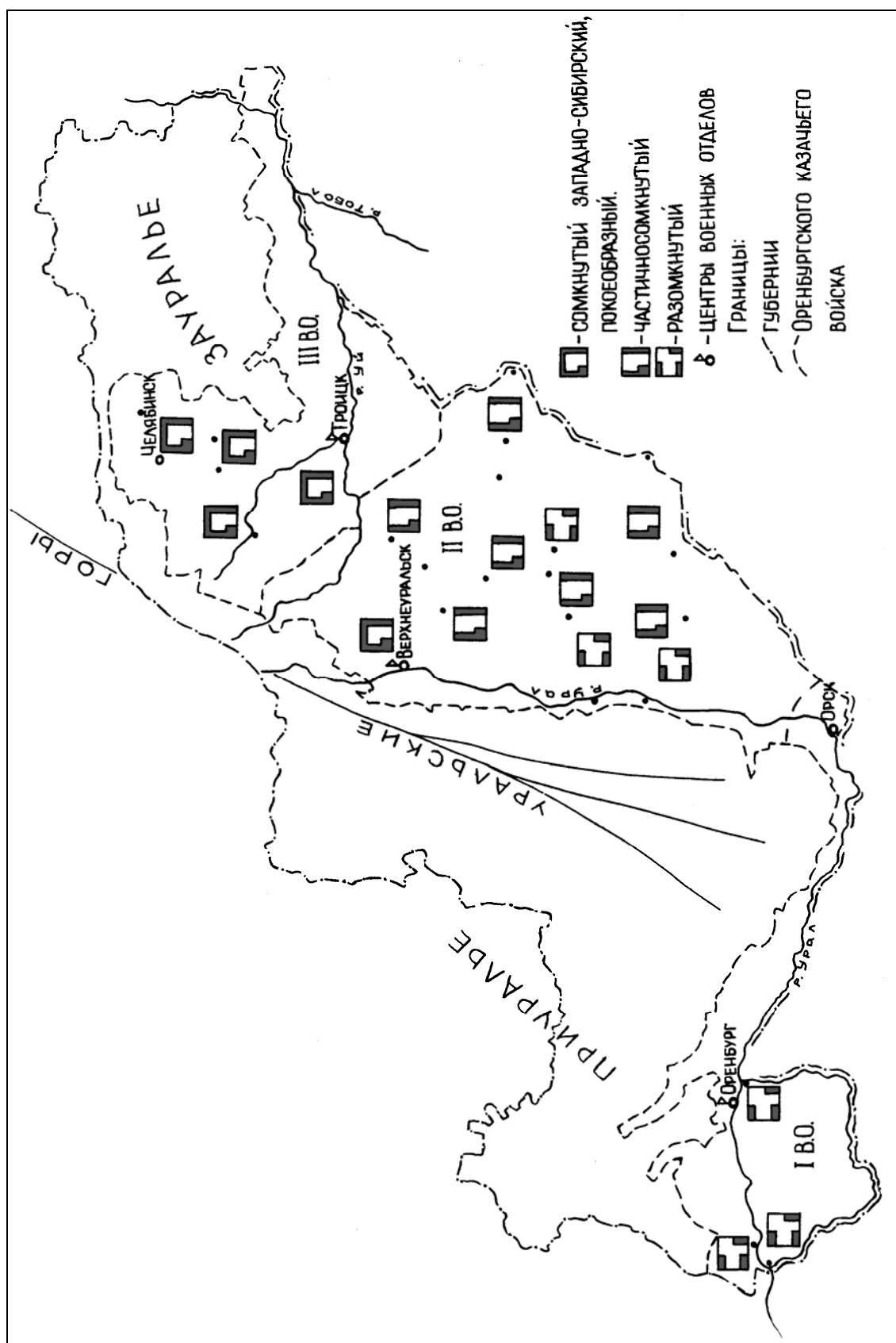

Рис. 61 Типы планировок дворов на землях ОКВ

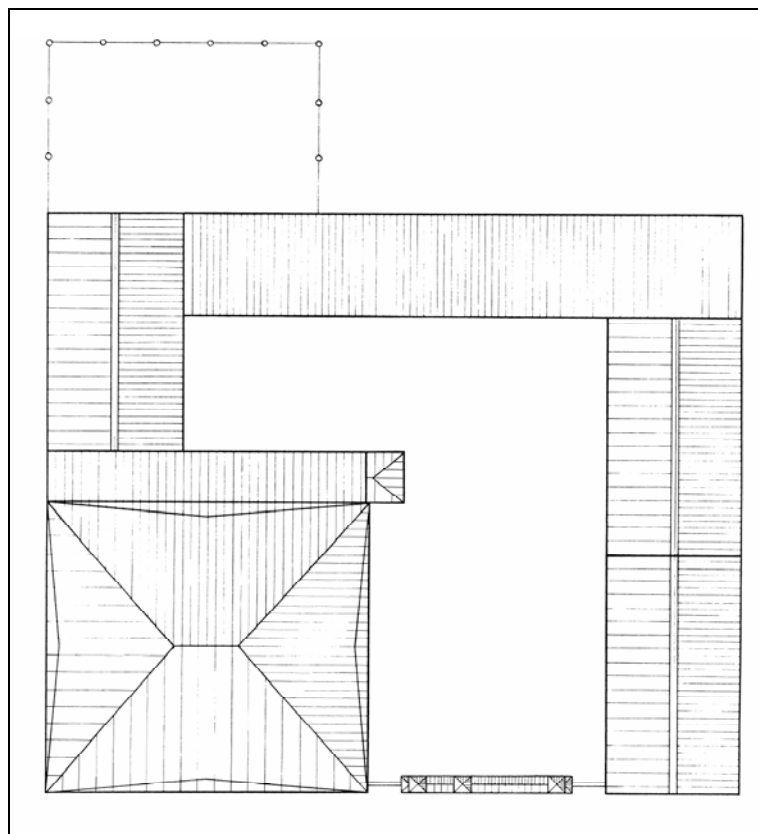

Рис.62 Западносибирский тип с «покоеобразной» планировкой двора, господствующей на территории III и части II военных отделов О.к.в. (лесостепная зона).

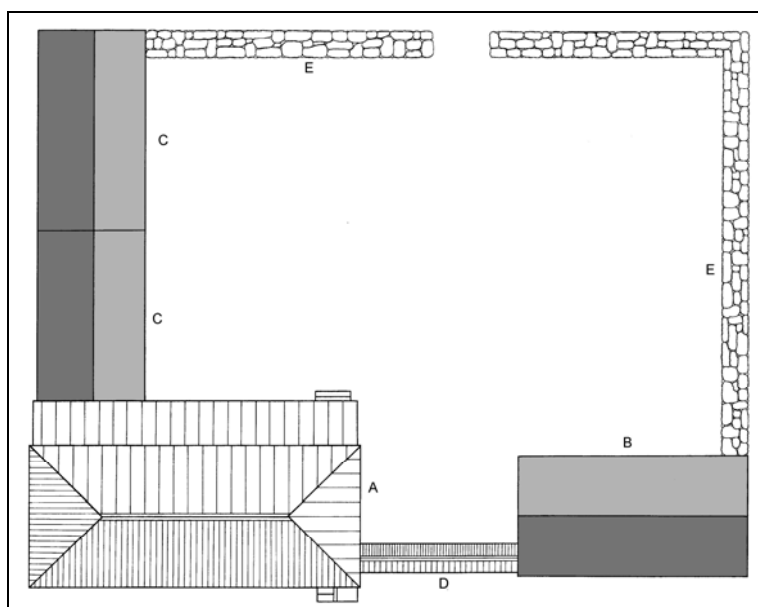

Рис.63 Тип застройки двора распространенный в степной зоне Челябинской обл. (II. Военный отдел).

Рис.64 Ворота, пос. Петропавловка, Уйский р-н, Челябинская обл.

Рис.65 Ворота, пос. Кацбах. Кизильский р-н., Челябинская обл.

Рис.66 Двор. Пос. Амурский. Брединский р-н Челябинской обл.

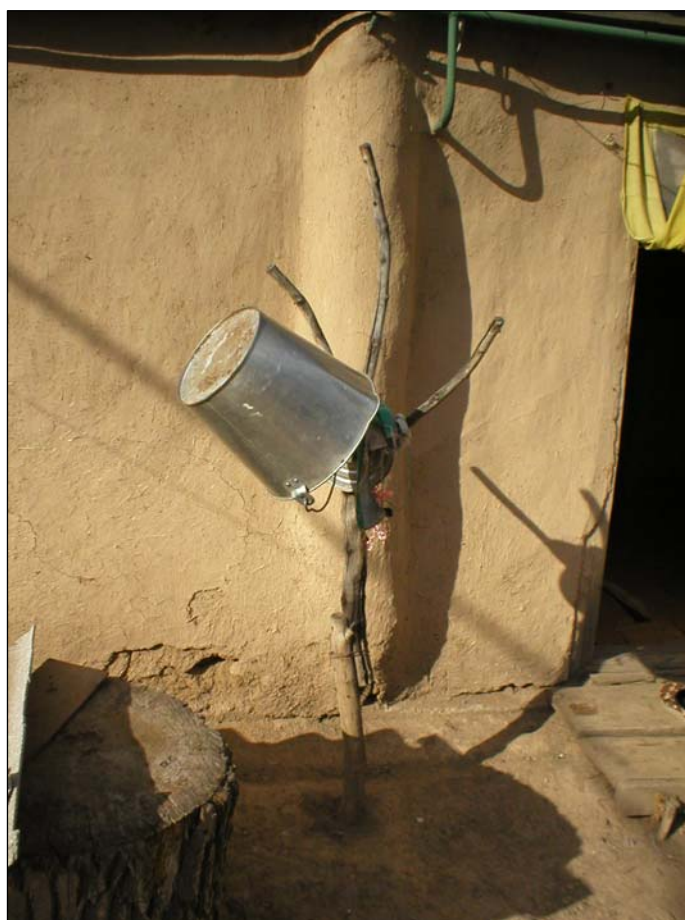

Рис.67 Летняя кухня. Сел. Нижнеозерное Оренбургская обл.
Перед входом приспособление для сушки ведер.

Рис.68 Плетневая постройка. Сел. Кардаилово, Илекский р-н
Оренбургской обл.

Рис.69 Амбар, пос. Париж. Нагайбакский р-н Челябинской обл.

Рис.70 Амбар, пос. Попово Чебаркульский р-н. Челябинской обл.

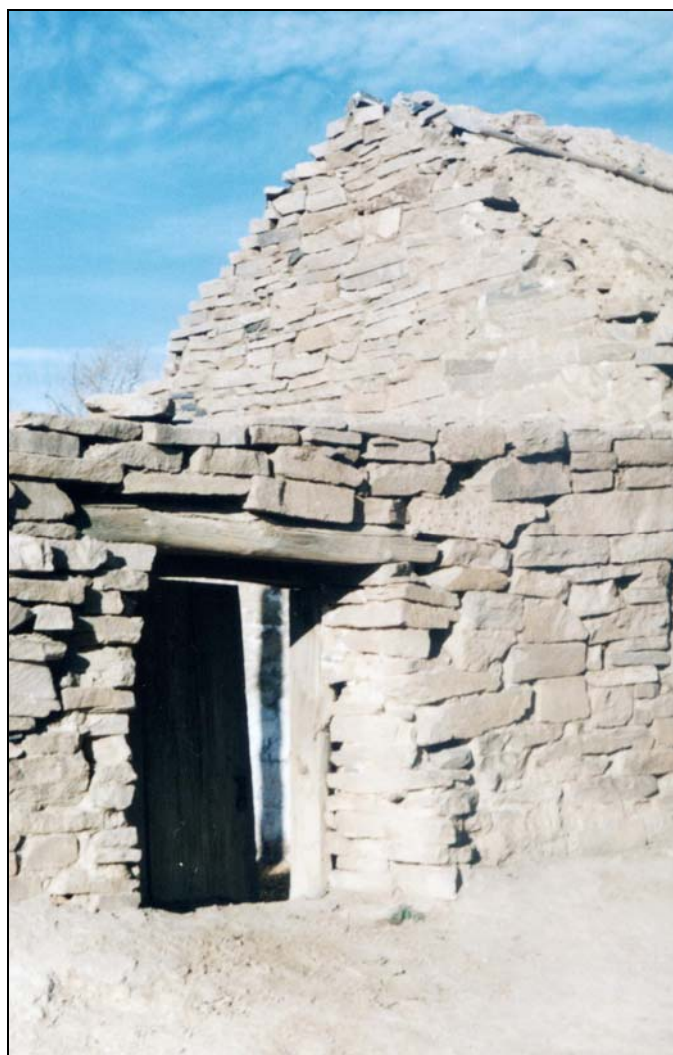
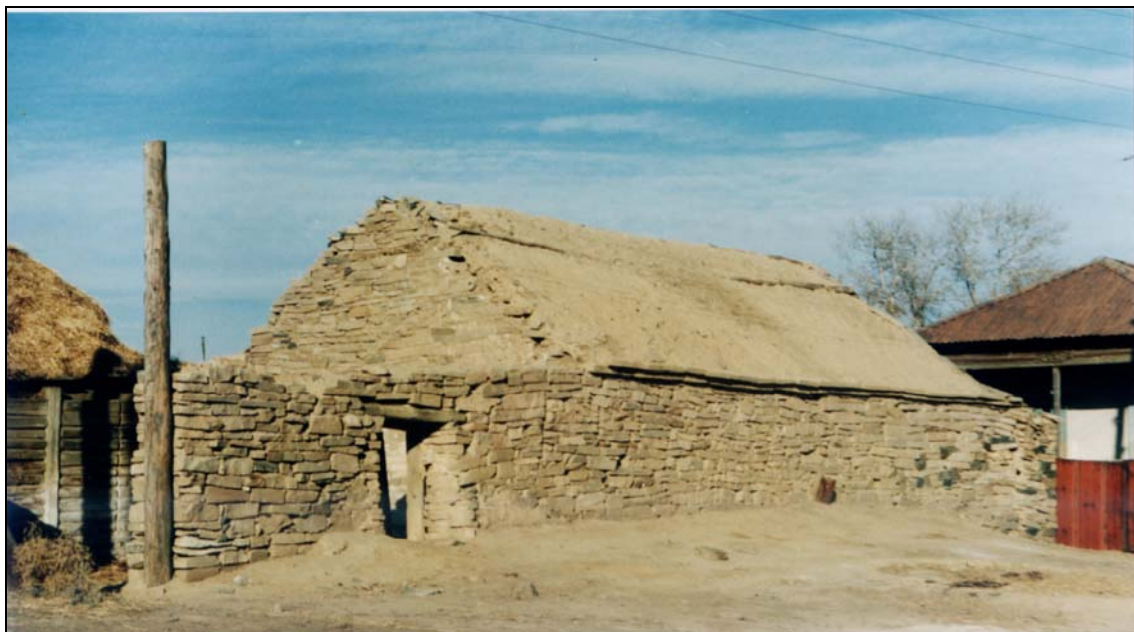

Рис.71 Амбар из дикого камня. Пос. Амурский Брединский р-н Челябинской обл.

Рис.72 Амбар. Карниз и фрагмент стены из гранитных блоков. Кровля с глиняным покрытием. Пос. Амурский Брединский р-н Челябинской обл.

Рис.73 Хозяйственная постройка из плитняка с сеновалом. Пос. Амурский Брединский р-н Челябинской обл.

Рис.74 Общественный амбар (общественный хлебный магазин). Пос.
Амурский; Брединский р-н Челябинской обл.

Рис.75 Перемычка из каменной плиты, вход в хоз. постройку.
Пос. Кацбах. Кизильский р-н. Челябинская обл.

Рис.76 Перекрытие хозяйственной постройки, пос. Кацбах, Кизильский
р-н Челябинская обл.

Рис.77 Внутренний вид погреба во дворе Чиковой Ф.А., пос.
Амурский, Брединский р-н Челябинская обл.

Рис.78 Пос. Кацбах. Фрагмент сруба из плах. Диаметр бревен 50см.

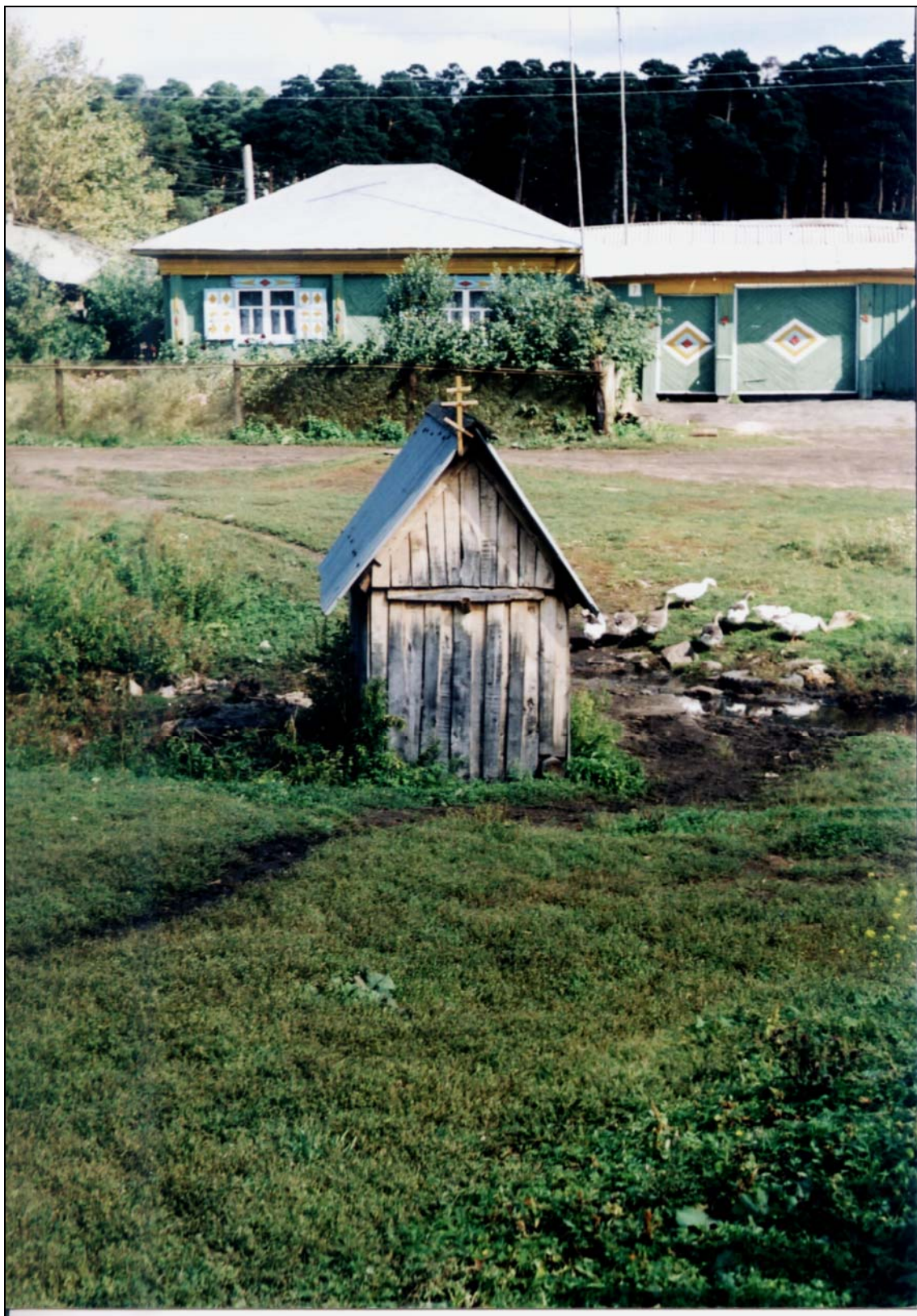

Рис.79 Пос. Попово. Нагайбаки-бакалы. Колодец. Чебаркульский р-н
Челябинская обл..

Рис.80 Общий вид экспозиции «Казачья усадьба» в музее заповеднике «Аркаим».

Рис.81 Двор усадьбы.

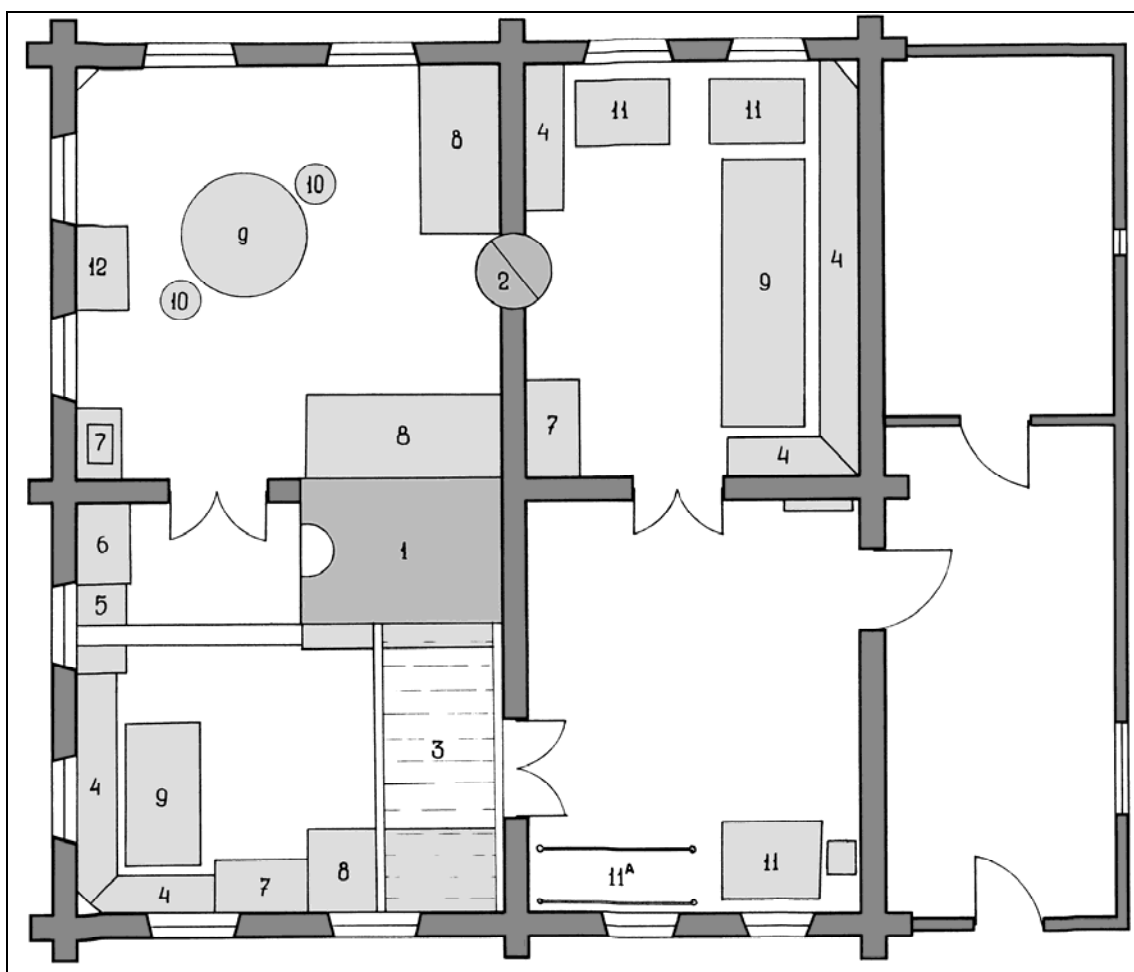

Рис.82. План дома. Экспозиция «Кавказская усадьба» в музее заповеднике «Аркаим».

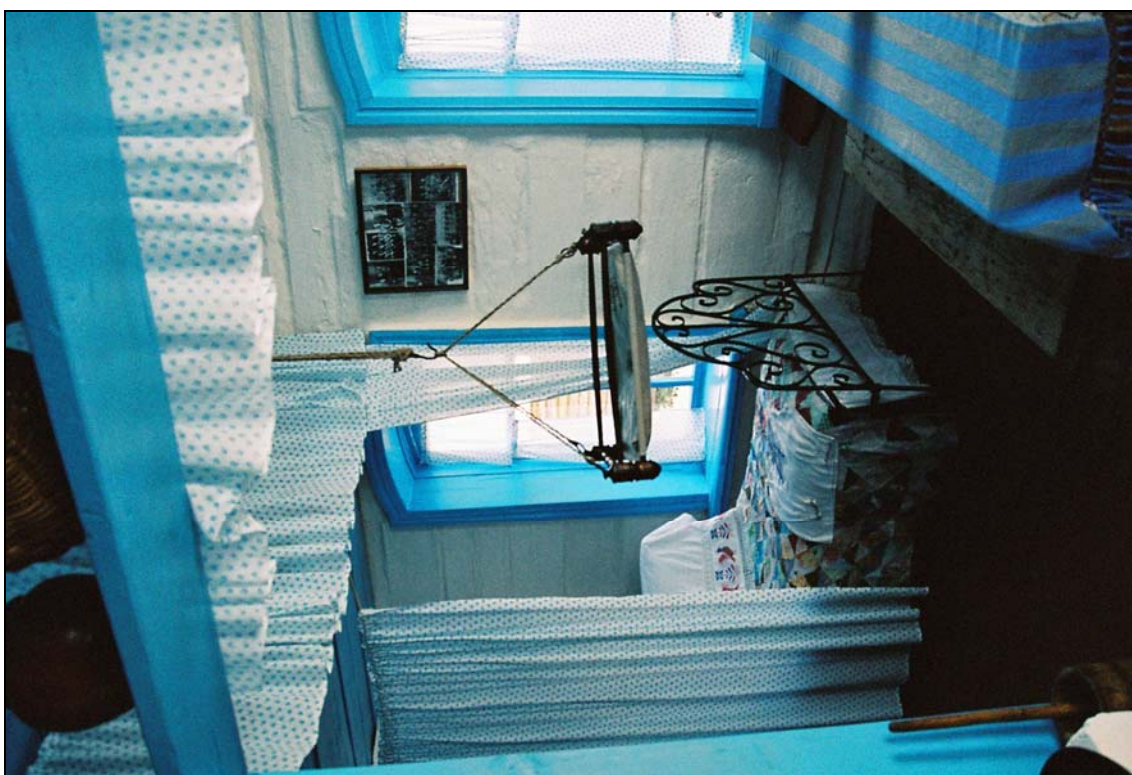
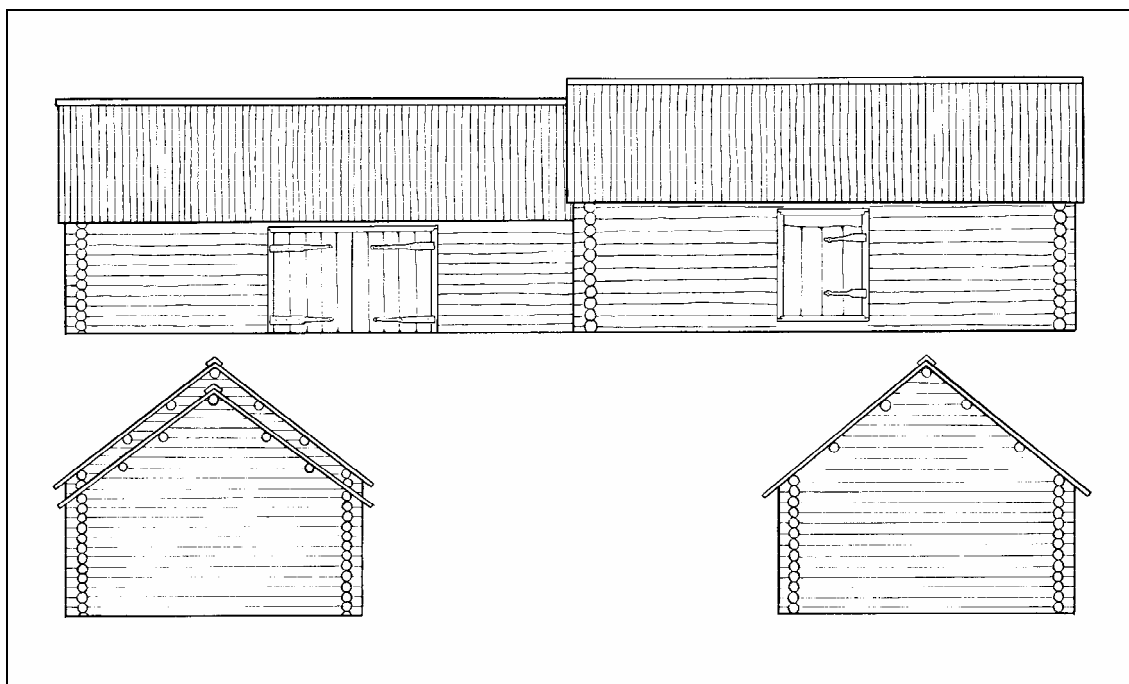

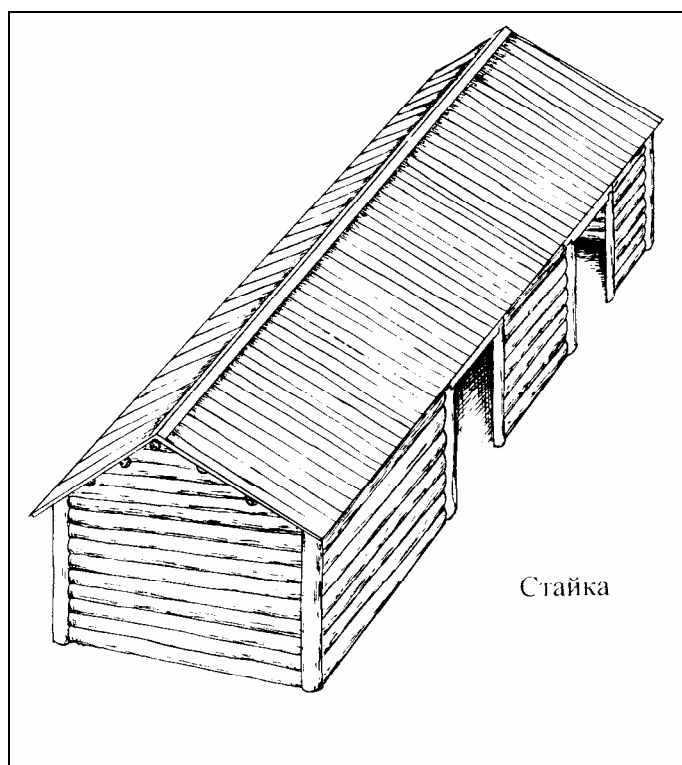
Рис.82 Изба. Экспозиция «Казачья усадьба» в музее заповеднике «Аркаим»

Рис.83 Горница. Экспозиция «Казачья усадьба» в музее заповеднике «Аркаим»

амбар и завозня

Стайка

Рис.84 Типы и конструкции хозяйственных построек

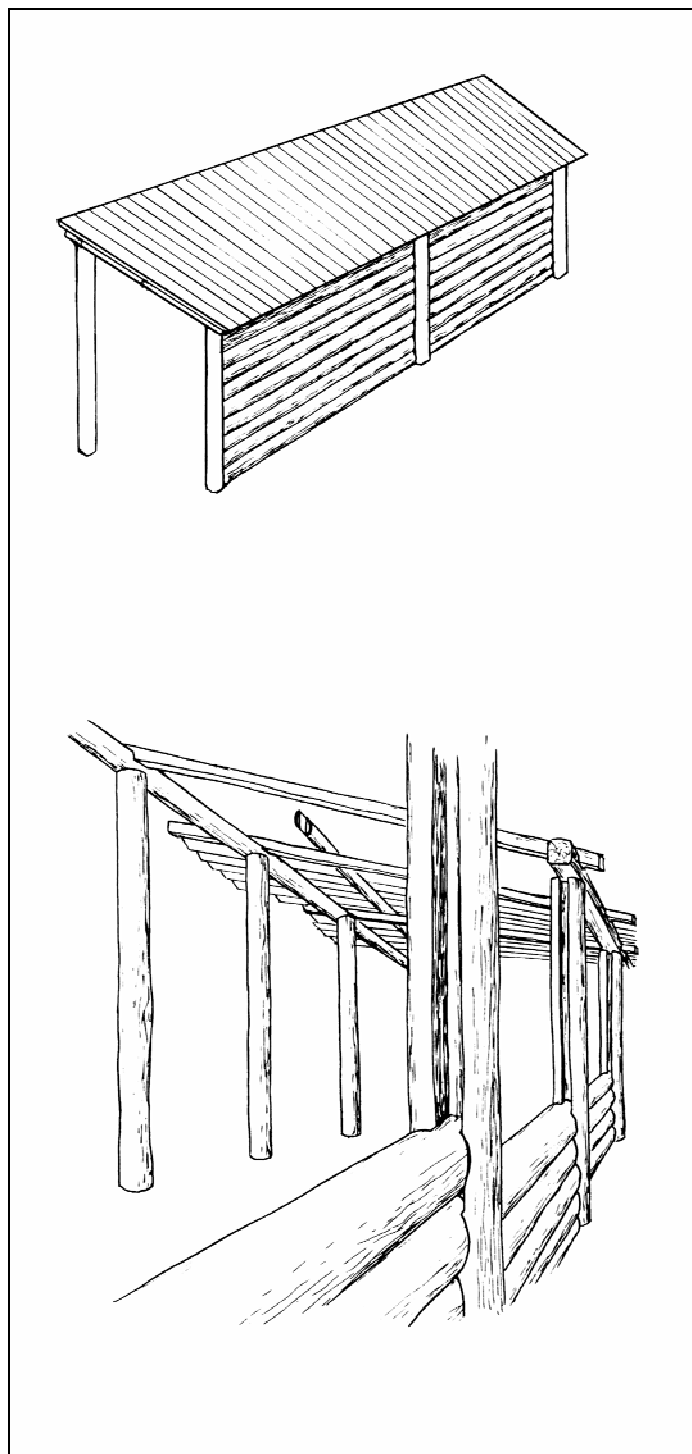

Рис.85 Навесы